

УРАЛЬСКИЙ № 10 (580), 2005
Следопыт
ВОЛОГДИНСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 8734-014X

октябрь:

**ПАМЯТНИК
РАЗВЕДБАТУ**

**И ВНОВЬ
ДРАКОНЬЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЕ**

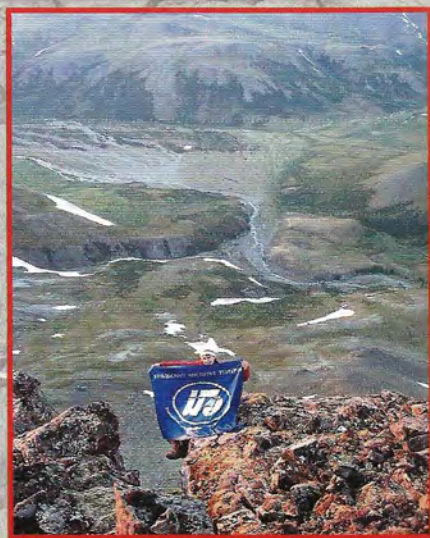
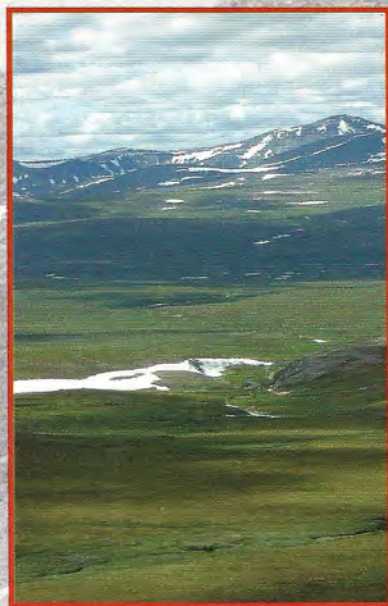
**ПУТЬ ШАМАНА –
В МИРЕ
ДУХОВ**

**хроника
неисторического
маршрута**

Маршруты Уральского следопыта

За 60-й параллелью лежит горная часть Полярного Урала. Это край суровых и величественных гор, край безбрежной тундры и сполохов северного сияния. Но сложность рельефа, отсутствие лесных массивов, отдаленность подхода к горным хребтам по северной тундре делают район труднодоступным.

«Уральский следопыт» проводит конкурс среди подписчиков

ПОДПИШИСЬ!

и участвуй в РОЗЫГРЫШЕ!

Пришли копию подписного абонемента на I полугодие 2006 г.
до 31 декабря.

ПОДПИШИСЬ!

ты можешь стать ОБЛАДАТЕЛЕМ:

- настенного календаря с видами Урала;
- фотоальбома Евгения Савенко «По Чусовой»;
- подписки на II полугодие 2006 года на «Уральский следопыт»;
- книжной серии «Урал. История в лицах городов». Координатор серии Ю.Горбунов.

СУПЕРПРИЗ!!!

- Приглашение на бесплатное участие в экспедиции по Приполярному Уралу на внедорожниках в августе 2006 года.

Министерство связи РФ «Роспечать»		73413
АБОНЕМЕНТ на журнал		
«Уральский следопыт» <small>(наименование издания)</small>	Количество комплектов	
На 2006 год по месяцам		
1	2	3
4	5	6
7	8	9
10	11	12
Куда		
<small>(почтовый индекс)</small>		<small>(адрес)</small>
Кому		
<small>(фамилия, инициалы)</small>		
ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА		
ПВ	место	д и пер
		на журнал
		73413
«Уральский следопыт» <small>(наименование издания)</small>		
Стои- мость	подписки _____ руб.	Количе- ство ком- плектов
	пере- адресовки _____ руб.	
На 2006 год по месяцам		
1	2	3
4	5	6
7	8	9
10	11	12
Куда		
<small>(почтовый индекс)</small>		<small>(адрес)</small>
Кому		
<small>(фамилия, инициалы)</small>		

Итоги конкурса
будут подведены
1 февраля 2006 года.

«...У журнала богатые традиции и широкая молодёжная аудитория. Основной задачей деятельности редакции журнала является развитие в читателях стремление к культуре, регулярное, планомерное воздействие на молодёжь для воспитания патриотизма, гордости и любви к своей Родине...»

Обращаюсь к Вам с предложением оказать поддержку тем ученикам, которые действительно стремятся к знаниям, и в качестве награды подарить подписку на журнал «Уральский Следопыт» на 2005 год.»

Из письма главам администраций и руководителям крупных предприятий.

Спектор С.И.

... обратился к главам муниципальных образований и руководителям ведущих предприятий округа с просьбой использовать подписку на журнал «Уральский Следопыт» в качестве награждения школьников-победителей смотров, конкурсов, спартакиад, олимпиад. ...выписано:

на предприятиях

1. ЗАО «Волчанский уголь»...

2. ОАО «Севуралбокситруда»...

3. ОАО «Святогор»...

4. ФГУП «Комбинат «Электрохимприбор»... - для подшефных школ

в администрациях муниципальных образований

- Новолялинский район...

- Верхотурский уезд...

- Нижнетуринский район...

- город Волчанск

Администрация Северного управленческого округа Свердловской области.

Управляющий округом И. Граматик

... Управлением образования МО «Верхняя Пышма» выделены средства на подписку журнала «Уральский Следопыт»

Начальник Управления образования Т.С. Козина

... направляем информацию об учащихся, представленных к награждению подпиской на журнал «Уральский Следопыт» на 2005 год.

Глава МО посёлок Рефтинский.

Д.А. Петров

Нами изучена ситуация в образовательных учреждениях и сформирован список ... учащихся, которые достойны такого подарка, как подписка на журнал

Глава МО Сысертский район

А.И. Рошупкин

Заявка на журнал «Уральский Следопыт» от Слободо-Туринского МОУО

Начальник Слободо-Туринского МОУО

Г.И. Фоминов

Управление образования администрации МО «Пышминский район» ходатайствует о награждении подпиской «Уральский Следопыт» следующих учас

Начальник Управления образования А.Н. Парабеева

При формировании смет расходов на 2006 год Управлению образования, Управлению культуры предложено рассмотреть возможность увеличения средств для подписки на журнал.

Администрация города Екатеринбург.

Заместитель главы города М.Н. Матвеев

Турдобское МО

Потапов Иван

Абросов Владимир

Коржавин Владимир

Наблюдательный совет «Уральского следопыта»

РЕКА ВРЕМЕНИ

Портреты

В.РЯБУХИНА Даритель - Елизавета Кремлева 6
И.ПЛОТНИКОВ Кроль - лидер уральских кадетов 66

Далекое-близкое

В.СОЛОВЬЕВА Разорванное колесо 20

Тропой поиска

Ю.ГОРБУНОВ Писательницы России 47

Ишимские хроники

О.ОЖГИБЕСОВА Веселый человек из Ишима 48

Версия

Г.ПУДОВ Уральский берестяной промысел:
 Самодеятельность или традиция? ... 50

Клуб собирателей

В.ВОЛЕГОВ Шанхайские раритеты 64
А.МАКУРИН «Всхлипы» НТМК 80

АЗЛИТА

Публицистика

Н.ТАРАБУКИНА Статья о Борисе Рыжем
 «На вас меня посмотрят сквозь» 8

Эксклюзив

Б.РЫЖИЙ Стихи 10

Фантастика

Н.ИПАТОВА Ледяное сердце Златовера 24
В.ВОРОН Взаимодействие
 искусственного с живым 61

Современная проза

Н.МЕДВЕДЕВ Осень 73

Современная поэзия Урала

Ю.БОГАТЫРЕВ Стихи 78

Союз писателей представляет

А.ТИТОВ Морпех Паша 82

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Заповедные земли Урала

В.МИТРОФАНОВ По реке Тагил 4
А.ПИЧУГИН «Ноты могучей гармонии» 16

Советы специалиста

Н.ПАНЬКОВА Походная верхняя одежда 14

Путешествия

Н.ЗВЕРЕВА Первый раз за Полярным кругом 54

Записки очевидца

М.ШИШКИН Магия - не панacea 56

Экспедиция

А.НЕКРАСОВ По линии фронта 70

Заповедные земли

Г.ГУФИМЦЕВ Саянская сказка -
 Окинское плоскогорье 86

Главный редактор
Максим Фирсов

Редакторы разделов -

Юний Горбунов,
Андрей Наседкин.

Художественный редактор,

верстка -

Юлия Ульянова.

Художник -

Ирина Овсянникова.

Набор -

Валентина Кадочникова.

Корректор -

Елена Тришкина.

Интернет-версия -

Дмитрий Новоселов.

Учредитель:

Общественная организация

«Трудовой коллектив

редакции журнала

«Уральский следопыт».

Издатель:

ООО «Редакция журнала

«Уральский следопыт».

Редационный совет:

Владислав Крапивин

Сергей Казанцев

Борис Стругацкий

Геннадий Прашкевич

Олег Поскребышев

Юрий Казарин

Станислав Мешавкин

Наблюдательный совет

Евгений Виноградский

м.с.м.к., «Снежный Барс»

Евгений Савенко

чл. Союза фотохудожников России

Семен Спектор

заслуженный врач России

Выпуск издания осуществлен

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

при поддержке

министерства физкультуры, спорта

и туризма Свердловской области

Регистрационное свидетельство № 441,

выдано 13.12.90 г. Министерством печати

и массовой информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский

следопыт» обладает исключительным

правом на логотипы и название журнала.

Рукописи принимаются отпечатанными не

менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28-30

строк на странице. Каждая страница

рукописи должна быть подписана автором.

Обязательно прилагать информацию об

авторе; указывать согласие на публикацию в

журнале, на сайте журнала, корректурную и

редакторскую правки. В первую очередь

рассматриваются рукописи, дополненные

электронной версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При отправлении электронных сообщений

обязательно заполнять поле ТЕМА.

Любое использование материалов журнала

допускается только с письменного согласия

ООО «Редакция журнала «Уральский

следопыт». Ссылка на журнал «Уральский

следопыт» обязательна.

По вопросам приобретения журнала

обращаться по тел. (343) 257-10-74.

Подписано к печати 30.09.2005 года.

Формат бумаги: 84x108/16. Бумага

офсетная. Печать офсетная. Тираж 4500.

Отпечатано в типографии

Екатеринбургской Епархии

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:

620142, г. Екатеринбург,

ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:

(343) 257-45-01, 257-36-62

E-mail: info@uralstalker.ru

www.uralstalker.ru

По реке Тагил

Хроника неисторического маршрута
(лето 2005 г.)

День первый

Моросит мелкий дождик.

Накачиваю свой двухместный резиновый «Ер-тик», складываю палатку-шатер, туристический коврик, рюкзак и начинается мое одиночное плавание вниз по реке Тагил. Первоначальный план (спуститься по реке Баранча в Тагилку) отверг сын, предложив продолжить его юношеский маршрут от карьера Песчаный, намекнул на то, что река Баранча сейчас мелковата даже для резиновой лодки.

Итак, плыву, река, шириной 15-20 метров, течет спокойно мимо крутых, заросших черемухой и травой берегов. На поворотах встречаются завалы леса и кустарников, оставшихся от половодья. Вот взлетела утка, у берега проплыла ондатра. Плыву более часа, но так устье Баранчи и не заметил, видно где-то в протоках пропустил.

А ведь была хорошая мысль: после того, как осенью 2004 года я посетил Кокуй, приток Серебрянки, продолжить водный маршрут Ермака. Река Кокуй показалась мне совсем мелководной, все берега завалены лесом и зарослями кустарника, до впадения в Серебрянку течет по болотистой низменности, вообще, трудно предположить, что здесь был

«Кокуй-городок». Проходит несколько часов, река Тагил по-прежнему тиха и спокойна, для ускорения подгребаю веслами. Река Тагил не упоминается в сборнике В. Головки и В. Оконешникова «По рекам Урала», но она заслуживает все же внимания, связанного с походом Ермака. За Нижним Тагилом, пройдя немного на север, река поворачивает на восток и далее до впадения в реку Туру проходит более 300 км. Горная часть реки, где встречаются перекаты, заканчивается в 40 км от города Тагила, а далее это типичная равнинная река. В свое время река была сильно загрязнена сбросами Нижнетагильского металлургического комбината. Сплаваясь в мае от Верхнеермаково, мы были свидетелями того, как уровень воды в реке за ночь поднялся на 1 метр. По реке плыли огромные масляные пятна, большие стаи рыб, высунув головы с раскрытыми ртами, плыли по верху и забивались в протоки.

В настоящее время НТМК завоевал золотую медаль за природоохранную деятельность, да и мелкие загрязнители (такие, как цементные заводы) резко сократили свою работу. Река Тагил становится чище. В реке насчитывается более 18 видов рыб,

это больше, чем в Черноисточинском пруду. Водится здесь сорожка, окунь, щука, елец, лещ, пескарь, уклейка, ерш. Попадаете обычный карась, голавль и даже карп. А раньше, 70-80 лет назад, в Тагилку приходила красавица нельма из реки Туры, а еще раньше обитали хариус и таймень.

Честно признаться, я сомневался в таком изобилии рыбы, но на плесах мелкие рыбешки постоянно выпрыгивали, встречались редкие рыбаки.

В полосе моросящего дождя показался высокий каменный массив с отвесом к реке более 80 метров – это Медведь-камень. В свое время мне запомнилась картина в краеведческом музее города Нижнего Тагила «Ермак на вершине Медведь-камня». Художник изобразил Ермака в полном боевом облачении. Сейчас этой картины нет, как несоответствующей действительности. Рядом с картой маршрутов Ермака висит портрет строгого бородача, больше похожего на купца. Этот портрет сильно отличается от Ермака на картине Сурикова «Покорение Сибири», да и нашего представления по учебнику истории.

Для причаливания выбираю устье ручья, больше негде пристать. Тропа ведет по крутому склону вверх, а там и вышка. С вершины видны на юге дымы Тагила, на севере проглядывается большое село. Напротив, внизу за рекой, широкая поляна, (не здесь ли было «Ермаково городище»?).

Старожил этих мест, Юрий Иванович Ермишин, рассказывал, что на отвесе Медведь-камня была прикреплена мемориальная плита в честь 400-летия похода Ермака. Сейчас, кроме надписи на вышке «Машу любит Паша», никаких следов нет.

В очерке Николая Никонова «Ермак» пишется, что здесь Ермак продемонстрировал пленному мурзе Таузаку силу огнестрельного оружия, отпустил его к Кучуму с предупреждением, чтоб тот покорился без боя.

Но вернемся к нашим «баранам».*

Плыву дальше. Вот, небольшой мыс, где есть удобное место для причаливания, пора подумать и о хлебе насущном. Обед – современные субпакеты: «Горячая кружка супа», «Лапша» и чай – все заправ-

ляю горячей водой из термоса. Погода начинает улучшаться, далее прошел несколько перекаатов, впереди село Балакино, по берегам дачные домики и около них рыбаки.

По преданию, часть казаков, оставленная Ермаком, спустилась по Тагилке из Ермакова городища и на высоком берегу срубила избы. Так образовалось село Балакино, и пошел род Ермаковых по Уралу. Село большое, есть заброшенный клуб, старый молельный дом, хороший магазин с набором водочной продукции. За селом останавливаюсь на ночлег!

День второй

Ночью меня разбудил сильный ветер, палатку трепало, глухо шумел и скрипел лес, дождь лил как из ведра. Хмурое серое небо, холодный северный ветер гнал воду против течения. Лодка, привязанная крепко к кустам, наполнилась водой. Сама река не настраивала на дальнейшее плавание. Жду до обеда, непогода не унимается, неужели синоптики опять обманули, и циклон пришел раньше.

День ожидания не принес улучшения, плыть по реке против встречного ветра дело безнадежное, в сроки не уложиться.

Решаю закончить маршрут, тем более, что горная и наиболее интересная часть реки пройдена. Будет погода, пойдём дальше.

Да, прошло много лет, за сегодняшними заботами и проблемами, людям, живущим на этих берегах, не до истории. Но имя Ермака пользуется большой популярностью. Это и первый русский ледокол «Ермак», Чехов плыл по Амуру на Сахалин на пароходе «Ермак», скоростной новый современный поезд Москва-Санкт-Петербург назван «Ермак». Памятник Ермаку в Тобольске завершает эпопею о походе Ермака. Да, это был первый крупный воинский отряд, пришедший на тогда еще неизведанные земли, пусть продержались они всего три года и после гибели Ермака, ровно 420 лет назад (погиб он в 1585 году), только горстка вернулась назад. Но кто предполагал, что этот край станет золотой нефтеносной жилой России. Возможно, Ломоносов это предвидел:

– «Богатства России будут прирастать Сибирью!»

Валентина РЯБУХИНА,
Фото Ирины БОГАТЫРЕВОЙ

Даритель – Елизавета Кремлёва

Фонд сегодняшней областной библиотеки вырос из частного собрания энтузиаста.

Как и в каждой крупной библиотеке, есть в главной библиотеке Свердловской области отдел, называемый «Редкие книги». Именно здесь хранятся самые первые книжные дары, которые преподнесли устроители первой публичной библиотеки в Екатеринбурге 105 лет тому назад. Среди меценатов была Елизавета Михайловна Кремлева, на долгие годы ставшая опекуном, матерью-настоятельницей этой книжной обители. Из своей личной библиотеки она пожертвовала безвозмездно 2671 книжно-журнальное издание. Тем самым была заложена основа публичной библиотеки. «Это самый ценный вклад, давший возможность ограничиться очень незначительной покупкой книг при открытии библиотеки», - сказал в первом отчетном докладе такой же энтузиаст А.Н.Батманов.

Е.М. Кремлева родилась 26 октября (н.ст.) 1855 г., т.е. 150 лет назад, в семье золотопромышленника М.С. Засохина в Екатеринбурге. Род занятий звучит внушительно. Однако из него не вышел богат тип Харитоновых или Расторгуевых. Отец был из тех немногих, кому «не фартило» на золоте. Удалось обзавестись водолечебницей – она и обеспечивала достаток. В семье девочка получила начальную подготовку, затем окончила гимназию, выбрав стезю домашней учительницы.

Просветительская жилка подвигнула Елизавету Михайловну к формированию личной библиотеки, которую она потом открыла для читающей публики. Пришлось снять помещение на ул. Колобовской, недалеко от школы. Репетиторский труд и небольшие суммы от абонентов служили источником существования.

Может быть, Елизавета Михайловна так и осталась бы екатеринбургским педагогом, а не библиотечным деятелем, если бы не решительные действия членов клуба, а потом Общества изящных искусств по учреждению независимого, общедоступного очага просвещения.

В день 50-летия со дня смерти русского литературного критика В.Г. Белинского распахнуть двери библиотеки не удалось – вышла задержка с уставом. Волнения, в том числе и личного свойства, негативно отзывались на самочувствии Е.М. Кремлевой. Опасаясь за свое

здоровье, 43-летняя женщина сочла необходимым составить следующее завещание: «Всегдашней моей мечтой и задушевным желанием было учреждение в г.Екатеринбурге общедоступной библиотеки, которые существуют в других, даже меньших, чем наш, городах... Ожидая скорейшего осуществления и открытия, наконец, в нашем городе публичной библиотеки, но, чувствуя по временам силы слишком надорванными, на случай своей смерти я решила выразить свою непреклонную волю, чтобы все имеющиеся остаться после меня книгу беллетристического, научного, философского и другого содержания, а также и всякого рода другие издания, как-то: карты и прочее – поступили в собственность библиотеки, каковая будет открыта в Екатеринбурге...». Завещание, к счастью, осталось только юридическим документом.

Через год, в конце мая 1899 г., в Екатеринбурге начались торжества в память великого русского поэта А.С. Пушкина. Общественное собрание предоставило для этого свой зал. Были накрыты столы, раздавались гостинцы, звучали стихи, музыка, организовывались прогулки. Жители выходили на Главный проспект уже не по Соборной, а по Пушкинской улице. Шли дальше – на Колобовскую, 5, к двухэтажному дому Жукова, сданному в аренду для новой библиотеки.

Е.М. Кремлева сразу же вошла в состав правления – ответственной за исполнение библиотекой установленных правил и правительственных распоряжений. Это была безвозмездная должность, утвержденная начальником Пермской губернии. Распространяла подписные листы для вручения благотворителям, составляла списки книг, покупаемых в магазинах для прибавления фонда... В начале 1901 г. ее пригласили на штатную должность старшего библиотекаря, выделили содержание в 25 руб., дали двух помощниц и пожелали доброго пути на этом поприще.

Библиотека стала для нее смыслом жизни. Все силы отдавала, чтобы удержать ее на плаву. Своего помещения у библиотеки не было, аренда дорожала, трижды приходилось переезжать. Катастрофически не хватало средств. Если небольшие библиотеки в других уездных центрах могли рассчитывать на заботу

со стороны земств, то в Екатеринбурге такого органа самоуправления не было, а городская, тем более губернская, власть тяготилась этой помощью. Сколько прошений «милостивым государям» разных уровней было написано, сколько благотворительных концертов и лотерей организовано – не сосчитать! Читателям это было неведомо.

Елизавета Михайловна не ограничилась первоначальным книжным дарением «Белинке». Просматривая состав фонда редких книг, можно убедиться, что штампы «Библиотека Е.М. Кремлевой» встречаются на изданиях и после 1899 г., вплоть до 1917-го. Она покупала книги на собственные средства, сначала для своей коллекции, а потом передавала в общественную. «Все знали, что она свое жалованье почти целиком отдает на покупку книг и составляет библиотеку, которая будет передана городу», - писал Б.Д. Удинцев.

Будучи человеком образованным, знающим европейские языки, Елизавета Михайловна могла оказать читателю любую справочную помощь. Многие прошли ее «школу чтения» от юного до взрослого возраста. Практика руководства чтением ведет свое начало от педагогических приемов именно таких старых служителей книги. Наставлениями грамотного библиотекаря, а не выдавальщика книг, при организации чтения по истории, о жизни замечательных людей, беллетристики в «Белинке» пользовались многие искатели знаний. Библиотечное дело стало делом жизни Е.М. Кремлевой, различия между рабочим и личным временем она не делала.

Посетители библиотеки по-разному относились к ворчливому нраву маленькой сухонькой хозяйки. Женщина с постоянно дымящейся папиросой в те времена воспринималась неодобрительно. И хотя побаивались ее нотаций, они были только внешним проявлением строгости. На самом деле тех, кто увлеклся чтением, искал дорогу к книжным сокровищам, она искренне уважала и любила, а те, в свою очередь, лучшего советчика и не желали.

В 1916 г. увенчались успехом хлопоты по строительству здания для библиотеки. Он и сейчас жив, двухэтажный, оригинально спроектированный дом на ул. К. Либкнехта, 8, и там по-прежнему живут книги. В светлом, уютном читальном зале хозяйничают дети разного возраста. В тот самый читальный зал с лепным потолком вела посетителей на первую экскурсию довольная новосельем заведующая. Ей самой в этом здании были отведены небольшие комнатки для проживания и хранения всю жизнь покупаемых на свои сбережения книг.

Два года пролетели в радости. Затем наступили революционные события, Гражданская война, все пошло наперекосяк. Белые сменили красных, потом наоборот. Библиотека стала госпиталем для раненых бойцов. Кто-то глухо упоминал о подвалах, где якобы содержались царские двойники. Пережить обрушившийся хаос было нелегко.

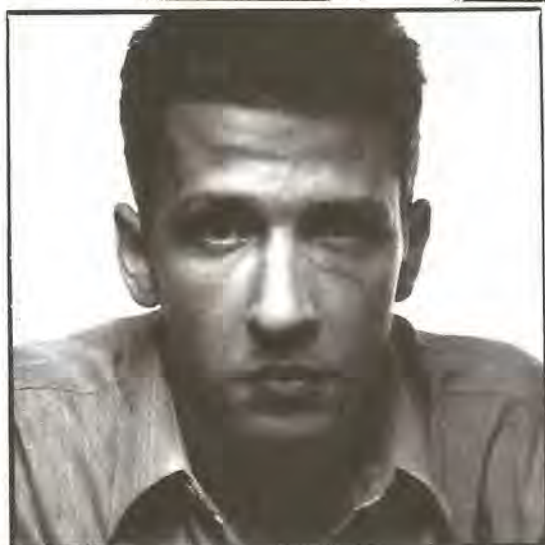
По декрету СНК «Об охране библиотек и хранилищ» (1918 г.) пришла эпоха национализации и централизации библиотечного дела, которые местный чиновник, облеченный властью, выполнял в силу своего разумения. Правление библиотеки закончило свою

попечительскую деятельность. Как и все учреждения школьного и внешкольного образования, библиотека им. В.Г. Белинского была подчинена государственному управлению и должна была соблюдать определенную политическую ориентацию. В связи с закрытием ряда библиотек их «книжный инвентарь» (так написано в газете того времени) накапливался в центральной библиотеке города. Собственный 80-тысячный фонд пришел в удручающее состояние. На реставрацию денег пришел в удручающее состояние. На реставрацию денег не выделяли. Не было мебели, не отпускалось продовольствие для сотрудников. Голодала и заведующая. Старорежимному интеллигенту, человеку других моральных убеждений, освоить новации революционно-переходного времени оказалось не под силу. Поэтому в 1922 г. 67-летняя устроительница внешкольного культурно-просветительского учреждения перешла на должность библиотекаря-инвентаризатора.

Последние три года своей жизни Елизавета Михайловна, живя в библиотеке, в штате ее не числилась. Книжная жизнь потекла мимо нее. Как существовала, чем питалась аскетичного вида старушка – Бог весть. Скорее всего, из последних сил репетиторствовала по части музыки. Ее не притесняли, наоборот, отдавали дань уважения заслугам. Еще в годы работы политпросветотдел и союз просветителей ходатайствовали о назначении Кремлевой повышенной пенсии и усиленного продовольственного пайка. А она жизнь свою завершила тем, что преподнесла еще один подарок – все накопленное многотысячное собрание личных книг вновь завещала любимой «Белинке».

12 мая 1927 г. в газете «Уральский рабочий» был напечатан небольшой некролог. Горожане извещались о кончине «героя труда» и «героя книги» Е.М. Кремлевой. Несколько лет за могилой на Ивановском кладбище ухаживала ее ученица, о чем упоминалось в переписке Б.Д. Удинцева и ее сподвижника А.Н. Батманова. Потом следы могилы затерялись.

*«На вас меня
посмотрят
сквозь»*

Екатеринбург реабилитирован. В сознании потомков он останется не только местом ссылки и расстрела семьи последнего российского монарха, а и городом, где жил, творил, грустил и радовался гениальный поэт современности Борис Рыжий. Здесь он и похоронен горестным майским днем 2001 года. В полку застенчивых и дерзких одновременно рыцарей русского слова прибыло.

Допускаю, многие мои современники, даже из породы тех (себя тоже к ней отношу), кому «жизнь без стихов непредставима», не согласятся с эпитетом «гениальный», не поверят пророчеству: «На вас меня посмотрят сквозь». Их право.

У меня свой критерий. Главное отличие гениальных поэтов от просто поэтов «хороших и разных» – в умении правильно расставлять слова. Великий гуманист Вильгельм Гумбольдт установил наличие «энергетической связи» между словом и миром. Он утверждал, что правильно расставленные слова – живые и служат источником энергии, необходимой для жизни. Если нарушается это соотношение, слова умирают и как все омертвевшее пагубно действуют на живое.

У Бориса Рыжего лишних слов нет и нельзя не согласиться с критиком и поэтом Ларисой Миллер, что у него – «...все-живое. Его картинки точны...все наглядно, конкретно, предметно, все можно понюхать, услышать, увидеть, потрогать...стул такой, что хоть садись на него, в домино играют так, что слышно, как костяшки стучат». Хотя из известной творческой триады Введенского – «Бог, Время, Смерть» – Борису Рыжему ближе всего пришлось последняя тема.

Пожалуй, никто из поэтов-современников в своих текстах не приближался к ней на такое близкое расстояние, как он – смерть не где-то, когда-то, а постоянно рядом, неподалеку: «Смерть на цыпочках ходит за мною». Балансируя «на грани фола с жизнью», казалось, БР неудержимо стремился поскорее узнать, что же там, за гранью. Не однажды в стихах он пытался нащупать и провести черту, после которой можно уже и «не быть», безжалостно констатируя: «Все, что было после, было зря». Поэтому мне невозможно представить Бориса Рыжего с его тягой к постоянному самоистязанию, сознательному разрушению, убеленным сединой.

Борис Рыжий не дожил до 27-ми. Это – менее

10 000 дней земного бытия. Но за этот до обидного малый отмеренный ему срок, он успел доказать, каково блистательного совершенства, легкости, глубины, завершенности может достичь рифмованная строка! Его яркая и короткая жизнь – это не только страстное и страшное желание вырваться из мира серости, обыденности «одномерных» людей, мира, управляемого предрассудками, ложью, условностями. Это целая и цельная автономная философия. Это – Его Величество стих, который для поэта «дороже жизни, смерти чище, важнее веры и любви».

Слушаю голос поэта, звучащий на CD, рассматриваю фотоснимки, припоминая странные и чудные ахматовские строчки: «Когда человек умирает, изменяются его портреты. По-другому глядят глаза и губы улыбаются другой улыбкой...»; перечитываю мемуары, в которых БР предстает личностью многогранной и противоречивой. Так и должно быть, поскольку один и тот же человек (а гении тоже люди) в разных ситуациях бывает разным: искренним и лживым, добрым и злым, мягким и грубым, предупредительным и высокомерным. Все зависит от окружения. И решаю, что расспрашивать о поэте я буду у него самого. Так вернее.

Следую поэтову завещанию: «Жалуйтесь, читайте и жалеите, греясь у огня, вслух читайте, смейтесь, слезы лейте. Только без меня»; вслух читаю и про себя, жалею, смеюсь и плачу от осознания того, что есть, существуют человеческие судьбы, связанные с твоей судьбой так же, как и ты связан с ними, и связь эта нерасторжима и определена чем-то высшим, нежели обстоятельства или случай.

Я не ищу ответа на вопрос: почему так трагически рано умирают поэты? На него уже ответил А. Некрасов: «Русский гений издавна венчает тех, которые мало живут». Не хочу доискиваться, какая страшная и нелепая сила столкнула Бориса Рыжего с орбиты, по которой он так стремительно летел через пространство и время? Ответ в стихах: «Не от пули умру, так от боли», от которой «больше не спасают ни звездное небо, ни морская волна». Не буду «просеивать почву», из которой «произрастают» гении, пытаюсь угадать, в какой момент пробудился Поэт в обычном пареньке со Вторчермета. Эта загадка, слава Богу, пока еще неразрешима.

Меня интересует «инакость», особинка поэта, а не «сродство» (которое, конечно же, существует) его судьбы и лирики с бытием и творчеством классиков: Лермонтова, Фета, Есенина, Набокова, Бродского...

Удивительным образом, сочетая «телесность» и воздушность, лирика БР обладает необычайной фото – и кинематографичностью. Да и сам он часто использовал терминологию этих искусств: «А я ушел на первый план», «Так и мы уйдем с экрана», «Отмотай-ка жизнь мою назад и еще назад»... Порой создается впечатление, что собственная жизнь для него – кино, где он в зале и он же – на экране. Лирическому герою Рыжего очень часто хочется прокрутить пленку вспять, воскресить утраченный миг, разглядеть и уточнить существенные детали,

которые, как ему мнится, он не заметил, пропустил во время «первого сеанса». БР мастерски виртуозно умел останавливать мгновение.

Каждый для себя решает, каким способом ему войти в остановленное поэтом мгновение. Я попробовала проникнуть туда, где живет душа стихотворения, посредством фотофильма, помогающего, на мой взгляд, визуально, наглядно ощутить мелодику, «легкий тон» лирики поэта. Он впервые демонстрировался на вечере памяти Бориса Рыжего, который состоялся в День его рождения 8 сентября в конференц-зале Храма-на-Крови по инициативе заведующего миссионерским отделом Екатеринбургской епархии отца Владимира (Зайцева).

Почему избрала именно этот жанр? Потому что неоднократно убеждалась, чтобы, не отвлекаясь воспринимать звучащие с экрана стихи, их смысл, наполняющее их чувство, – изображение, на которое они ложатся, должно быть неподвижным. В ином случае внимание зрителей непроизвольно переключится на происходящую в кадре жизнь. Секрет этот мне раскрыл в своей книге Андрей Кончаловский, давно мечтающий сделать фотофильм по «Евгению Онегину». Самым сложным было подобрать музыку. Многие, отмечая мелодичность поэзии БР, считают, что его стихи легко можно превратить в песню, однако испытывают при этом мощное «сопротивление поэтической материи». Думаю, причина в том, что магия строк БР, их необъяснимый, загадочный ритм рождает в читателе ответный ритм. Из их слияния и возникает интимная тихая мелодия, отторгающая еще одно внешнее дополнительное обрамление.

Смерть любого настоящего Художника – начало его Судьбы. Судьба Бориса Рыжего распорядилась так, что отныне и бесконечно долго (пусть незримо и неслышно), однако реально и весомо Борис Рыжий будет влиять на все, что серьезно совершается в поэтическом мире. «Спи, ни о чем не беспокойся, есть только музыка одна».

А что такое старость? Это
парк в середине сентября,
позавчерашняя газета
под тусклым светом фонаря.

Влюбленных слипшиеся пары,
огни под кронами деревьев.
И тары-бары-растбары
шурует дождик нараспев.

Расправив зонтик кривобокий,
прохожий шлепает во тьму
и сочиняет эти строки,
не улыбаясь ничему.

1999

Досадно, но сколько ни лгу,
пространство, где мы с тобою жили,
учились любить и любили,
никак сочинить не могу:
детали, фрагменты, куски,
сирень у чужого подъезда,
ржавеющее неуместно
железо у синей реки.

Старик над картою и я
над чертежом в осеннем свете —
вот грустный снимок бытия
двух тел в служебном кабинете.

Вдали похоронный оркестр
(теперь почему-то их нету).
А может быть, главное — это
не время, не место, а жест,
когда я к тебе наклоняюсь,
не больно сжимая ладони,
на плохо прописанном фоне,
моя неумелая грусть...

1998, 1999

Тушь, губная помада
на столе у окна,
что забыла когда-то,
исчезая, одна.

Ты забыла, забыла
на окне у стола,
ты меня разлюбила,
ты навеки ушла.

Но с похмелья сознание
я теряю, когда
в голубое сияние
ты приходишь сюда.

И прохладна ладошка
у меня на губах,
и деревья к окошку
подступают в слезах.

И с тоскою во взоре
ты глядишь на меня,
шепчешь: Боренька, Боря!
И целуешь меня.

1999

Мне холодно, читатель, мне темно,
но было бы темней и холодней,
не будь тебя, ведь мы с тобой — одно,
и знаю я — тебе еще трудней,
сложней, читатель, потому — прости,
а я прощу неведомый упрек,
что листик этот не собрал в горсти,
не разорвал, не выбросил, не сжег.

1997

Ему за восемьдесят лет.
Мне двадцать два, и стол мой ближе
к окну и в целом мире нет
людей печальнее и ближе.

Когда уборщица зайдет,
мы оба поднимаем ноги
и две минуты напролет
сидим, печальные, как боги.

Он глуховат, коснусь руки:
— Окно открыть? — Вы правы, душно.
От смерти равно далеки
и к жизни равно равнодушны.

1998

Как часто, думая о жизни,
хватает силы лишь на треть:
вопрос задать, и сон увидеть
вперед, чем истину узреть.

Забудешься: приснится воздух —
последний выдох или вдох
вне лишних тел, вне прежних слез и
вне самого и городов.

Сплошные звуки: чье-то пенье,
ленивый смех, больничный бред.
И, кажется, усилив зренье,
вдруг каждый звук увидишь в цвет.

Очнешься: кофта наизнанку,
чужая тень, чужая твердь.
В окно заглянешь — день насмарку.
...Не все ль мы жизнью дразним смерть.

1998

Весенней заоконной речи
последний звук унесся прочь —
проснусь, когда наступит вечер
и канет в голубую ночь.

И голубым табачным дымом
сдувая пепел со стола,
сичу себе кретин кретином,
а жизнь была и не была.

Была, смеялась надо мною,
рыдала надо мною, но
лицо родное тишиною
из памяти удалено.

Но тихий треск, но тихий шорох,
крыла какого-нибудь взмах,
убьет чудовищ, о которых
скажу однажды в двух словах.

И на рассвете, на рассвете
уснув, сквозь сон услышу, как
за окнами смеются дети,
стучит за стенкою дурак.

Но, к тишине склоняясь ликом,
я заработал честный сон —
когда вращаются со скрипом
косые шестерни времен.

А вместо этого я вижу,
душою ощущая тех,
кого смертельно ненавижу,
кого коснуться смертный грех.

1998

Грустная песня

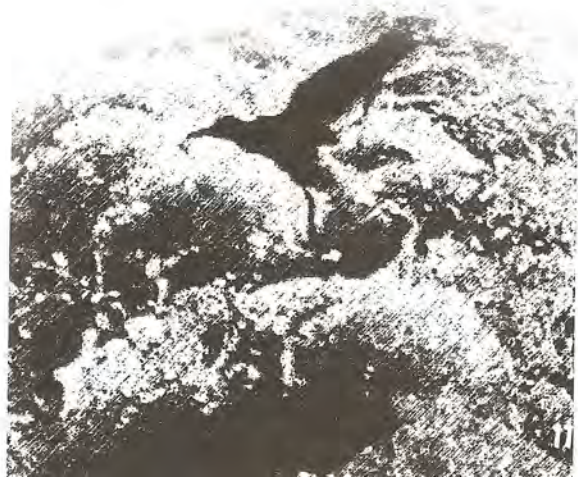
Пройди по улице пустой —
морозной, ветреной, ночной.
Закреты бары, магазины...
Как эти дамы, господа
прекрасны. Яркие витрины.
Не бойся, загляни туда.

Не ад ли это? Высший свет
телесных? Да. А впрочем, нет.
Она как ангел человечна.
Ладони повернула так,
как будто плачет, плачет вечно.
И смотрит милая во мрак.

О, этот темно-синий взор —
какая боль, какой укор.
И гордость, друг мой, и смиренность.
Поджаты тонкие уста.
Она — сплошное сожаленье.
Она — сплошная доброта.

...Прижмись небритую щекой
к стеклу холодному. Какой
морозный ветер. Переливы
созвездий чудных на снегу.
И повторяй неторопливо:
«Я тоже больше не могу...»

1996, январь

Осенью в старом парке

Осенью в старом парке
листик прижат к плечу.
Ах, за Твои подарки
я еще заплачу.

Это такая малость —
пятнышко на душе.
Летом еще казалось,
что заплатил уже.

Облачко на дорожке,
пар от сырой земли.
Кожаные сапожки
в синий туман ушли.

Долго стучал — как сердце —
крошечный каблучок.
Стоит лишь оглядеться,
видишь, как одинок.

И остается росчерк
веточки на ветру —
я этот мелкий почерк
в жизни не разберу.

Вот черное

Мне город этот до безумья мил —
я в нем себя простил и полюбил
тебя. Всю ночь гуляли, а под утро
настал туман. Я так хотел обнять
тебя, но словно рук не мог поднять.
И право же, их не было как будто.

Как будто эти улицы, мосты
вдруг растворились. Город, я, и ты
перемешались, стали паром, паром.
Вот вместо слов взлетают облака
из уст моих. И речь моя легка,
наполнена то счастьем, то кошмаром.

...Вот розовое — я тебя хочу,
вот голубое — видишь, я лечу.
Вот синее — летим со мною вместе
скорей, туда, где нету никого.
Ну, разве кроме счастья самого,
рассчитанного, скажем, лет на двести.

...Вот розовое — я тебя люблю,
вот голубое — я тебя молю,
люби меня, пусть это мука, мука...
Вот черное и черное опять —
нет, я не знаю, что хотел сказать.
Но все ж не оставляй меня, подруга.

1996, май

Урал — мне страшно, жутко на Урале.
На проводах — унылые вороны,
как ноты, не по ним ли там играли
марш — во дворе напротив — похоронный?
Так тихо шли, и маялись, и жили.
О, горе — и помочь не можешь горю.
Февраль, на небе звезды, как чужие,
придет весна — и я уеду к морю.

Пусть волосы мои растреплет ветер
той верною — единственной — рукою.
Пивные волны, кареглазый вечер.
Не уходи — родной — побудь со мною,
не отпускаяй — дружок — держи за плечи —
в глухой Урал к безумству и злословью.
О, боже, ты не дал мне жизни вечной,
дай сердце — описать ее с любовью.

1995, февраль

Нежная сказка для Ирины

1.

...мы с тобою пойдем туда,
где над лесом горит звезда.

...мы построим уютный дом,
будет сказочно в доме том.

Да оставим открытой дверь,
чтоб заглядывал всякий зверь

есть наш хлеб. И лакая квас,
говорил: «Хорошо у вас.»

2.

...мы с тобою пойдем-пойдем,
только сердце с собой возьмем.

...мы возьмем только нашу речь,
чтобы слово «люблю» беречь.

Что ж еще нам с собою взять?
Надо валенки поискать —

как бы их не поела моль.

Что оставим? Печаль и боль.

3.

Будет крохотным домик, да,
чтоб вместились любовь туда.

Чтоб смогли мы его вдвоем
человечьим согреть теплом.

А в окошечко сотню лет
будет литься небесный свет —

освещать мои книги и
голубые глаза твои.

4.

Всякий день, ровно в три часа,
молока принесет коза.

Да, в невинной крови промок,
волк ягнечка на порог

принесет — одинок я стар —
и оставит его нам в дар,

в знак того, что он любит нас —
ровно в два или, скажем, в час.

5.

...а когда мы с тобой умрем,
старый волк забредет в наш дом —

хлынут слезы из синих глаз,
снимет шкуру, укроет нас.

Будет нас на руках носить
да по-волчьему петь-бубнить:

«Бу-бу-бу. Бу-бу-бу. Бу-бу...»,
в кровь клыком раскусив губу.

Я так хочу прекрасное создать,
печальное, за это жизнь свою
готов потом хоть дьяволу отдать.

Хоть дьявола я вовсе не люблю.
Поверь, читатель, не сочти за ложь —
что проку мне потом в моей душе?

Что жизнь моя, дружок? — цена ей грош,
а я хочу остаться в барыше.

1996, январь

Теплая верхняя одежда

Объект пристального внимания – одежда, и не простая, а теплая верхняя одежда. В современных магазинах проблем с ассортиментом походной одежды не возникает, так как зайдя в любой специализированный магазин вы все равно купите себе одежду. Вопрос в другом: Какую? Ведь существует множество критериев в выборе одежды для походов, например таких, как погодные условия в экспедиции и специфика организма человека. Ведь качество похода будет зависеть напрямую от вашего чувства комфорта в той или иной ситуации. Чем же отличается одежда для специальных целей от обычной?

Очень важной отличительной особенностью одежды для походов, экспедиций является ее назначение сохранять свободу движений, прочность, легкость, теплоту и комфортность.

Термобельё

Это базис в одежде, так как эта часть походного гардероба ближе всего к телу, а уж от комфортных ощущений зависит и настроение, и активность путешественника во время похода. Главная задача термобелья – отвести влагу от тела и перенести ее на внешний слой ткани, что в корне отличает его от белья из хлопка. Преимущества термобелья: греет тело даже во влажном состоянии, быстро сохнет. Материалы, используемые для термобелья – флис и флис «Polartec» («100» например, т.е. в зависимости от толщины утеплителя), «Power Stretch», «Power Dry» и др. Термобелье бывает легкое и теплое, в зависимости от активности самого походника и его личных предпочтений.

Куртка-анорак

Это штормовая защита без утеплителя. Анорак чаще всего шьется из всех видов капрона, таких, как тафета, кордура, авизент, PSN и др. Изготавливаются анораки из влага и ветрозащитных тканей, различных расцветок. Застежка центральная, бортовая, на неразъемную молнию. На спинке куртки отлетная кокетка, продублированная сеткой. Капюшон втачивается в горловину воротника, убирается в карман воротника, с застежкой на молнию. Карманы прорезные «в рамку», с застежкой на молнию. Анорак используется как ходовая куртка, то есть для штормовых и пешеходных экспедиций, для тепла одеваются специальные утепленные куртки или свитеры.

Куртки

По крою, куртка отличается от анораки тем, что центральная молния идет по всей длине куртки, а также куртка имеет утепляющий материал, который не только не продувается, но и греет при более низких температурах. Утепляющий материал флис используется как подклад для курток, так и как основной материал для кофт и

Ветрозащитная куртка с подкладкой из флиса

Ветро- и водозащитная одежда

Куртка из флиса

Куртка из полартека

свитеров. Существует несколько видов флиса, например «Polartec» и «Windblock». Отличие заключается в том, что куртки «Polartec», в основном, одеваются под штормовую одежду, то есть служат утеплителем, а куртки из «Windblock», которые шьются из ткани с мембраной, носятся как верхняя одежда из-за того, что не продуваются при штормовых условиях похода и лучше сохраняют тепло. Среди мембранных тканей, которые идут на пошив курток, можно упомянуть такие, как Sofitex, Gore-Tex и др. Есть небольшой минус утепленных курток с мембраной, а именно их способность «дышать» хуже, чем у курток без мембран, но опять же они не пропускают холодный воздух и отличаются водонепроницаемостью. Куртки могут быть с проклеенными швами, так и с непроклеенными, что при первом же промокании сказывается сразу, когда куртка начинает протекать по швам. Дополнением могут служить силиконовые напылители как на куртках, так и на штанах, которые используются для еще большей уверенности в защите от промокания путем отталкивания влаги.

Пуховики

Пуховики используются путешественниками в суровых зимних условиях, низких температурах, как, например, при восхождении на Эверест. Пуховики шьются на пуху и с синтетическим утеплителем. Пух очень легкий и хорошо сохраняет тепло, но при промокании пух очень сложно просушить, и главное свойство обогрева в зимних условиях становится затруднительным, поэтому пуховик будет более подходящим в зимних экспедициях, сухопутных походах. На сегодняшний день в качестве утепляющего материала все чаще используются синтетические материалы («сипронка», как говорят сами походники). Один из лучших заменителей пуха – синтетический утеплитель «Thinsulate», его достоинства: не боится влаги, быстро сохнет в случае промокания, и, как правило, греет во влажном состоянии. Дожди и постоянная влажность? Тогда кур-

тка с синтетическим утеплителем – правильный выбор!

Основные характеристики пуховика: плотные манжеты, ветрозащитная юбка по поясу (пояс вшит к подкладу внутри куртки), вшивные капюшоны (и никаких молний и кнопок!), пухонепроницаемость (а именно синтетические материалы). Если у пуховика отсутствует ветрозащитная юбка, то лучше всего под пуховик надеть полукомбинезон. Комбинезоны также есть на пуху и синтетические. Комбинезоны часто используются в альпинизме и скалолазании, чтобы спина не оголялась, а была всегда закрыта. Комбинезон неудобен лишь в случае естественных потребностей человека.

Штаны бывают легкие и утепленные из флиса, «Windblock» (с мембраной). Штаны для походов на восхождение называются самосбросами, т.е. высокотехнологичные брюки из двухслойной мембранной ткани на подкладке из сетки, все швы в брюках проклеены специальной лентой и боковые двухзамковые разъемные молнии под планками по всей длине брюк позволяют быстро надеть или снять брюки, не снимая обуви. Проще говоря, «одним движением руки» и можно снять (одеть) штаны, а также варьировать вентиляцию. Во время экспедиции этот вариант штанов очень удобен в эксплуатации. Также походные штаны могут быть со стяжками по низу брюк и молниями до колен, опять же, для удобства в разных экстремальных ситуациях.

Уход

Куртки на основе мембран при стирке обычным порошком засаливаются и могут раствориться, так что нужно использовать специальные средства по уходу за ними, а на крайний случай – хозяйственное мыло, которое не содержит химических добавок. И, конечно, куртки их мембранных тканей стираются только вручную! Стирка штормовой одежды в машине разрешается, но при бережном режиме стирки, чтобы

Пуховик

Штаны-самосбросы

не повредить ни сам материал, ни швы. Куртки на пуху тоже можно стирать в машине на бережном режиме и без отжима, используя при этом специальные средства для стирки, пропитки, иначе пух собирается и теряет свои первоначальные характеристики.

И несколько общих рекомендаций:

- всегда лучше иметь несколько вещей, которые могут работать отдельно или вместе, чем одну большую и теплую;
- не ходите возле огня в вещах с мембраной, так как она легко плавится;
- ограничьте до минимума вещи из натуральных материалов, особенно нательные, так как хлопок удерживает влагу внутри, а это некомфортно. Все слои одежды должны выводить влагу на поверхность, т.е. дышать, начиная с белья;
- всегда имейте запасной (или аварийный) вариант сухой, теплой одежды, надежно упакованной в полиэтилен.

Вид с горы Каменки на Черноисточинский пруд

Андрей ПИЧУГИН
Фото автора

Заповедные земли Урала

«Ноты могучей гармонии»

Осень – сезон походов и путешествий. Уральские лесные массивы преобразуются, одаривая нас естественными красками природы. Особенно когда на них смотришь с высоты горной вершины. Как прекрасна осень в Уральских горах! Гора Белая своей высотой видна издали. А вокруг Белой горы, но чуть ниже, поднимаются древние, останцовые вершины гор: Мамыниха, Варламиха, Шульпиха, Соловьева, Голая, Ипатова, Каменка, Опахнин Камень. С юго-западной стороны к Белой горе примыкает Поперечная гора, еще одна из вершин Веселых гор. Хотя Поперечная гора на 100 метров

ниже Белой, но по живописности, вычурным формам скал, крутизне склонов, каменистым россыпям-курумникам ни в чем не уступает ей. Быстрее всего подняться на Поперечную гору – от межгорной седловины Белой и Поперечной, правильно определив азимут по карте. Через седловину проходит грунтовая дорога от поселка Уралец в сторону речки Егорова Каменка. Там же, через перевал, по оси Белая – Поперечная условно проведена граница Европы и Азии. От седловины, ориентируясь по компасу, примерно за час ходьбы через лесную чашу можно дойти до вершины Поперечной

горы. Чем ближе к вершине, тем чаще встречаются прогалины, усыпанные каменными валунами – курумниками. Уклон горы становится круче, позади трапецеидально открывается панорама Белой горы. Чуть левее притягивает взгляд вечная голубизна Черноисточинского пруда. Высшая точка Поперечной горы находится на отметке 617 метров над уровнем моря. На ее вершине установлен бетонный геодезический тур. Вершину венчают скалы причудливых очертаний. На географических картах XIX века гора значится под названием – Осинова. Примерно в нескольких метрах, за переле-

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

ском, еще одна вершина Поперечной горы. Тут целый «городок» отдельных скал, беспорядочно изрезанных трещинами. Из трещин, борясь за жизнь, растут искривленные березки и сосенки. В одном каменном гребне зияет сквозное отверстие, как в горе Дыроватик. Со второй вершины, также открываются необозримые дали Веселых гор. Это вздымающиеся ввысь горные вершины: Егорова Каменка, Змеиная, Широкая, Мохнатенькая, Кирюшкин Камень, Осиновая, Мамыниха. По их склонам проглядывают сквозь изреженный лес белесые выступы скал. Именно эти перечисленные горы воспел уральский писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк в своих произведениях: «Как же здесь хорошо. И горы, и лес, и зеленый луг – все это ноты могучей гармонии».

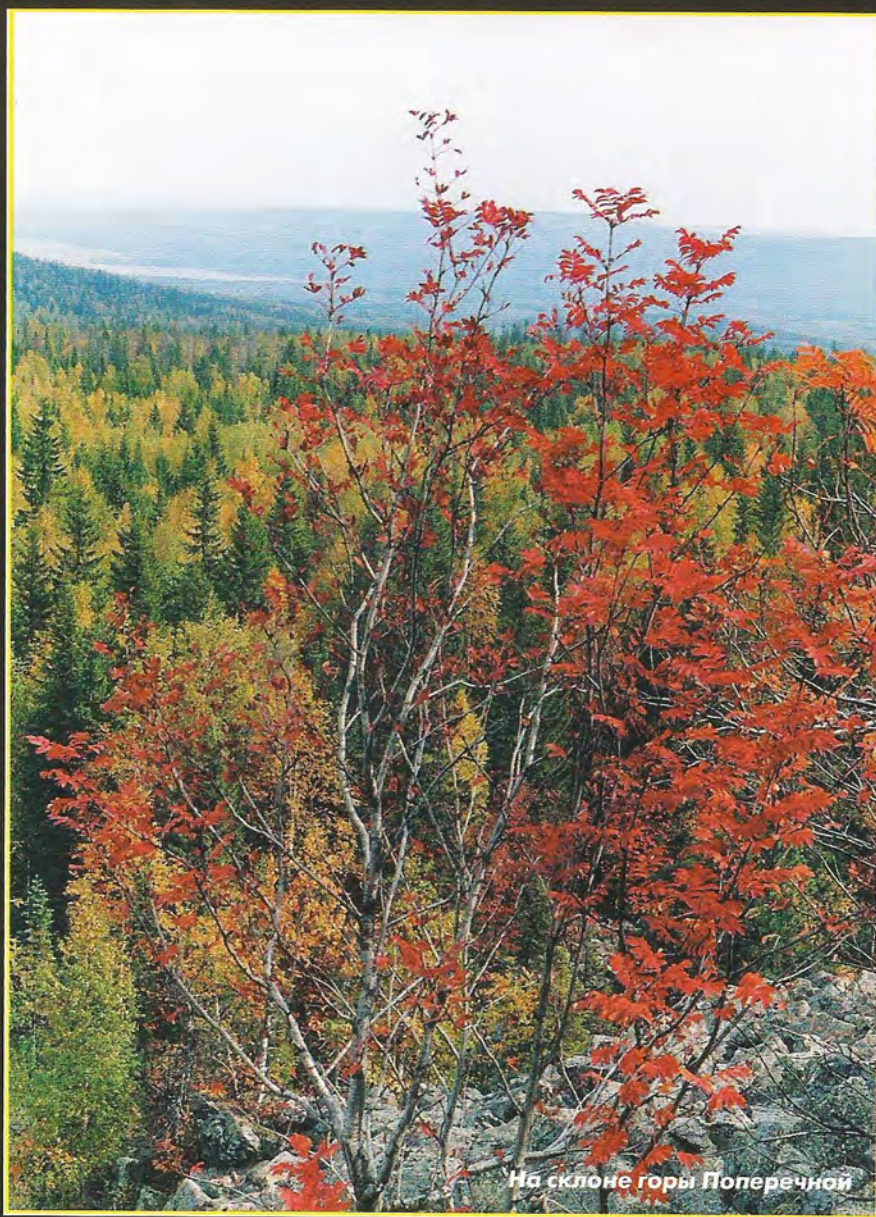
Над безлесой вершиной Поперечной горы дует холодный осенний ветер, принося капли дождя, а затем и первые кристаллики снежной крупы. Снежное покрывало поздней осени накроет горы сверкающей белизной. Сгладит курумники, только кое-где из-под снега будут проглядывать острые камни, обдуваемые зимними ветрами.

Поперечная гора

**Вид с горы Кирюшкин камень.
Вдали поселок Висим, родина Д.Н.Мамин-Сибиряка**

На склоне горы Поперечной

Рассматриваются работы, удовлетворяющие следующим требованиям:

1. соответствие темам:

- * Урал – горная страна
- * Городской пейзаж
- * Мы – уральцы
- * Заповедные земли
- * На грани...
- * По следам предков

2. предоставление информации о снимках:

- * Условное название снимка, краткое пояснение
- * Дата съёмки (если известно)
- * Район, запечатлённый на снимке, если это важно
- * Объект (если известно)

- * Персонаж (если известно)

3. Информация об авторе

- * ФИО Автора, почтовый адрес, контактный телефон
- * Указать характеристики используемой фототехники и др. обеспечения

4. Формат снимка

не менее 300 x 200 мм (желательно приложить слайд или негатив)

или файлы, записанные на CD-R, DVD в формате .jpg 3072 x 2048, tif 300dpi 200 x 300.

Итоги конкурса подводятся 1 раз в полугодие по каждой теме с публикацией снимков-победителей. Призы от спонсоров.

Снимки высылаются на адрес редакции заказным письмом с пометкой "ФОТОКОНКУРС". Присланные работы не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право использовать снимки, предоставленные на конкурс для публикации.

Часть фотографий, присланных на конкурс, размещаются на сайте photo.uralstalker.ru

ЗАПОВЕДНЫЕ ЗЕМЛИ

Вид с горы Белой на Черноисточинский пруд

Вера СОЛОВЬЕВА

Фото Ирины БОГАТЫРЕВОЙ

и из архива Н.А.КИРИЛЛОВОЙ

Разорванное колесо

Холодный сентябрьский день. Я стою на нейтральной полосе, и передо мной только разорванное колесо мотоцикла. Тишина. Не слышно ни стрельбы, ни строевых песен. Неужели это действительно когда-то было здесь?

...Они тренировались в любую погоду. Война не могла быть отменена из-за дождя или жары даже здесь, в глубоком тылу. Наоборот, условия создавались максимально приближенные к фронтовым, ведь людям, до того имевшим о войне лишь отдаленные представления, нужно было многому научиться. Стрелять, ползать по-пластунски, метать гранаты, маскироваться, рыть окопы, оказывать медицинскую помощь, водить мотоцикл и передавать радиосообщения.

Двести восемьдесят пять будущих разведчиков Уральского добровольческого танкового корпуса с марта по июнь 1943 года готовились

к отправке на фронт. Их полигоном стал парк имени Маяковского, закрытый для горожан еще в начале войны. Так называемая «нейтральная полоса» находилась между окопами батальона и позициями воображаемого противника. Здесь отработывались самые сложные упражнения. Полосу нужно было преодолеть незаметно, по-пластунски, перекатами и перебежками, а потом забросать окоп противника гранатами. «Противник» в лице офицера батальона внимательно наблюдал, и стоило ему заметить какое-то движение, он немедленно поднимал флажок. По этой горке, по этим аллеям разведчики проходили каждый день из расположения на стрельбище и обратно...

Сейчас на этом месте, в глубине парка, стоит памятник: разорванное мотоциклетное колесо, спицы которого символизируют лучи славы. По внутреннему ободу колеса мчится мотоциклист,

Далекое-Близкое

РЕКА ВРЕМЕНИ

за ним изображен момент боя. На внешнем ободке – фамилии 133 разведчиков под названиями операций, которые стали для них последними, и военный адрес батальона: «Полевая почта 51123». Это единственный в России памятник воинам-мотоциклистам.

Седьмой гвардейский отдельный разведывательный Пражский орден Богдана Хмельницкого, Александра Невского и Красной звезды батальон был корпусной разведкой Уральского добровольческого танкового корпуса (то есть собирал сведения непосредственно для командования корпуса). Весь свой боевой путь, от Курской дуги до Праги, разведбат шел впереди наступающих танковых частей. Каждый экипаж мотоцикла «М-72» состоял из водителя, автоматчика и радиста. Батальон был сформирован в марте 1943 года в Свердловске на территории клуба пивзавода (за южными воротами ЦПКиО им. В.В. Маяковского).

Мы уже привыкли к необычным памятникам. Во всяком случае, трудно представить, чтобы памятник мог сам по себе иметь интересную судьбу; чтобы его история была хоть как-то сопоставима по значимости с событием, которому он посвящен. Тем не менее, такое возможно, и монумент разведбату заслуживает как минимум отдельного рассказа.

Все началось в семидесятые годы. Несмотря на то, что участников тех событий было много, найти их сейчас не так-то просто. Но есть человек, который был связан с памятником с самого начала, и для которого эта история продолжается до сих пор. Надежда Алексеевна Кириллова – радистка мотоциклетной роты разведывательного батальона. Она пришла в разведбат в марте 1943 года, как только ей исполнилось 17 лет, и прошла войну от Курской дуги до Берлина и Праги.

В ноябре 1970 года к Надежде Алексеевне пришли две девочки-школьницы. Они пригласили ее вместе с другими ветеранами

• Школьники заказывают мраморную доску в ГПТУ № 42, где в годы войны была сформирована Свердловская танковая бригада

• Открытие первого памятника 06.11.1971

корпуса на «Огонек» в свою школу. Школа № 14 и сейчас находится на улице Саввы Белых, только в те времена это была совсем окраина города. Основными предприятиями в районе были пивной и ликеро-водочный завод, где работало большинство родителей учеников. Педагоги старались максимально организовать досуг ребят, и в школе было создано много кружков. Один из них вел ветеран корпуса Виктор Семенович Вайнер. Именно он вместе со своей женой Неонилой Адольфовной (заместителем директора по воспитательной работе) и ди-

ректором школы Ниной Николаевной Доновой стал инициатором встречи детей и ветеранов. Так ученики узнали, что недалеко от их школы в клубе пивзавода формировался разведбат. Они создали клуб «Искатель-14», начали поиск бывших воинов батальона, собирали информацию. В итоге набралось достаточно экспонатов для создания Музея боевой славы. А потом появилась идея установить разведчикам памятник.

Как когда-то создавался «народные средства» сам корпус, так теперь создавался и памятник. Средства были найдены

• Молодежь Ирбитского мотоциклетного завода.
В центре Б.В.Зефилов

благодаря сбору макулатуры и металлолома, добровольным пожертвованиям. Этого хватило на мраморную доску. Надпись на ней сделали камнерезы ГПТУ № 42, в стенах которого формировалась Свердловская танковая бригада корпуса. Пивзавод и винзавод помогли установить железобетонное основание памятника. Весной 1971 года территория

сквера пивзавода была расчищена школьниками от многолетних залежей валежника, а 6 ноября памятник, небольшой и скромный, был открыт (см. фото на стр. 21). Тогда никто еще не мог знать о его будущей непростой судьбе. Но останавливаться на достигнутом школьники не собирались, впереди было много работы.

В мае 1973 года состоялось «второе открытие» памятника. Теперь он был облицован белым мрамором, и на нем появился чугунный барельеф с изображением боевого расчета мотоциклистов.

...В апреле 1943 года в расположение батальона прибыли два человека. Это были рабочие Ирбитского мотоциклетного завода Борис Зефилов и Николай Цуканов. Им предстояло в короткий срок отобрать из состава батальона будущих водителей и обучить их всем тонкостям управления мотоциклом в любых ситуациях, ведь от мастерства водителя зависела жизнь всего экипажа. Не раз потом на фронте мотоциклисты вспоминали о своих учителях с благодарностью. Ни один мотоцикл не подвел и не был брошен ими на поле боя...

За год до второго открытия памятника Надежда Алексеевна побывала на Ирбитском заводе. Там она снова встретила легендарного испытателя мотоциклов и инженера Бориса Владимировича Зефилова - «мотопапу» для фронтовиков и молодых рабочих завода. Тогда же ветераны завода решили отлить доску для памятника по эскизу Вячеслава Дьячкова. Благодаря этой встрече между заводом и школой установилась связь: теперь молодые испытатели совершали пробеги на новых мотоциклах от Ирбита до памятника разведчикам.

Памятник стал своеобразным «центром притяжения». Возле него проводились «зарницы», отмечались праздники, встречались школьники, студенты, рабочие, ветераны. Всех этих людей объединял общий интерес – они хотели сохранить память о батальоне. Жизнь школы № 14 кардиналь-

• Третий памятник разведчикам.
Открыт администрацией Октябрьского района на месте формирования батальона. 07.05.1980

но изменилась: приходили письма от ветеранов со всей страны, приезжали различные делегации, проводились слеты. Казалось, так будет продолжаться еще долго.

Но что-то изменилось: отношение людей к памятнику стало другим. Это произошло не сразу, а постепенно, год за годом. Может быть, одной из причин стал переход школы на двухсменную работу, когда кружковая работа стала ослабевать, а памятник все чаще оставался без присмотра. Конечно, дело не только в школе № 14 – приближались перемены во всей стране. Как бы то ни было, летом 1979 года памятник нашли поваленным лицом вниз, а доска с надписью о том, что памятник открыли школьники, бесследно исчезла.

Открытие третьего памятника состоялось в мае 1980 года (см. фото на стр. 22). На этот раз инициаторами стали работники Октябрьского райкома. Церемония была запоминающейся: в тот день специально доставили из Ирбита боевой мотоцикл «М-72», и на глазах у множества людей по аллее к памятнику его вел сам Борис Владимирович Зефиров. Тогда же в сквере посадили 133 молодых дерева.

Но это не спасло ситуацию. Встреч становилось все меньше. Когда в 1984 году молодежь Ирбитского завода совершила очередной пробег, их встречали только три человека: Надежда Алексеевна Кириллова с внучкой Катей и фронтовой подругой Раисой Васильевной Курнешовой. Потом памятник оказался в зоне запустения, подойти к нему стало трудно и небезопасно. Началось строительство объездной дороги, у южных ворот ЦПКиО образовалась свалка. Последний раз раз-

ведчики собирались здесь в 1994 году в День танкистов.

Следующий этап существования памятника связан с Центральным парком культуры и отдыха имени Маяковского, куда его решено было перенести по просьбе ветеранов разведбата. Этим занялась администрация Екатеринбурга, и к 50-летию победы был установлен совсем новый монумент (архитектор – Геннадий Голубев).

Четвертому памятнику уже исполнилось десять лет, и у него до сих пор нет «хозяина». Заботятся о нем теперь не школьники, а работники парка и байкеры клуба «Черные ножи», для которых Надежда Алексеевна стала «мотобабушкой». Но не все пропало бесследно: сохранились чугунный барельеф и мраморная плита от старых памятников.

Никто не забыт, ничто не забыто? Для тех, кто вложил столько сил в создание памятника разведчикам, это не было просто лозунгом. Памятник менялся, разные люди принимали участие в его судьбе. И все же первыми были те ребята – школьники семидесятых. Когда многие уже начинали забывать, это они всколыхнули память и с удивительной целеустремленностью взялись за дело. Дело, за которое взялся бы не каждый взрослый.

Можно по-разному относиться к этому памятнику. Но то, что он стоит до сих пор – это тоже своего рода победа. Победа в «войне» между памятью и забвением, которая началась тридцать пять лет назад и продолжается до сих пор.

*Живые, помните о нас,
Мы в свой последний смертный час
Прикрыли Родину собой.
Живые, помните о нас...*

Четвертый памятник разведчикам-мотоциклистам. Открыт администрацией города 07.05.1995 г. Последний строй ветеранов в ЦПКиО им. Маяковского, Н.А. Кириллова четвертая слева

Ледяное сердце Златовера

Повесть-сказка

Предисловие

Вспоминается одна история, рассказанная мне Борисом Львовичем Васильевым. Свою первую повесть «А зори здесь тихие», ставшую впоследствии всемирно знаменитой, он послал в журнал «Юность» и приготовился безнадежно ждать ответа. Вдруг ночной звонок. Главный редактор «Юности» Борис Полевой просит немедленно приехать к нему на дачу. Молодой автор в панике и недоумении предстает пред главные очи и... получает шквал восторженных комплиментов. «Прихватил вашу папочку, чтобы было чем заняться вечером, начал читать и не мог оторваться, – объяснил Полевой. – И не мог дождаться утра, чтобы встретиться с вами. Будем печатать. Срочно в номер!». Ближайший номер «Юности» переверстали, освободив место для «Зорей». Так журнал открыл будущего классика российской литературы.

Нечто подобное произошло и с Натальей Ипатовой. Десять лет назад, в 1995 году она принесла свою повесть-сказку «Красный лис» в редакцию журнала «Уральский следопыт» и скромно сказала, что можно не торопиться с ответом. «Я долго собиралась с духом, – объяснила она, – несколько лет не решалась предложить свою «игрушку» на суд профессионалов, могу и еще подождать...». Тоненькую папку с «Лисом» взяла домой, чтобы было чем заняться вечером, Максим Шишкин, литсотрудник отдела фантастики, которым мне в ту пору довелось заведовать. Утром он ворвался в редакцию необычно рано и принялся с жаром меня убеждать, что ЭТО надо прочитать немедленно, ЭТО – шедевр! К тому времени через мои руки уже прошли десятки тысяч страниц самостоятельных «шедевров», и я скептически отнесся к юношеским восторгам Макса, выразительным жестом показав на груды папок с «самотеком», образовавшие горный пейзаж на моем рабочем столе и покорно ожидавшие своей очереди. Максимка лихим кавалерийским движением счистил со стола лежавший передо мной очередной графоманский опус и хлопнул папкой перед моим носом. «История вас не прости, – с пафосом заявил он, – если вы сейчас отложите ЭТО в долгий ящик!» Чтобы соблюсти субординацию, я строго пообещал ему, что перелис-

таю ЭТО дома... Поздно вечером я позвонил Максиму и с волнением в голосе потребовал, чтобы завтра же! с самого утра! автор предстал передо мной! Короче, мы переверстали ближайший номер «Следопыта», чтобы немедленно опубликовать фантастическую повесть Натальи Ипатовой «Красный лис». Вслед за этой публикацией последовали каждый год подряд еще четыре ее произведения. Повесть Н. Ипатовой «Два спутника для Марии» читательское жюри признало лучшей фантастикой «Следопыта» 1997 года. Автора заметили и книгоиздатели, все годы внимательно изучающие наш журнал. После первой екатеринбургской брошюры в бумажной обложке книги Натальи Ипатовой, издаваемые в Москве и Санкт-Петербурге, значительно потолстели, приобрели твердый переплет. К осени 2005 года они могли уже составить целую полку – 9 книг. Трижды расказывал всероссийский журнал фантастики «Если». Так «Уральский следопыт» открыл еще один талант, наряду с известными ныне, а в свое время впервые вышедшими к читателю именно в «Следопыте» писателями Владиславом Крапивиним, Сергеем Другалем, Александром Больных, Сергеем Лукьяненко, Александром Громовым, Владимиром Васильевым и другими.

Повесть-сказка «Ледяное сердце Златовера», которую мы предлагаем сейчас вниманию читателей «Уральского следопыта», – пятая из серии «Большое драконье приключение». Впрочем, каждая из пяти достаточно автономна и представляет собой отдельное законченное произведение. В каждой упоминаются прежние похождения героев, что позволяет всему циклу быть единым. Все события, как между разными сказками, так и внутри одной, связаны строгой логикой – в этом проявляется основная профессия автора, ведь Наталья Ипатова – программист, окончила математико-механический факультет Уральского государственного филиала ОАО «Уралсвязьинформ». Но не ждите при чтении сложения сухих конструкций. Каждое произведение Н. Ипатовой – это чудесная смесь фэнтези, рыцарского романа и любовной мелодрамы. Попробуйте ЭТО на вкус!

Сергей Казанцев.

Пролог

Лес стоял, покрытый инеем, по левую руку – серебряный, по правую – золотой, пронизанный лучами заходящего солнца. Воздух замер, скованный морозом, и если и были здесь, в округе, живые души, они никак не давали о себе знать.

Вьюжный смерч обрушился на просторную поляну, внезапный и необъяснимый, как удар копья в спину. А когда понемногу осели взвихренные им хлопья, обнаружилось, что на поляне возникло нечто, отсутствовавшее здесь еще минуту назад.

Это была упряжка из четырех крылатых коней, тонконогих, с густой искрящейся шерстью, в предвечернем освещении казавшейся голубой. Хвосты и гривы, клубясь, ниспадали до самых копыт, а густой пар дыхания, насыщенный множеством крохотных, остро взблескивающих льдинок, достигнув окружающей поляны растительности, окутывал ее и оседал на ветвях изысканным изморозным узором. Без сомнения, они были выведены волшебным образом, эти кони: их полированные копыта ни на дюйм не погрязли в более чем пятифутовый снежный покров.

Некоторое время упряжка стояла на месте, нарушая тишину лишь фырканием голубых коней да звоном ледяных колокольчиков на сбруе, когда те мотали головами, обнюхивали друг друга или расправляли и складывали вновь могучие крылья. Потом карлик-возница, укутанный в козий тулуп так, что из огромного поднятого воротника торчал только длинный нос с намороженной под ним сосулькой, обернулся к своей единственной пассажирке, расположившейся в кузове, словно в гагачьем гнезде, среди множества пологов, пошитых из шкур голубого песца.

– Скоро ли налюбуеться, Салазани? – сказал он ей с грубоватой фамильярностью, столь странной для слуги.

Она обратила к нему глаза, одновременно равнодушные и насмешливые, цветом напоминавшие перерезавшую вишню, с чистой голубой склерой, в богатой опушке черных ресниц. Из всего, принадлежавшего ей неотъемлемо, можно было рассмотреть лишь эти глаза да темный румянец смуглых скул, светящийся сквозь длинный ворс поднятого воротника. Высокая песцовая шапка была надвинута на самые брови, а ниже служили свою службу пушистая объемная шуба, меховые рукавички и сапожки, пологи с их ласковым пленом... Кареглазая леди не страшилась мороза, а забавлялась с ним.

– Я не скоро еще налюбуюсь, Йостур, возвращенными мне владениями. Приятно сознавать, что теперь здесь царю я.

ЧАСТЬ I

Глава 1.

Выпускник

– А я наконец-то вволю поваляюсь на травке, – с наслаждением предвкушал один из них. – Всем хорош Хайпур, но вот трава там не родная. Дома и вода, и воздух слаще.

– Рациональному объяснению не поддается, – поддержал я это мнение, – но сие – истина! После трех лет учебы в расчудеснейшем из городов очень тянет домой. Первым делом – ванна, самая наименее вреднейшая, самая что ни на есть отупляющая и расслабляющая, с очень горячей, почти кипящей водой. А если б вы, травоядные, знали, как стряпает моя мать! Честное слово, я очень долго не пожелаю променять ее общество на любое другое, даже сколь угодно изысканное. Чтоб вам так жить!

– Слышала бы принцесса, – съехидничал кто-то, – каковы сокровенные, сладостные мечты ее наследника!

– У принцессы длинные руки, и когда-нибудь она рекрутирует меня для славного служения Белому трону, но пока она далеко, я способен подняться рано лишь ради рыбалки. Как минимум ме-

сяца два я собираюсь загорать, купаться, есть, спать и наслаждаться материнским обожанием...

– И медитировать, медитировать и медитировать... – прогнусавили над самым моим ухом.

Громогласное ржание огласило дремлющие по раннему времени окрестности, а я шуточно схватился за голову. Выпускников объединяла дружная ненависть к этой нуднейшей из дисциплин.

– Нет, братва, вот медитировать-то я, пожалуй, не стремлюсь. Сниму эту лапшу с ушей и вам того же советую...

Возвращение в родные места наша компания начала отмечать загодя, и нынешним утром это было заметно по походкам и лицам. Особенно часто оступались кентавры. Пытаясь сохранить хотя бы видимость равновесия, если не в чужих, то в своих глазах, они взялись под руки, но управлять объединенным центром тяжести и восьмью ногами оказалось ничуть не проще. Они испытывали некоторый дискомфорт, выразившийся в противоречии между легко объяснимым косноязычием и подогретым желанием говорить много. С трехлетней аскезой Священного города молодежь прощалась без сожаления.

Я был если не трезвее всех, то, во всяком случае, спокойнее, и больше помалкивал, разразившись лишь одной приведенной выше тирадой о прелестях свободного бытия. Я старался держаться незаметно, и приятели то и дело спохватывались: а с ними ли я еще? Обнаружив меня после лихорадочной переключки, обрушивались с упреками: я-

де их не уважаю, ношусь со своей наследственной белизной, как с писаной торбой, и даже ушат доброго пойла не способен разгорячить мою рыбу кровь.

Пылкие претензии хмельных кентавров забывались едва ли не быстрее, чем высказывались, и вся наша компания, помогая друг другу, неспешно двигалась по удобной тропинке, ведущей от тайного Хайпура к жилым местам и торным дорогам. Когда же тропинка кончилась, мы простились с сердечной искренностью, подразумевавшей, что в этой жизни, возможно, уж никогда и не встретимся. Каждого ждет дорога судьбы его народа, на которой нам придется оставить свои следы. На окончивших курс философских наук в Хайпуре всегда возлагается много надежд, и, скорее всего, ни у кого из нас не будет времени оглядываться назад.

Все еще держащиеся под руки кентавры разноголосо исполнили для меня прощальную песенку, развернулись ко мне костлявыми студенческими крупами и, двигаясь спотыкающимся галопом, исчезли в зеленых зарослях, тут же забыв о старом друге и громогласно мечтая о кобылах.

Я, Артур Клайгель, проводил своих приятелей улыбкой, гаснувшей по мере их удаления. Я тоже не буду вспоминать их дольше, чем это было бы естественно. Идея Хайпурского университета была в другом. Его выпускники, объединенные за три года занятий общим делом, общими знакомыми и воспоминаниями о совместных проделках, связанные ностальгической симпатией, уже не будут впредь случайным сборищем персонажей, каждый из которых претендует на главную роль в своей сказке и, отдельно взятый, олицетворяет собой Добро, а в коллективе – норовит выжить из сферы влияния другого лидера. Идея принадлежала леди Джейн, царствующей принцессе Белого трона, и я подозревал, что принцесса знала, что делала. Когда эта мысль пронеслась в моем мозгу, я счел, что и с моей стороны ритуал прощания исполнен, повернул на дорогу, ведущую к дому, и направился в Тримальхиар.

* * *

Мать обняла меня, затем, отстранив, смерила оценивающим взглядом.

– Не вырос, – констатировала она. – Кормили скудно?

– Приподнят, – пошутил я, – так сказать, морально. Интеллектуально и эмоционально. Отец ведь, кажется, тоже был ниже среднего?

Саския Клайгель, леди Тримальхиара и моя любимая мама, бледно улыбнулась, и я порадовался, что она теперь может улыбаться воспоминаниям об отце.

– Да, макушки у нас были на одном уровне.

И все же она избегала предаваться воспоминаниям вслух, словно оберегала их от стороннего праздного любопытства.

Я обернулся в сторону города, чей невнятный гул

ощущался даже в нашей уединенной гостиной. Нет, разумеется, здесь не было надоедливого, утомляющего шума, но чувствовалось, что за этим окном, скрытым от солнца и чужих глаз завесой трепещущей зелени, – жизнь. Бурлящая, неостановимая жизнь, которой принадлежали такие, как мы, которой намеревались истово служить до последнего удара сердца, полностью осознавая неблагодарность этого служения: мы любили жизнь больше, чем она отвечала нам взаимностью.

– Не верится, – сказал я, – что всему этому только двадцать лет.

– Я не могу заставить себя поверить, – откликнулась мать, – что и тебе уже почти двадцать лет.

– Я – как Тримальхиар, – заметил я, – тоже рос не на пустом месте. У отца в мои годы уже была ты.

– И даже Солли.

Взгляд мой отметил траур, который мать, только сняв по мужу, вновь вынуждена была надеть в память моей сестры. Воспитанный женщинами, я понимал ее, как никто. Лучше, может быть, чем она сама себя понимала. Я знал, как она устала вечно терять любимых, и знал, что остался последним, сердцем чувствовал эту ее боль и искренне не желал стать хотя бы невольной причиной ее новых страданий. Я испытывал к матери болезненную нежность, видя, что лишь мое присутствие способно противостоять ее тягостным мыслям. Когда она после отлета Александра приняла под свою руку Тримальхиар, оказалось, что она сильная. Очень сильная, и, наверное, только мое существование не позволило этой силе выродиться в ожесточение. Я не представлял своей жизни без нее, и в основе моего менталитета лежало, может быть, ею же неосознанно заложенное желание не покидать ее никогда. Словом, я был типичным маминым сыночком.

Всплыв, наконец, на поверхность этой грозившей поглотить меня пучины, я подумал, что было бы интересно подсчитать, сколько же ей на самом деле лет, но не рискнул связываться: на безупречном лице годы не оставляли следа, и, невзирая на все потери, ни одна седая струйка не пробилась в водопаде пламенно-рыжих кудрей. Одним словом, больше восемнадцати.

– Многому тебя там научили? – после паузы спросила мать. – Нужному?

Я помотал головой.

– Ох, многому. А нужному ли? Не знаю, право. Еще не все улеглось в голове. Во всяком случае, я страшно рад, что оттуда вырвался. Дома лучше.

Мы помолчали, пока горничная накрывала в гостиной столик для позднего завтрака. Мама прекрасно помнила как мои вкусы, так и аппетит: много кофе, много молока и сахара и целая гора яблочных бисквитов.

– Ну, – поинтересовалась она, когда я с упоением принялся за дело, – а теперь о главном. Там, в этом вашем Хайпуре, были барышни?

Я подавился бисквитом, и ей пришлось подождать, пока я прокашляюсь.

– Ты это считаешь главным?

Мать молча улыбалась, настаивая на исповеди, и я, обреченно вздохнув, отставил чашку в сторону.

– Ну, девушки там, разумеется, есть, хотя их присутствие и нарушает некоторые дедовские традиции. Раньше дам не очень-то допускали к Могуществу, и способным приходилось пробавляться кустарщиной, наполовину состоящей из обмана и суеверия, а наполовину – из вдохновения и таланта. Но теперь, согласись, придерживаться образовательного ценза было бы смешно, учитывая, кто занимает Белый трон. Стоит кому-то из консерваторов заикнуться насчет профанации идеи, как его немедленно обвинят в половом шовинизме, дискриминации и нарушении прав человека. С моей точки зрения, вся эта мышьяная возня не имеет ни малейшего смысла: леди Джейн уже не первый десяток лет успешно доказывает высокое качество своих мозгов.

– Нет ли у тебя желания с кем-нибудь меня познакомиться?

Она вполне оценила мои тщетные попытки укротиться за украшавшим стол букетом.

– Ну, – промямлил я, – видишь ли... Там, конечно, попадались симпатичные... Но, понимаешь... в общем, девушки, способные выдержать Хайпур, делают это не ради какого-то бедняги, чью жизнь хотели бы разделить, а ради стремления к знаниям. Они, собственно, совершенно не склонны к каким бы то ни было романтическим отношениям, и, честно говоря, после десятиминутной беседы с одной из таких амазонок отползаешь измочаленный, с жутким комплексом неполноценности. А если серьезно, то Хайпур не оставляет на это ни времени, ни душевных сил. Поэтому ты вполне можешь мне верить, если я скажу, что к любой из них отношусь как к товарищу по несчастью.

Мать кивнула, принимая информацию к сведению.

– Ты будешь первая, – утешил я ее, – кто узнает, если я влипну в любовь. Но... извини, я от души надеюсь, что сию чашу мне придется испить... попозже.

Она смотрела на меня с грустным пониманием, от которого мне всегда почему-то хотелось расплакаться. Кажется, она и сама не знает, чего бы ей хотелось больше: чтобы я всегда оставался маленьким; чтобы она имела право любить, баловать и защищать меня; или чтобы семья росла моими стараниями. Поскольку первое предполагает надеяние, а второе – кое-какую активность, мне, пожалуй, хочется еще немного побыть маменькиным сыночком.

– Я в Хайпуре чувствовал себя ужасно неловко, – сказал я ей. – Понимаешь, все смотрят на меня через прицел моего наследства. Позади – Александр Клайгель, впереди – Белый трон. Леди Джейн прилюдно интересуется моим мнением, как будто я заведомо скажу умную вещь. А меня ничуть не тянет ни на подвиги, ни в дальнюю дорогу. И решать

судьбы мира я, вроде бы, недостаточно компетентен. Я никому не желаю зла. Мне и Черные-то – не враги. Мне бы с удочкой посидеть на заре. И рисую я хорошо. Мне кажется, у меня менталитет – не героя. Там нужно какое-то чувство сильное: любовь... или ненависть... или страстное желание чего-то. И... понимаешь, у героев чувства юмора нет. Я все думаю, ма, а может, я – спутник героя?..

* * *

Дни отдыха потянулись один за другим, схожие, как воробьи в стае. Я завтракал поздно, предпочитая либо нежиться в постели чуть ли не до десяти часов, либо, поднявшись до рассвета, просиживать с удочкой среди камышей и липнущих к темной воде омота клочьев седого тумана.

Леди Клайгель, мама, ждала меня за накрытым столом: я откровенно предпочитал пищу, приготовленную ее руками, а она рада была меня баловать.

Ее лицо осветилось, когда я двинулся в столовую как был, в высоких сапогах и брезентовой куртке, волоча за жабры голавля в добрых пять фунтов.

– Во! – сказал я. – Видала такого красавца? Добрую неделю его улещал, прежде чем этот дядюшка соизволил выбраться из-под своей коряги и отведать моего угощения.

– Положи рыбу, – велела мать, – сядь и отведай моего угощения. Как ее тебе приготовить?

– Пожарить, – не замешкавшись ни на секунду, ответил я с набитым ртом.

– Пожарить можно по-разному, – разъяснила Саския. – Можно на решетке, можно в глине на углях...

Я взвыл, уstraшенный подробностями.

– Ой, ну, мама! Вкусно пожарить. А это что еще?

Возле моего прибора лежал запечатанный конверт, склеенный из хорошей плотной бумаги, но помятый и запачканный, как то случается с корреспонденцией, прибывшей с оказией издалека.

– Адресовано тебе, – с напускным равнодушием сказала мать. – А как попало в Замок, право же, не знаю. Может быть, кто-то из товарищей по учебе?

Я недоуменно пожал плечами.

– Мы все с облегчением забыли друг о друге до той поры, пока нужда не заставит вспомнить.

Я отложил конверт в сторону, продолжив завтрак, и мама грустно улыбнулась, вполне, кажется, одобряя мои манеры. В таких вещах она была опытной. Она явственно различала распространяемую этим непрезентабельным конвертом специфическую эманацию. Снова и снова бесконечная история шла по своему кругу: ей вновь приходилось провозжать. Грубо говоря, от конверта остро пахло Приключением.

На протяжении всего завтрака она стойко держала хорошую мину, а потом, когда я ушел к себе, прихватив конверт и вместо него оставив рыбу, то, подозреваю, несколько минут сидела неподвижно, спрятав лицо в ладонях. Вдова Могушественного и мать Могушественного. Леди Джейн, как обычно, права: статус к чему-то обязывает. Мама решительно встала и отправилась собирать мои вещички.

* * *

Я поднялся в свою комнату, стянул сапоги и ушел на кровать, упущенный утренний сон намеревался взять у меня реванш. Но любопытство, эта врожденная особенность Клайгелей, взяло верх, и я распечатал конверт.

Бумага, бывшая внутри, несла на себе еще более удручающий отпечаток торопливости и небрежного обращения. Она местами пожелтела от жара, местами попросту рассыпалась в прах – так была обуглена. Однако одного взгляда на подпись хватило, чтобы если не оправдать, то, по крайней мере, объяснить все эти отклонения.

В сущности, это можно было рассматривать как официальное послание одного наследника другому. Автор письма прекрасно знал о статусе Артура Клайгеля и мог рассчитывать, что и мне известно имя Звенигора – единственного сына короля саламандр Златовера.

Продравшись сквозь хитросплетение официального приветствия, доставившее, надо полагать, автору мук не меньше, чем адресату, я углубился в письмо.

Видно, стряслось нечто значительное, раз кронпринц саламандр, этого чрезвычайно замкнутого народа, решил писать практически незнакомому человеку, на адрес титула, а не конкретно Артура Клайгеля. Или же затевается какая-то игра?

Я отложил письмо и задумался. Меня учили за одним фактом видеть множество возможных направлений сюжета. Могло быть так, могло – иначе, и этих «иначе» порой набиралось до двух десятков, они имели устойчивую тенденцию к размножению, и всех их практически невозможно было бы удержать в голове. Сейчас я старательно вспоминал, что слышал о саламандрах вообще и о Звенигоре в частности.

Как уже упоминалось, саламандры вели отменно замкнутый образ жизни, на протяжении многих веков успешно противясь ассимиляции среди других, гораздо более многочисленных народов, никогда не вставали на сторону одного из тронов и

проявляли явное высокомерие, когда политические нужды сталкивали их с людьми или иными тварями Волшебной Страны. Они считали себя детьми огня, как, к примеру, гномы – детьми камня. Насколько я был в курсе, не существовало ни одной сколько-нибудь достоверной книги, описывающей внешность, быт, общественное сознание и культурные обычаи саламандр, и никто мне про них ничего не рассказывал. Самым ценным из всего, что мне удалось выцедить из своей памяти, была хайпурская студенческая сплетня: король Златовер якобы обратился к леди Джейн с просьбой (а интересно, как выражалась просьба, если Златовер и впрямь настолько заносчив, как о нем говорят?) принять на пансион его наследника Звенигора и обучить его наукам. Леди Джейн, разумеется, обеими руками хватилась за открывающуюся возможность склонить к Белому трону если уж не самого старого короля, то хотя бы его наследника, обладающего, по молодости, более пластичной психикой. Сам я никогда не видел юного саламандра и был, насколько это позволительно при моем врожденном даре, материалистом, то есть: не принимал на веру то, чему не находил достойного подтверждения. И вот, оказывается, мы с наследником Златовера – и впрямь однокашники. Кстати, а как выглядят саламандры? Те хайпурские слухи плодились, главным образом, благодаря таинственности, окружавшей пребывание принца в Университете. Он жил, вро-

де бы, в отдельном кампусе, и каждый его шаг строго контролировался приставленной Златовером свитой. У него были свои преподаватели и своя, отличная от общей, программа: леди Джейн шла навстречу всем пожеланиям старого саламандра. Я поразмыслил, была ли для этого уединения иная причина, кроме тупого саламандрового высокомерия, крылось ли за ним нечто целесообразное.

Письмо, которое я держал в руках, ни сном ни духом не заикалось о каком бы то ни было видо-вом шовинизме, напротив, его язык и осведомленность свидетельствовали о живом, доброжелательном интересе к окружающему миру.

Обращаясь ко мне наполовину как к официальному лицу, наполовину как к однокашнику, кронпринц приглашал меня посетить места обитания саламандр, что для всякого сколько-нибудь любопытного существа явилось бы даром судьбы, а для любого из Клайгелей – прямо-таки непреодолимым искушением. И что-то тут все-таки было не так. Вряд ли, имей Звенигор на эту эскападу разрешение от своего отца и сюзерена, письмо не имело бы такой истерзанный вид, да и вручено оно было бы официально, с подобающими поклонами и словесами. С чего бы саламандру проявлять такую любезность по отношению к существу иной породы? Это при их-то исконной обособленности! Похоже на заигрывание с троном. Но почему, если им надо что-то от Светлых, не обратиться прямо к леди Джейн? По-

тому, что необходим равный статус автора и адресата? Почему бумага имеет такой вид, будто ее только-только выхватили из печи? Должно быть, кронпринцу понадобилась серьезная помощь, на уровне вмешательства посторонней силы, и понадобилась она неофициально.

Я оборвал свои домыслы. Помимо растраты фантазии, в них не было ничего путного. Все равно я не узнаю ничего достоверного из письма, написанного с учетом возможного перехвата. Поехать? Я вспомнил мать. Я знал, она этого боялась. Отказать? А на каком основании? На том, что превыше всех радостей, земных и небесных, ценю ее покой... и ее кухню? Ну и кем бы я был, прими я такое решение? Какое, во имя всех духов земли и неба, я имею право отказывать ровеснику, такому же кронпринцу, как и я сам, даже не в помощи, которой тот еще не попросил, а во внимании и любезности? «Извини, дорогой, я предпочитаю рыбную ловлю»? А отец протягивал руку даже Черным принцам. Потому что, кроме ее любви, супружеской или материнской, есть еще такая вещь, как твоя собственная сказка, и стократ достоин брезгливого сожаления тот, кто пренебрежет ее зовом.

— С места бы не сдвинулся, — пробормотал я, — если бы меня свистнул твой нелюбезный папочка! Только ради тебя. И до смерти охота узнать, как все-таки выглядят саламандры.

Глава 2.

Триумфальное возвращение Фобилуба

Ветер мел зеркальные полы, пронзительный и холодный, он очищал середину просторной залы, и, как всякий слуга в отсутствие хозяев, норовил схалтурить, сгоняя снег в укромные уголки. Но зала была пустой, а потому все его уловки немедленно бросались в глаза.

Салазани вошла в залу через ледяную арку, обращенную к югу, и окинула циклопическую прихожую своего дома равнодушным, почти невидящим взглядом. Все его чудеса были ей до скуки привычны, а потому я погожу описывать дворец Снежной Королевы, пока не появится возможность представить все это увиденным свежим глазом.

Она выскользнула из шубы, позволив той упасть на пол, стяхнула шапку. Слуга, в чьи обязанности входило быть невидимым, подхватил невесомые драгоценные меха, и они исчезли до той поры, когда вновь понадобятся хозяйке. Беглым взглядом Салазани окинула свое отражение в зеркальной стене и нахмурила густые черные брови. Не потому, что не была удовлетворена своей внешностью, а потому, что у нее было дурное настроение. Королева находилась в продолжительной депрессии.

Как и все бессмертные духи, предпочитающие размещаться в женском теле, Салазани подобрала себе поистине впечатляющую оболочку. Она была невысока ростом и по-мальчишески худощава;

кожу, нежную, как у младенца, слегка позолотил загар; темные, почти черные волосы, расчесанные на косой пробор, очень тяжелые и совершенно прямые, стекали по ее спине и ниже, до бедер, и скрывали почти половину лица, заставляя хозяйку смотреть на мир одним карим глазом, странно влекущим и теплым. Овал ее лица был безукоризнен, нос — мал, он придавал лицу выражение юности и чистоты, уравнивавшееся большим полногубым ртом, из тех, что называют чувственными. Несмотря на стройность и очевидный малый вес, Снежная Королева не казалась ни худенькой, ни, тем более, незначительной. Испокон веков правя обширными угодьями, Салазани славилась королевским достоинством и стальной волей, обнаруживая которую в столь обольстительной и нежной оболочке, те, кто имел с ней дело, бывали поражены до глубины души. Она не пренебрегала ни косметикой, ни модой, ни любовными связями, будучи по характеру отражением во льду Королевы эльфов, этого общепризнанного летнего духа. Тысячу лет Салазани считала себя несправедливо ущемленной в правах, и когда последний из Черных принцев, Рэй, ненароком освободил из плена ее силу и ее магию, воспрянула духом и оживленно властвовала на всей территории Волшебной Страны на протяжении всего положенного ей времени, забираясь за климатические границы вплоть до самых субтропиков. Внешность ангела скрывала дьявольское честолюбие. Сказать по правде, выпихивание ее в летние, ограниченные пределы доставляло много труда и хлопот как летним духам, так и следящему за порядком Светлому Совету. Она была амбициозна до непрактичности и чувствительна к привилегиям. Лесть не имела над нею силы, но тот, кто решился бы пренебречь лестью, мог привести ее в бешенство. А в бешенстве Салазани не знала ни милосердия, ни пощады, как снежный буран. Когда же все было ей по вкусу, она вполне справлялась с ролью приветливой хозяйки и нежной возлюбленной... до тех пор, пока привычка и скука не заставляли ее искать новизны. Давала и отнимала с одинаковой легкостью, но последнее делала, пожалуй, с большим, отчасти садистским наслаждением. Возможно, и давала лишь для того, чтобы впоследствии отнять. Эти ее причуды были достаточно известны, однако всякий раз несчастный ослепленный глупец верил, что его достоинства покорили, наконец, несокрушимую Салазани... и в свой срок летел в общую для всех них мусорную корзину. Красота для нее могла растопить полюс. Любимым ее цветом был бордовый, и ей нравилось, когда ее сравнивали с отравленным цветком.

Сейчас, однако, Королева находилась в состоянии тяжелой депрессии: наступившее на всей территории Волшебной Страны лето вновь выгеснило ее на исконные рубежи, и она, запертая на полгода среди всего знакомого и обрыдшего, маялась бездельем и скукой. Ей надоели старые лица старых любовников, мертвенный покой покрытых тороса-

ми ледяных равнин и голубое небо, день и ночь видимое сквозь прозрачный купол дворца. Она могла, разумеется, отправиться в летний мир, развеяться и завязать новые знакомства, но была слишком высокомерна для того, чтобы появляться там, где не была полновластна. Ей не подходила компания равных. Ее никогда не прельщали пасторальные радости на зеленой траве, дню она предпочитала ночь, солнцу – звезды, северное сияние и огни святого Эльма, теплу – холод, прогретым лугам – равнины, искрящиеся бриллиантовой пудрой свежавыпавшего снега, природному – художественное и, разумеется, исключительное. Она гордилась отсутствием предрассудков.

Йостур-возница, по прихоти Королевы имевший право быть видимым, подошел сзади и возник в зеркале рядом с отражением самой Салазани.

– Чем прикажешь позабавить тебя сегодня? – вполголоса, тоном близкого человека, спросил он.

Салазани молчала, глядя в зеркало, обрамленное изморозной рамой, где они отражались вдвоем, словно на семейном портрете. По мере того, как

проходили секунды, ее глаза становились все угрюмее, потом губы раздвинулись в усмешке, сделавшей ее лицо похожим на маску коварства. Это была одна из самых нехороших ее усмешек.

– Йостур, помнишь обледеневшего гоблина, того здоровяка, что мы обнаружили в Хайпуре?

Карлик наклонил голову.

– Сунь его в разморозку, приведи в порядок, а после пошли ко мне.

Йостур вздрогнул, словно его ударили кнутом по лицу.

– Зачем тебе гоблин, Салазани? – хрипло спросил он, надеясь на уверения, что ему не грозит потеря, более страшная, чем потеря жизни и личности. Иногда, когда это ее забавляло, она так и делала.

– А зачем мне ты? – мурлыкнула она.

На бледность Йостура лег голубоватый оттенок. «Интересно, – мимолетно подумала она, – а гоблин в подобной ситуации побагровеет?»

– Поручи заниматься громилкой кому-нибудь другому, – твердо, как ему казалось, заявил возница.

– Я поручаю это ТЕБЕ, – в ее нежном альте твердости было куда больше, словно наковальня таилась под бархатным покрывалом. – И если на нем будут физические повреждения... или разморозка пройдет не так, как надо... ты сам займешь его место... хм... в галерее моих скульптур.

Йостур поклонился. Салазани поглядела на него с интересом: она видела, что угроза не произвела на него действия. Скорее, он смирился, сохраняя достоинство, и Королева взяла это на заметку.

* * *

Удылгуб шагал по коридорам дворца, причудливым, как внутренность витой морской раковины. Стены коридоров были полупрозрачны, выплавлены в толще льда, и иногда краем глаза он замечал по ту сторону движение легких теней, но, сказать по правде, не был уверен в том, что они ему не мерещатся. Его шатало, и он все еще испытывал слабые позывы к тошноте – последствия быстрой разморозки. Он провалялся в анабиозе несколько лет и, разумеется, до пробуждения даже не предполагал, что был мертв. Ну, или почти мертв. Кровь еще слишком медленно циркулировала в жилах, плохо согревая тело, и все его реакции были заторможены. Впрочем, он сообразил, что, ссылаясь на это, может выиграть некоторое время для оценки обстановки.

Впереди маячила спина карлика, указывавшего ему дорогу. Тот шагал, как ему

чудилось, размашисто и нервно, но длинноногий Удылгуб был на этот счет иного мнения, а потому у него нашлось время обратить внимание на себя.

Ему дали здесь другую одежду: алую тунику до колен, отделанную золотой каймой, в тон каймы – сандалии, а поверх всего – вишневого плаща. Сочетание цветов ему понравилось, правда, он не возражал бы, если бы в его туалете было что-нибудь черное: сочетание красного и черного считается традиционным для этой породы. Впрочем, гоблин был более или менее равнодушен к своему внешнему облику, он никогда не претендовал на привлекательность, разве что в своем кругу. Ну а с этими Могущественными он уже совсем позабыл о своем круге и своих корнях.

У него было несколько минут, чтобы разглядеть себя в зеркале, прежде чем Йостур потащил его к своей госпоже. Кто-то позаботился расчесать его рыжие курчавые волосы, и щетина на лице была такой, словно он не брился два-три дня, а не провалялся забытым в морозилке несколько лет. Алая лента прикрывала шрам на месте потерянного в одной из схваток глаза. Покрытые короткой редкой шерстью руки и ноги Удылгуба были обнажены, и дюжина серебряных браслетов, охватывавших их и подчеркивающих его чудовищную мускулатуру, осталась на месте, чем немало обнадежила хозяйна: Удылгуб придавал им мистическое значение. Изысканным хозяевам все эти чеканные побрякушки показались, должно быть, уместным дополнением к колоритной внешности... пленника?.. гостя?.. игрушки? Удылгуб не мог пока определить, кем считать себя здесь. Черный принц, которому он служил до сих пор, использовал его, но он, по крайней мере, всегда говорил, куда идти и что там делать. Разморозивший его карлик не сказал ни слова, и Удылгуб заподозрил, что этот тип вовсе лишен языка. Впрочем, его это не касалось. Или касалось? Ни одно данное не следует упускать из виду, если пытаешься на основе их совокупности ориентироваться в ситуации в следующий момент. Удылгуб понимал это и без знакомства с теорией Максвелла, хотя, с другой стороны, он был убежденным фаталистом.

Карлик распахнул перед ним створки высокой двери, покрытые позолоченной лепниной, и Удылгуб вступил в просторную пустую залу.

Пол под его ногами был выложен молочно-белой плиткой со слабым эффектом отражения и устлан пурпурной ковровой дорожкой. Стены были такими же, а потолок представлял собою сложную паутинчатую структуру, в ячейки которой были вмонтированы зеркала. Удылгуб увидел в них свое перевернутое отражение и сообразил, что так зала кажется в два раза выше. Впрочем, даже ее истинные размеры были весьма впечатляющи, а гуляющий здесь сквозняк и его дубленую кожу заставил покрыться крупными мурашками.

Окно по правую руку от него было распахнуто, и Удылгуб, бросивший туда взгляд, увидел тянущуюся

вдоль наружной стены балюстраду, а под ней и за ней до самого горизонта – чуть вздымающиеся под ветром и расплывающиеся под собственной тяжестью черные горы воды, все в пене и ледяном крошеве.

На звук их шагов, многократно усиленный акустикой этого странного помещения, развернулось массивное кресло-трон, ранее стоявшее к ним облицованной плиткой спинкой, слившейся с отделкой стен, а потому не замеченное Удылгубом раньше. И зала для Удылгуба вдруг перестала быть пустой.

Лицевая сторона трона была отделана бордовым бархатом, и, разумеется, этот символ власти оказался занят. Там сидела, судя по внешнему виду, молодая женщина из породы людей. Удылгуб внутренне поежился, у него заболела правая рука при воспоминании о том, как он однажды обжегся на Черном принце, юноше из породы людей, предложившем решить вопрос о власти с помощью армрестлинга. С тех пор он стал осторожнее. У этой бабенки, должно быть, большая власть, если все эти хоромы – ее. А власть держится на силе. И чем ближе подходил он к трону Салазани, тем явственнее чувствовал, как нарастает в нем ощущение опасности. Настал момент, когда ему расхотелось идти дальше, и он остановился, но ее ленивое: «Иди!» лишило его возможности сопротивляться. И то сказать, если в ее силах было воскресить его, не значит ли это, что она шутя сделает с ним и кое-что похуже.

Сидя чуть выше стоящего Удылгуба, Снежная Королева внимательно рассматривала свою новую игрушку. Она уже позабыла времена, когда ее радовали красивые лица, теперь она коллекционировала хари. Ей нравилось шокировать свое окружение. Более того, она, право же, не знала, на что она была бы неспособна, чтобы привлечь внимание. Гоблин... это то, что нужно. Его «харя» была объемной и тяжелой, нос – плоским, с широко раскрытыми ноздрями, из которых в художественном беспорядке торчали жесткие рыжие волосы. При взгляде на его рот Салазани с усмешкой подумала, что этот будет скорее кусаться, чем целовать. Прораставшая щетина напоминала по толщине и цвету медную проволоку, единственный глаз тонул в тяжелом веке, окаймленном соответствующего цвета ресницами, а сам он был светло-серым, с белком, обильно пронизанным кровавыми прожилками. Лоб для него природа не предусмотрела. Словом, ничего особенно отталкивающего. Йостур напоминал ей ласку или хорька. Интересно, каково это будет с таким вот вставшим на задние лапы медведем?

Сперва он показался ей дурень дурнем. Ну, то есть, он, разумеется, еще не очухался после разморозки и ошеломлен роскошью. Спустя несколько секунд она уже сомневалась в своей первоначальной оценке. Он смотрел на нее, не мигая и словно окаменев. Ждал ее первого хода. Но до чего же ог-

ромный! Салазани улыбнулась, предвкушая игру. Новая игрушка обещала быть занятой... и опасной. Щекотка для нервов.

– Подойди ближе, – велела она.

Ближе было некуда, и Удылгуб поднялся на три ступени вверх, споткнувшись на последней о подушку, специально, как он догадался, брошенную здесь для него.

– Теперь ты можешь встать на колени, – последовал приказ, и гоблин с тоскою подчинился правилам здешней игры, подумав про себя только, что женщины, бессмертные или нет, так любят созерцать мужчин именно с этой позиции.

Складки тяжелого бордового шелка почти касались его лица, источая густой аромат, в котором разум его забарахтался и, медленно помрачаясь, пошел ко дну. Какое-то наркотическое воздействие... или колдовство! Край ткани шевельнулся, и из-под него показалась босая ступня теплого абрикосового цвета с ногтями, окрашенными в цвет засохшей крови. Прикованный к этой неожиданной находке, взгляд Удылгуба остался опущенным долу, когда над самым его ухом Салазани произнесла:

– У тебя были человеческие женщины?

Гоблин поднял голову, налившуюся свинцовой тяжестью, и взглянул на уста, которые, казалось, должны источать мед. Ему внезапно захотелось услышать, как она стонет. Во имя всех черт ада, она так близко!

Между тем, она приподняла ногу и поставила ее на удобно подставленное плечо, и соображения Удылгуба тут же потонули в северном море. Этот сводящий с ума аромат исходил не от тканей, а от самой кожи. Этот цвет... На льдине она, что ли, заражает нагишом?

У гоблина не было ни морали, ни чувства юмора: с его точки зрения всякий, кто хоть чуточку могущественнее его, мог разлагаться по собственному выбору. Созданная без внутренних тормозов, эта порода абсолютно не способна сопротивляться собственным животным желанием. У них никогда не было запрета на межвидовые сношения. Его распалили бы и куда меньшие авансы... Было одно «но». Эта женщина источала опасность. Опасность пропитывала в этих покоях все, но исходила она от этой вот самки, чьи прохладные шелковые бедра касались его шеи. Если он напоминал Салазани поднявшегося на дыбы медведя, то она ему – ядовитую змею, ползущую по его руке. Он никогда не смог бы противостоять одному лишь вожделению: если бы он не овладел этой женщиной, воспламенившей его воображение, он избил бы ее, изрезал, изувечил, перегрыз бы ей горло. Во всяком случае, попытался бы. Но сила страха была не меньше. Она не провоцировала бы так уверенно чудовище, каким он, без сомнения, должен был ей казаться, если бы не была уверена в своей полной безнаказанности. В том, что держит его в руках и контролирует в любую секунду. Разум его метался в гулком черепе, как мышь, от страсти к опаске, а она нетерпеливо

смотрела на него сверху вниз. От его правильного поведения зависела его жизнь. Его вторая жизнь, где не учитывались никакие прошлые победы, потери и заслуги. Если бы он мог, он бы сбежал. Ему наплевать было на позор, но он был уверен, что живым она его не выпустит.

И потому он ответил наигранно-равнодушно, не подозревая, что именно этот ответ вполне гарантирует ему успех:

– Человеческие женщины... Дрянной материал. Непрочный. Много шума и возни.

Она рассмеялась и, словно только что вспомнив о Йостуре, знаком приказала ему удалиться. Тот помедлил, потом повернулся к трону спиной, сгорбился и поплелся к выходу. А у самых дверей он обернулся, чтобы еще раз бросить больной от унижения взгляд на свою госпожу, с упоением разыгрывающую очередной вариант «Красавицы и чудовища».

Глава 3.

Костер короля

Я остановил коня и огляделся. Потом достал из-за пазухи листок бумаги и на всякий случай еще раз сверился по нему. Место, кажется, было то самое. Я ощущал присутствующую здесь опасность, но это чувство не было острым. Скорее, оно было абсолютно естественным.

Я находился в горном районе, проходящем стадию вулканической активности. Честно говоря, даже если бы я вздумал искать на свою голову приключений, я вряд ли бы сюда сунулся. Странным должен быть народ, избравший подобное место своей постоянной резиденцией. Пока я пробирался по неверной тропе, уворачиваясь от каменных осыпей и гейзеров, бьющих с совершенно невычисляемой закономерностью из самых неприметных щелей, напуганная лошадь вздрагивала и косила в мою сторону укоризненным глазом. Земля здесь была беспокойна, я чувствовал гул и толчки под ногами, когда спешился, чтобы самому нащупывать дорогу, всякий раз поминая Звенигора недобрым, хотя и не особенно злым словом. Пепел, извергаемый далеким вулканом, смешивался с облаками и тонкой пылью висел в воздухе. Им приходилось дышать. Со временем пыль оседала, и видимые наверху, уже успокоившиеся вершины, закованные в вечные льды, были припорошены ею. А кругом, куда ни глянь, причудливыми пузырями наплывала застывшая лава и грозно щетинились шлаковые гребни. В лужах булькала горячая жидкая грязь. Несмотря на высоту, здесь было жарковато. И – ни души! Честное слово, все это напоминало западню. Хоть бы гадюка какая проползла! Судя по обстановке, здесь только драконам и жить.

Я немного перевел дух, когда, свернув за угол, увидел вход в пещеру, слишком узкий, чтобы оказаться парадными воротами в логово дракона. Пе-

щера была именно там, где ей следовало находиться, исходя из плана, набросанного торопливой рукой. Тут моя мысль вновь вильнула в сторону, увлекшись вопросом о наличии у саламандр рук. Пещера была помечена на карте крестом. Здесь надлежало ждать.

Я привязал Касторку у входа, испытывая перед ней чувство вины, и протиснулся внутрь, на всякий случай нащупывая на поясе рукоять меча. Хотя вряд ли бы в экстремальных обстоятельствах я стал полагаться именно на него. Очутившись в пещере, я прижался спиной к стене, чтобы позволить пасмурному дню максимально осветить внутреннее пространство.

Пещера как пещера. Не похоже на личные апартаменты принца. Впрочем, учитывая секретность, с какой Звенигор обставлял мой визит, трудно было ожидать многолюдных торжеств, фанфар и развешенных знамен. Впрочем... вот этот большой плоский камень как будто нарочно придвинут, чтобы на него сесть. Что я и сделал, продолжая осматриваться по сторонам.

У ног булькала крошечная лужица лавы, и ее присутствие не прибавляло мне спокойствия. Не хватало еще, чтобы, пока я здесь, случилось что-то неприятное... например, землетрясение. Впрочем, пол пещеры был чистым, без следа осыпавшихся со свода обломков, а сам свод и стены – гладкие, черные, сухие. Базальт. Первооснова. Потом Люи-

тен много чего еще добавил, но сперва он делал этот мир из базальта. Добро и даже Зло появились позже.

Сама пещера, сужаясь за этим своеобразным холлом, превращалась в тоннель, тонущий в темноте и уходящий в самые недра горы. Оттуда тянуло жаром. Что было вполне естественно, учитывая вулканическую природу всех здешних наворотов.

Когда я осмотрел все, что здесь было, я соскучился, нашел на полу камешек, повертел его в руках и бросил в лавовую лужицу, главным образом, чтобы нарушить ритм ее однообразного чавканья. Вообще-то, в незнакомых местах, в ситуациях, чреватых потенциальной опасностью, делать подобные вещи категорически не рекомендуется. Вопросы техники безопасности были, однако, из тех тем, при возникновении которых во мне, Артуре Клайгеле, всплывала въедливая строптивость: я искренне считал, что эти правила писаны для «прочих», не одаренных врожденным Могуществом. Впрочем, я в жизни не попадал в серьезные переделки, а потому мог заблуждаться на этот счет.

Мои убеждения были слегка поколеблены, когда потревоженная лава выплеснулась из лужицы на базальтовый пол и неторопливо стекла обратно, задержавшись на пути в канавках, вырезанных в камне и невидимых в густом полусумраке. Наполненные светящейся малиновой жидкостью, все вместе канавки сложились во вполне уместное в дан-

ной ситуации «Подожди». Поразмыслив, я решил, что хотя мое действие и нарушало ТБ, все же было вполне психологически обоснованным, и, более того, Звенигор, очевидно, на него рассчитывал. Должен же я как-то дать знать о своем прибытии.

Я стал ждать. Лавовая надпись у моих ног, остывшая, тускнела, и через несколько минут горельефные буквы, сравнившись с полом, попросту перестали существовать. Хм... Эффект, сравнимый со смыванием приливной волной следов, оставленных на песчаном пляже. Одноразовое предупреждение. Если поразмыслить, поистине гениально. Хотя, может быть, для того, кто привык работать с лавой, – вполне тривиальная мысль.

И все-таки начало Приключения было совершенно нетипично. На протяжении всего достаточно долгого пути сюда я не страдал ни от голода, ни от непогоды. Никто не пытался убить меня или ограбить, и даже никто хотя бы ради приличия не удосужился порычать на меня из кустов. О том, что происходило со мной за два прошедших месяца, не нашлось бы сказать и двух слов. Похоже было на то, что сам по себе, даже будучи наследником Белого трона, я решительно никого не интересовал. Приключение не начиналось. Оно ждало своего героя, голову, на которую и посыплются неприятности. Я размышлял: огорчаться ли, лелея уязвленное честолюбие, или же радоваться, что это не моя голова. Поэтому я проморгал какой-то важный момент и вернулся к действительности, только услышав суховатое, сдержанное и негромкое:

– Здравствуйте, Клайгель.

* * *

За все время долгого пути я не раз пытался в своей фантазии воссоздать возможный облик саламандра. Множество химер населили мое воображение, но ничего подобного тому, кто стоял передо мной, я не выдумывал. Мне просто не пришло в голову, что Звенигор может оказаться обыкновенным молодым человеком, вроде меня самого. Было темновато, чтобы рассмотреть его в подробностях, однако я со всей определенностью взялся бы утверждать, что руки у саламандра на месте. Как, вероятно, и все прочее. Одет Звенигор был в светлую сорочку из асбестового волокна, темные брюки из того же материала и сапоги, на вид такие тяжелые, что сам я ни за что не надел бы их по здешней жаре. Ни камзола, ни куртки не было: видно, сорвался как был.

– Принц Звенигор? – для уверенности переспросил я. Кто знает, может, за мной слугу послали? Но юноша, напротив, согласно наклонил голову.

– Мои имя и титул, – сказал он. – Я тоже не ошибся?

Я кивнул.

– Благодарен вам за отзывчивость.

– Скорее, за любопытство, – усмехнулся я. – Честно говоря, я боялся, что это чей-то розыгрыш. М-м... принц, вы хорошо видите в темноте?

– Довольно неплохо, – растерялся Звенигор. – Простите... Я забылся.

С этими словами он наклонился к лужице лавы и, как мне показалось, что-то ей сказал. Я невольно отшатнулся к самой стене, когда над лавой до самого потолка взметнулось ярко-синее пламя, при свете которого в пещере не осталось ни одного тайного закоулка. Звенигор сел на камень напротив меня и, улыбаясь слабой напряженной улыбкой, скорее знаком вежливости, чем хорошего настроения, позволил мне удовлетворить первый приступ любопытства.

У него было привлекательное открытое лицо, из тех, что безотчетно вызывают доверие. Густые светлые волосы, почти прямые, остриженные в кружок, в свете огня отливали рыжим, в очертаниях подбородка и скул чувствовались характер и воля. Глаза голубые, яркие, похожие по цвету на горящий метан. А кожа – такую я и у людей-то редко встречал. Она даже на взгляд казалась горячей: тонкопористая, туго натянутая, гладкости любая девушка позавидует, основательно и ровно тонированная в золотистый цвет загара. Ростом саламандр был не выше меня самого, а это совсем немного, но крепкий, как молодой дубок, литой, почти скульптурный. За чистоту породы и экстерьер я немедля выставил ему десять баллов.

– Это обычная внешность, – осторожно поинтересовался я, – или дань уважения?

Наконец-то в ярких глазах напротив промелькнула озорная улыбка.

– А ты чего ожидал? – с видимым удовольствием избавляясь от церемонного «вы», отбил он мне мой же вопрос.

Я неопределенно пожал плечами.

– Сами виноваты. Поразвели секретность. Ожидал чего-то... ну, скажем так, более ящеричного. И пляшущего в огне.

– Интересно, как бы мы с тобой общались, если бы я плясал в огне? И насколько я был бы невоспитан, вздумай приветствовать своего гостя подобным образом?

– Ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос?

– Ты ни о чем существенном не спрашиваешь. А ушами шевелить я не умею.

Ну, ладно. Пускай хранит свои тайны. Похоже, они государственные.

– Тогда спрошу о существенном. Какого лешего я таскался за тридевять земель, и во что ты влип? Почему ты считаешь, что я могу тебе помочь? Я ведь пока еще никто. Ну и для кучи: как здоровье Его многоуважаемого Величества, твоего августейшего отца, короля Златовера?

– Плохи дела у Златовера, – сказал саламандр. – И не помощи я прошу. Совета. Объективной заинтересованности. Я решил обратиться к тебе, потому что...

– Потому, что я похож на тебя? Тоже наследник? Звенигор кивнул, как мне показалось, застенчиво и с благодарностью. Если судить по их истори-

ческим традициям, он должен чувствовать себя чувственно неловко, привлекая к домашним проблемам внимание посторонних.

– Мы с тобой одних лет и примерно в одном статусе. Ну, у тебя, разумеется, крупнее масштаб. Я подумал, что если тебе нечего делать, ты можешь заинтересоваться... скажем так, своей потенциальной проблемой. Или ты жаждешь поскорее вступить в свои права?

– Дай бог долгой жизни леди Джейн! – в шутилке ужасе воскликнул я. – Мне, конечно, нравится быть значительным лицом, но что касается ответственности... лучше бы попозже.

– К леди Джейн я мог бы обратиться только официально, а это как раз то, чего я делать не хочу. Кроме принцессы, ты единственный, кто уже имел дело с нашей бедой.

Совета? Я был разочарован. Роль спутника по значимости почти равна роли самого героя, слава и подвиги – пополам. Герою, правда, достается героиня, ну да этого добра не жалко. А кто и когда помнит советчика?

– Если ты считаешь, – сказал Звенигор, неверно истолковав выражение моего лица, – что я обязан был удовлетворить твоё любопытство относительно физических особенностей моего народа, я готов принести тебе свои извинения. Я имею основания считать, что мне чертовски дорого время.

Извинения! Для сына Златовера это поистине нелегкая задача. Кроме того, я заподозрил, что моя первая реакция была непростительно бестактной. У Звенигора больше оснований требовать извинений, чем приносить их.

– Если оно дорого, – заметил я, – не будем его терять. Что там со Златовером?

Звенигор поднялся.

– Мне проще показать, чем объяснять, – буднично сказал он. – Пойдешь? Только, – добавил он после паузы, – там для тебя жарковато. У тебя есть защитные резервы?

– Найдутся, – пообещал я ему. – Но, честно говоря, лаву я не потяну.

Звенигор мимолетно усмехнулся.

– Я тоже. Так, лесной пожарчик средней руки.

Саламандр пропустил меня вперед, в щель прохода, откуда шел горячий сухой воздух. Благодарный за предупреждение, я, вспоминая основы защитной ма-

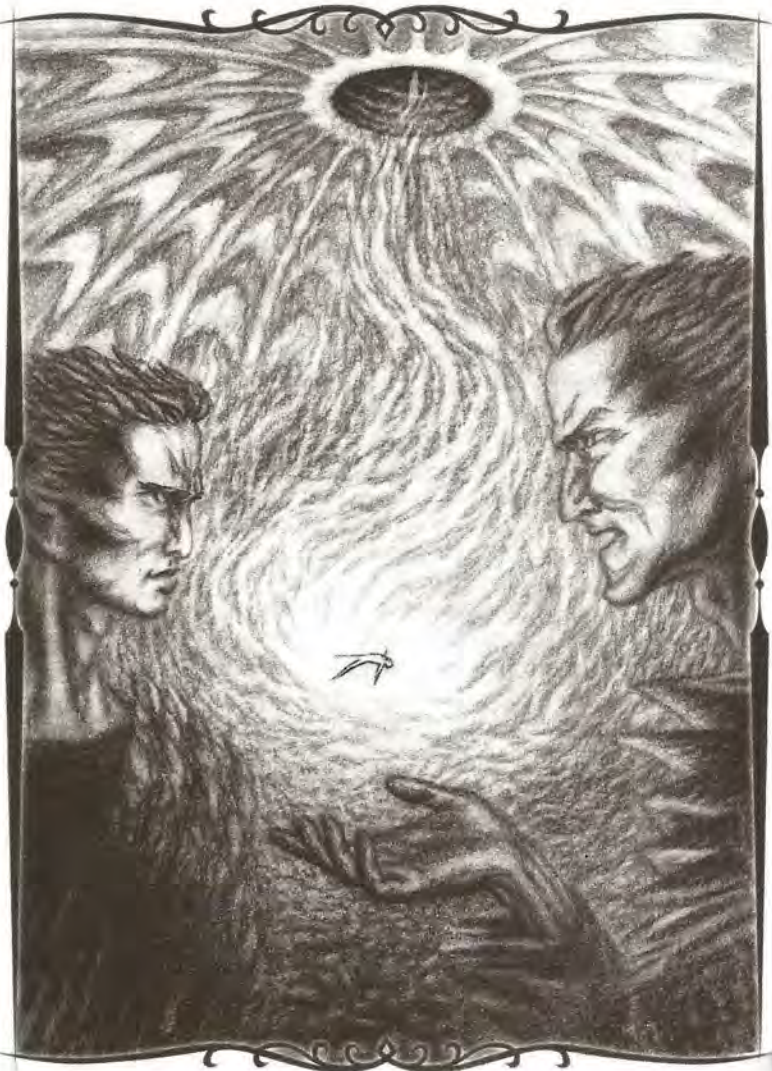
гии, окружил себя воздушным пузырем, смягчающим накатывающие волны жара. Чувствовал я себя при этом примерно так же, как в сауне. Уже через несколько минут пути пот стал заливать глаза. Дышалось с трудом. Я обернулся. Следовавший за мной саламандр был безмятежен, словно шел аллеей парка. Ну да, это же для него дом родной. «Вот погоди, – мстительно подумал я, – придет время, выволоку я тебя на свежий воздух!».

– Далеко еще?

– Шагов триста, – во мраке было непонятно, намешливая у него улыбка или извиняющаяся. – Потом длинная лестница вниз.

Вниз. Это хорошо. Однако на обратном пути это будет вверх.

Лестница и впрямь оказалась длинной. Очень длинной, на несколько сот ступеней. Теперь понятно, откуда у саламандра такие накаченные мышцы. И шмотки из асбеста тоже весьма уместны. Вне защитного пузыря жар достигал, должно быть, температуры обжиговой печи, пущенной на полную мощность.

Когда лестница осталась позади, нас встретили двое часовых, стоявших у ее нижней ступени, скрепив протазаны. Они салютнули принцу и расступились перед ним. Оба были с ног до головы закованы в броню, двуногие, прямоходящие, и ничем не выдавали отличия от людей. Ничем, кроме необычайной жаропрочности: на их латах котлеты можно было жарить.

Впрочем, я тут же забыл про часовых. Зал, куда мы со Звенигором спустились, был освобожден для колоссального костра. Посреди базальтового пола в квадратном углублении громоздился бурт каменного угля, пылающий вовсю. Плавильня, достойная Гефеста. Только не металл здесь плавил саламандры.

На самом верху, объятые языками пламени, лежало тело немолодого мужчины, по виду – человека. При нем были регалии, подтверждающие его сан, но ни корона, ни скипетр, ни большой королевский меч не были бы мне нужны для идентификации короля Златовера: хватило бы одного фамильного сходства. Лицо лежавшего в огне было лицом Звенигора, с теми отличиями, какие могут наложить сорок лет разницы, высшее хайпурское образование сына и непростой характер доморощенного тирана-отца. У Златовера были более тяжелые брови и подбородок, и все черты лица казались крупнее. Густые рыжие кудри короля саламандр, пробитые обильной сединой, тщательно расчесанные, лежали на его плечах, мешаясь с пышной бородой и языками пламени. Весь жар этого чудовищного горна не оказывал ни малейшего воздействия на его плоть, и я подивился очевидной бессмыслице происходящего.

– Вы всегда испытываете такие трудности с кремацией?

Звенигор бросил на меня недоуменный взгляд.

– Златовер не мертв, – тихо, но внушительно произнес он.

– Тогда я ничего не понимаю! – вполголоса, из уважения к торжественной атмосфере, взорвался я. – Какого черта он обряжен, как покойник?

Звенигор сдвинул брови.

– Кое-кому очень выгодно считать его покойником, тем паче, что и живым-то его назвать трудно. Есть слово для пограничного состояния?

– Кома, – прошептал я. – Это еще не смерть физически, но политически... Похоже, ты скоро наденешь эту корону?

– Я делаю, что могу, Артур, чтобы оттянуть этот момент. Видишь? – он кивнул на костер.

– Вижу, но, разрази меня гром, ничего не понимаю.

– При температуре такого уровня, – терпеливо объяснил Звенигор, – саламандр меняет облик. Мы становимся чем-то, как ты изволил выразиться, более ящеричным. Может, когда-нибудь и увидишь. Отец остается в облике человека – этого жара ему недостаточно. Но его плоть и не обугливается, значит он еще жив. Медики говорят – остывает серд-

це. Когда оно остынет, Златовер будет погребен опусканием в лаву.

– Так вся эта плавильня...

– Только для того, чтобы согреть королевское сердце. Златовер жив, хотя я знаю нескольких влиятельных саламандр, готовых погрузить его в лаву прямо сейчас.

– Это его убьет?

– Несомненно... К счастью, они не могут это сделать без моего официального...

Звенигор резко смолк. К нам спешил высокий черноволосый... человек? Вряд ли. Саламандр с грузной фигурой, в одежде, усыпанной драгоценностями. Он даже не остановился, отдавая Звенигору небрежный, формальный поклон. По одному этому жесту было ясно, что принц у вельможи не высоко котируется.

– Отрадно, хотя и горько видеть скорбь благочестивого сына у тела отца, – произнес великолепно модулированный голос опытного спикера.

– Еще не пришло время скорби, уважаемый Магнус, – резко ответил Звенигор, и я заподозрил, что у принца пылкий характер. – Время трудных решений, но – не скорби!

– Готов согласиться, – отозвался Магнус, очевидно, куда лучше владеющий собой. – Время трудных решений.

Он вкладывал в эти слова какой-то другой смысл, и Звенигор это понимал, а я – нет. Скулы принца окрасились гневом.

– Принц ослеплен печалью утраты, – мягко сказал вельможа, обращаясь ко мне, – и глух к словам умудренных летам. Быть может, он услышит совет друга равного возраста? Простите, сударь, я не имею чести знать вас, но видя, что принц в горестный час предпочитает ваше общество, я смею надеяться, что вы достигнете до его смятенного разума.

«Что ж, друг Горацио...». Разум Звенигора, однако, отнюдь не казался мне смятенным.

– Простите мою нелюбезность, – процедил молодой саламандр. Тип в побрякушках явно не пользовался его привязанностью. – Позвольте представить моего дядю Магнуса. Дядя, нас почтил визитом наследник Белого трона, сэр Артур Клайгель.

Вельможа поклонился, я кивнул. Важный саламандр опустился у ямы на колени, провел в молитве – или молитвенной позе – несколько минут, в течение которых мы молчали, а потом бесшумно удалился. К моему немалому облегчению, Звенигор предложил вернуться в «прихожую».

– Плохо, что этот тип меня увидел?

– С одной стороны, это немного нарушило мои планы. Но я на ходу решил, что выгоднее будет переиграть. Действительно опасным было бы, если бы ему удалось перехватить тебя в пути и не позволить мне сделать происходящее достоянием общности. Но ты уже здесь и, предположительно, на моей стороне. В своем раскладе ему придется кое-

что поменять, ведь он не может тебя не учитывать.

– Ты говорил, кому-то выгодна смерть Златовера. Он из них?

– Стервятники, – сквозь зубы выплюнул Звенигор. – Диадохи. Златовер их вот так держал, – он показал стиснутый кулак. – Так что теперь они ожились.

– Постой. Диадохи – кто они?

– Родственники. Коронный Совет Златовера. Имели совещательный голос.

– А о каком трудном решении он толковал?

Звенигор поджал губы.

– Хотят, чтобы я объявил о своем согласии принять корону. Тогда Златовер полетит в лаву.

– Я так понимаю, ты этого согласия давать не намерен.

– Златовер – мой отец и сюзерен, – раздельно произнес Звенигор. – Я за него умру.

– Так... погоди, ты – совершеннолетний?

– Да, конечно.

– А ты мог бы разогнать этот Совет к чертовой матери?

– Нет. Пока не выполнены кое-какие формальности, я могу только соглашаться или не соглашаться с мнением Совета. Фактически я не имею права на самостоятельное решение.

– Тогда зачем им спешить навязывать на свою шею нового короля, когда они сами себе хозяева?

Звенигор покусывал губу.

– Я – не Златовер. У меня нет ни политического веса, ни авторитета, ни опыта. Я не владею механизмом власти. На этом троне я становлюсь их властной марионеткой. Такой, как я есть сейчас, я неминуемо попадаю под их пресс. Ну, а если я становлюсь слишком уж неподатлив...

– То?

– Дядюшка Магнус мне наследует.

Я присвистнул.

– Тебе надо либо убирать его совсем, либо держаться от него подальше.

– Это что, совет от Белого трона?

Я смутился.

– Нет, реплика вдогонку ситуации. Э-э, послушай, а если бы Златовер на самом деле умер, ты был бы обязан принять корону?

– Мне сослагательное наклонение не нравится. Но тогда бы у меня не было проблем морального характера.

– Но ведь ты делаешь, что можешь!

– Ну да. Поджариваю папочку, насколько хватает энергоносителей, при этом что было сил отбрыкаясь от его Коронного Совета.

– А что, – поинтересовался я, – остывание сердца – это болезнь такая?

– Да нет, – тихо сказал Звенигор. – Это элегантное и крайне жестокое убийство.

После долгой паузы я растерянно произнес:

– Что за чертовщина у вас тут творится? Кто его убил? Дядюшка Магнус?

– Не убил. Медленно убивает. Когда сердце

Златовера замерзнет, он умрет. И это слишком серьезное дело для кучки осторожных предателей вроде Коронного Совета, способных только воспользоваться плодами чужого злодейства. Тот, кто это делал, был уверен в своей полной безнаказанности. За это отвечает волшебница, Артур. Снежная Королева.

Глава 4.

Приклонение в общих чертах

– Рассказывай! – чуть ли не взмолился я. – Все, и по порядку! Если только это не задевает какие-то там государственные секреты. И даже если задевает! У меня голова идет кругом, когда я клещами выуживаю из тебя очередную мрачную тайну.

Звенигор махнул рукой.

– Какие уж тут интересы, когда мы сидим в такой калоше. Начну с того, что нам, саламандр, никогда не было дела до Салазани. Ни один из прочих народов Волшебной Страны не смог игнорировать ее приход к власти... ни один, кроме нас. Все прочие вынуждены были покориться ей или же вносить в свой жизненный уклад какие-то коррективы. А на нас освобождение Зимы никак не повлияло. Шестьдесят градусов – разве это температурный перепад? Понимаешь, мы же автономны. Мы бы, честно говоря, Ее Величество даже не заметили. В общем, здесь в столкновение пришли два до крайности амбициозных характера. С одной стороны, наши места проделали брешь в безукоризненной карте ее политических интересов. Это никак не могло ее не уязвить. Как и то, что Златовер открыто высказывал ей свое пренебрежение, в то время как Волшебная Страна покорно склоняла перед ней голову и могущественные духи прочих времен года выстраивались в очередь. Теперь, вдогонку событиям, в частной беседе я могу признать, что с Салазани стоило вести себя более дипломатично.

– Совершенно с тобою согласен. Хотя нам с леди Джейн и приходилось противостоять Снежной Королеве, лично против нее я ничего не имею. И, пожалуй, разумнее всего было бы считаться с нею, хотя и не давать ей власти сверх положенного. Она весьма могущественная, хотя, надо признать, довольно невежественная волшебница. И совершенно беспринципная.

– Боюсь, Златовер пал жертвой традиционного для нас пренебрежения к женщинам. У нас женщины не правят. Наше общество исконно патриархально, и даже жены высших сановников не имеют никакого политического веса.

– Ну... – агрессивно начал я... и замолчал, не зная, какое действие окажет мое мнение на саламандра, даже сколь угодно цивилизованного, а потом осторожно перечислил: – Леди Джейн, моя мать – леди Тримальхиара, Королева эльфов, Са-

лазани... Это только те, с кем я непосредственно сталкивался, а сколько их еще, разных... И все справляются не хуже прочих.

Звенигор кивнул, рассеянно улыбаясь.

– Да, я согласен, мы тут изрядно закоесли. Но, прямо скажем, в этом деле ни одна сторона не блеснула особым умом. Салазани выдвигала абсурдные, ничем не подкрепленные требования. А Златовер отвечал ей разве что не сквозь зубы. У нее репутация весьма эксцентричного духа... и Златовер не преминул публично проехать на этот счет.

– Ну ничего себе! – я был и возмущен, и смущен одновременно. – Каковы бы ни были ваши традиции, существуют же все-таки правила вежливого обхождения с дамами. Тем более с такими... опасными в обращении. Даже если бы она не была столь могущественна, это все равно непростительное хамство. В конце концов, это его совершенно не касается.

– Ну так она и обиделась. И сделала с ним то, что пообещала в минуту гнева. Похоже, Салазани – весьма злопамятная особа. Так или иначе, но она

оставила народ без короля, а меня – со сладкоречивым дядюшкой Магнусом.

– Насколько мне известно, – осторожно заметил я, – Салазани никогда не могла похвастать чувством меры. Мне кажется, тут онахватила через край. Но, не обессудь, как-то же она должна была попытаться поставить Златовера на место?

– Хочешь знать мнение Коронного Совета на этот счет? Не без облегчения полагая, что для Златовера все кончено, они предлагают возвести на трон его наследника, а затем объявить Салазани настоящую войну, дабы удовлетворить жажду мести и... очистить мою совесть.

– Войну?! Салазани? Да вы с ума посходили. Ты хоть имеешь представление о ее ресурсах?

Бешеный прищур Звенигора заставил меня смолкнуть.

– А ты – о наших? Будь спокоен, если мы возьмемся воевать, никто в стороне не останется. Часть нашей политической верхушки, кстати сказать, наиболее в свое время поощряемая Златовером, лелеет имперские амбиции.

– Но, Звенигор! А как же Хайпур? Высшее гуманитарное образование?

– Да вот оно и твердит мне, что война – слишком дорогой, долгий и ненадежный путь к решению проблемы. Зато – самый верный способ нажать новые проблемы, куда более фатальные.

– Тогда принимай трон. Я не вижу другого выхода.

Звенигор сидел напротив, сцепив пальцы рук на коленях и ссутулившись. Похоже, он и впрямь живет под нештучным прессом.

– Ты что же, Арти, предлагаешь мне посидеть и подождать, пока его смерть очистит мою совесть? Думаешь, я со спокойной душой сниму с головы отца корону? Да он мне в ночных кошмарах является – бродящим в одиночку среди заснеженной степи. И я должен наблюдать, каждую минуту ожидая, когда он упадет и замерзнет.

– Ну, а чего же ты хочешь?

Открытое лицо Звенигора поднялось ко мне, став нежным и ожесточенным, какими бывают лишь лица тех, кто воплощает в жизнь самое заветное.

– Я отправлюсь к ней, в ее дворец, возьму эту дрянь за волосы и буду колотить головой о стену, пока она не взмолится о пощаде и не снимет с отца это бесовское колдовство.

Я хотел сказать «ой», но только судорожно сглотнул.

– Есть у меня хоть крохотный шанс, Арти? Если есть, я пойду.

Я опустил глаза. О, как бы мне хо-

телось, чтобы это было Мое Приключение. Чтобы у меня тоже был крохотный шанс вернуть своего отца. Господи, что нам делать с теми, кто сильнее нас?

– Не очень-то это по-джентльменски: колотить даму головой о стенку.

– А я не испытываю к ней джентльменских чувств. И, кстати сказать, я не предлагаю тебе в этом участвовать.

– Как?! – возопил я пересохшим горлом. – Я сюда тащился, чтобы... Чтобы мне было отказано в Приключении?

– Я просто не хотел втягивать тебя в дразги, которые тебя не касаются.

Саламандр смотрел на меня с живым интересом, заставившим меня заподозрить, что и самого Звенигора, помимо благородной цели, Приключение влечет само по себе. Ох уж этот сладкий яд для беспокойных сердец!

– Слушай, Звенигор, я – тоже сын знаменитого отца...

– Я знаю, – саламандр кивнул с серьезным видом. – Я читал Белую книгу. И Черную тоже.

Ого! Путешествие в компании всесторонне образованного и начитанного саламандра!

– Думаешь, мне улыбается на всю жизнь остаться сыном гения, то есть тем, на ком природа отдохнула? А тут мне выпал шанс. Может, я единственный, кому удастся наблюдать саламандра. Ты же сам должен понимать – мир развивается, и вы не можете до бесконечности существовать в изоляции.

Выражение лица саламандра подтвердило, что он вполне осознает эту грустную истину.

– К тому же, – победно завершил я свою аргументацию, – должен же кто-то проследить, чтобы ты не смог воплотить в жизнь методы саламандровой дипломатии, которые только что расписал с таким смаком.

– Ну, тогда поехали, – сказал Звенигор и вдруг широко улыбнулся. – Черт, я боялся, что в самом деле придется тащиться одному.

– И ты мне все расскажешь про саламандр? – с надеждой воскликнул я.

– Постепенно, – слегка охладила мой пыл Звенигор. – Сперва мне надобно добиться, чтобы Коронный Совет меня выпустил.

– А сбежать?

– Ха! Они тут же отделаются от Златовера, объявят меня вне закона, коронуют Магнуса... и вообще, сделают все вообразимые глупости сразу. Нет, Арти, мне придется действовать официально.

– Что это значит?

– Ловить дракона.

– А пояснее? – я заподозрил, что это какой-то цветистый оборот саламандровой фразеологии.

– Что может быть яснее? Я же говорил, что не имею права принимать самостоятельные решения. Для этого требуется выполнение некоторых формальностей. Поимка дракона – одна из них. Право на решение у нас традиционно подтверждается пуб-

лично совершенным подвигом и личной славой. Так вот.

– Так ты что, и вправду будешь ловить дракона?

– Придется.

* * *

– Тебе и в самом деле совершенно некому довериться? – вполголоса спросил я.

Чуть заметным кивком, движением скорее глаз, чем головы, Звенигор подтвердил этот печальный факт. Он полулежал, опираясь на локти, на моем спальном мешке, возле дышащей жаром, ритмично булькающей лужицы лавы, будто грелся. Впрочем, почему «будто»? Сам я жался к выходу, где воздух был хоть ненамного, но свежее.

Прошло уже несколько дней, как Звенигор показал мне костер своего отца, и сейчас я виделся с принцем саламандр довольно редко: тот почти все время пропадал по государственным делам и, похоже, только здесь позволял себе чуточку расслабиться. Впрочем, расслабиться – это сильно сказано. Настороженность, кажется, пропитала каждую клетку его тела, проникла в сам костный мозг, и даже робкие мои попытки что-нибудь повыспросить частенько натыкались на щит умолчаний, ловких уходов от темы и изящных по форме, иллюстрирующих ситуацию анекдотов. Щит этот вздымался, скорее, рефлексивно, и Звенигор тут же извинялся, но, сказав по правде, выглядел он уже настолько измученным, что у меня рука не поднималась дальше пытаться его. В самом деле, принц выбирался в свою укромную пещеру расслабить мозг после утомительного лавирования в своих напряженных отношениях с Коронным Советом, и заставлять его трезво оценивать степень секретности разглашаемых тайн было бы не только бестактно, но и попросту непорядочно.

– В этом деле с драконом Совет тебе нагадить не сможет? – вполголоса спросил я.

– Нет, что ты! – наконец разомкнул губы Звенигор. – Да они были просто счастливы, когда я об этом заикнулся. Они считают, что я наконец-то прислушался к их пресловутому «голосу разума». И знаешь, дядюшка Магнус считает, что этим он обязан... тебе. Так что ты у нас весьма популярен. И все, что касается дракона, они проделают с надлежащим старанием.

– А что они делают?

– Ну, они его ищут. Толпы егерей уже неделю прочесывают местность в поисках норы.

– Да, вот они, преимущества титула, – поддразнил я. – Ты тут лежишь, а тебе дракона ищут.

– Ох, я лучше бы его искал, чем в Совете!.. – вырвалось у Звенигора.

– Послушай, а может, тебе в этом деле помощь нужна? – осторожно поинтересовался я. – В Белой книге папочка пишет, что с драконами у него хлопот было куда меньше, чем с мамочкой. Он уделывал их перед завтраком. Он с ними вообще на короткой ноге был. А вдруг это наследственное?

Звенигор закинул руки за голову и с хрустом потянулся.

– Даже если бы это был не ты, а твой уважаемый отец, я все равно не мог бы отвертеться от ловли. Я же не домой его должен приволочь, связанного по всем лапам, а изловить при большом стечении публики. Будь спокоен, меня там очень тщательно идентифицируют. Не так уж, на самом деле, нужен нам этот дракон, вопрос заключается в приобретении личного престижа, так что передоверить его поимку я не могу, даже если бы ты был крупнейшим в Волшебной Стране специалистом по этим тварям.

– Но ты хотя бы знаешь, как это делается?

Судя по мимике, я задел больное место.

– Теоретически. Главным образом, из художественной литературы.

Считается, что старый король должен проинструктировать сына, однако со Златовером все произошло так неожиданно.

– Совет на будущее, – пошутил я. – Если вам не так уж и нужен этот злосчастный дракон, поймите одного, приручите, и каждый раз ловите, а поймав – выпускайте. К этому можно какую-нибудь благообразную теорию присобачить, а наследникам дешевле обойдется.

Мы посмеялись, каждый со своей степенью занатности.

– А скажи-ка мне, – осмелев, поинтересовался я, – почему тогда в пещере, где костер Златовера, ты

не превратился? Ты же сам говорил, что температура более чем достаточная. И часовые, и дядюшка Магнус – все имели человеческий облик. Почему?

– Так ведь траур же! Умники, исхитрились объявить траур по живому королю.

Я взглядом попросил расшифровать.

– Это долго, – поморщился саламандр. – Ну ладно! Саламандр, как и всякое волшебное существо, должен питать себя энергией. Мы получаем ее из пламени, другие ее формы нам недоступны. Именно поэтому мы именуем себя внуками Локи и детьми Сварога. Хотя и боги, наверное, где-то есть, раз их кто-то удосужился придумать. Ничто не пропадает, и фантазия в том числе. Этот процесс приобретения... в общем, это величайшее из всех возможных наслаждений, пиришество тела и духа. Во время траура на этот ритуал налагается табу.

– Так перевоплощение не происходит самопроизвольно?

– У низших чинов – происходит. Высшие же обладают более развитыми способностями к самоконтролю. Те часовые у костра, они страдают: не у каждого саламандра хватит духу продолжительное время выдерживать искушение подобной интенсивности. Этот пост весьма непопулярен. Это, кстати, один из главных аргументов дядюшки Магнуса: я-де неоправданно долго держу народ под бременем траура. Можно подумать, я его объявлял! Все мы за это время поизрасходовали свои внутренние запасы, а потому – уставшие, раздраженные и злые.

Но, впрочем, даже если бы не было траура, огненная пляска – дело, в общем-то, глубоко интимное. Это... ну, немного истерика, немного – боевое безумие. Что-то в этом есть от принятия пищи, что-то – от горячей ванны, от наркотика, кое-что от занятия любовью. В общем, уважающий себя саламандр с хорошими манерами публично этого делать не станет. Хотя на случай сражения это идет. Все наши боевые приемы основаны на овладении огнем и использовании в своих нуждах его голода и злобы.

– И ты все это умеешь? – поинтересовался я с трепетным уважением.

– Меня хорошо учили, и традиционными методами я владею. Наш основной метод наступления – вал огня, направляемый множеством саламандр. Ну, и поскольку боевое безумие поощряется официально и сопряжено с приятностью, народ мы весьма воинственный.

– А что, могли бы саламандры завоевать мир?

– Думаю, могли бы... – Звенигор позволил мне захлебнуться возмущением и продолжил: – Только весь мир был бы для саламандр довольно-таки уютным местечком. Нам бы что-нибудь потеплее, поближе к магме. Чаще прочих сталкиваемся с гномами, поскольку, сам понимаешь, с ними ближе всего соприкасаемся в интересах. Им тоже нужны недра. Но сферы обитания уже поделены: мы забираемся глубже, и там уже только наша экологическая ниша.

* * *

Когда саламандр ушел, я выбрался на свежий воздух, чтобы проведать Касторку. Она смиренно стояла в укромном уголке, защищенная нависающим каменным карнизом от заинтересованного взгляда случайного дракона, буде тому случится пролетать неподалеку. В первый день пребывания здесь проблема фуража казалась мне самой неразрешимой из всех, однако Звенигор на этот счет ничуть не встревожился. Как гостеприимный хозяин, он все эти хлопоты перепоручил своему снабжению, те связались с гномами, через которых шла вся торговля саламандр, державших под контролем недра, но самостоятельно ничего не производивших. Гномы в свою очередь обратились к эльфам, и хотя все остались немного озадачены подобной прихотью, и общее недоумение выразилось в цене, которую снабжению пришлось заплатить, и которая, кажется, равнялась весу лошади в золоте, означенное животное бодро жевало овес, находясь в краях, где по собственной воле не произрастало ни травинки, а сам я возносил хвалы общественному разделению труда.

Итак, думал я, поглаживая стриженую гриву, вот Звенигор, благородный принц саламандр, чьим Санчо Пансой мне предстоит стать. Что означает – быть спутником героя? Делить поровну все опасности пути, подчиняться чужим интересам, напрочь забыв о своих, собственным юмором смягчать напряженность ситуации, давать житейские советы,

которым все равно никто никогда не следует, и ежеминутно рискуя шкурой, исправлять последствия дурости героя, великодушно удерживаясь при этом от облегчающей душу присказки: «Ну, что я говорил!», а в момент славы благоразумно отступить в тень. Звенигор, при всех его достоинствах, не производил впечатления человека... тьфу, саламандра, склонного к зрелой уравновешенности решений. Между прочим, я вполне мог представить себе его способ общения со Снежной Королевой. Никуда не денешься, будь у тебя хоть тридцать три высших образования, ты все равно остаешься сыном Златовера. Разъяренный саламандр и в самом деле обещал больше напороть, чем спасти.

Глава 5.

Право принимать решения

– Я посижу с тобой?

Я обернулся на голос. Как обычно, сперва в полумраке узкой щели тоннеля я увидел только приблизительно очерченный контур Звенигора. Меня удивила непривычная интонация принца: едва ли раньше тот говорил так нерешительно. Наверное, тут совсем не принято, чтобы принц ожидал своего испытания не в торжественном молитвенном уединении, а в компании человека, к тому же чуть знакомого.

Когда саламандр подошел ближе к огню, я рассмотрел его как следует. Сегодня Звенигор был облачен в тонкую кольчугу длиной до середины бедра, слабо позванивавшую при каждом его движении. Свечение лавы бросало на нее и на лицо принца кровавые блики. Железными пластинками также были укреплены сапоги саламандра, а колени защищены хитроумно сконструированными наколенниками, как мне показалось, ничуть не ограничивавшими подвижность суставов. Я в очередной раз подивился сдержанной, по-своему очень выразительной силе Звенигора: вся эта амуниция, включая шлем, который саламандр нес под мышкой, весила, как минимум, фунтов пятьдесят, однако тот двигался в ней так же свободно, как если бы был в обычной сорочке и брюках.

– Гномские? – поинтересовался я.

– Что? А, доспехи! Нет, отечественные. Эксклюзив. Можно сказать, антиквариат. Пережили много поколений.

Не акцентируя внимание на явной двусмысленности последней фразы, Звенигор без всякого почтения бросил протестующе звякнувший шлем и сел на камень. Вид у него был несколько отсутствующий. Оно и понятно: он, в сущности, уже там. Сказать по правде, мне очень хотелось еще раз предложить Звенигору как-нибудь поменяться, но я боялся обидеть саламандра. Может, для него это вопрос чести. Впрочем, сам я тоже ни разу в жизни не укрощал драконов, а все мое теоретическое знакомство с ними сводилось к Большому Драконье-

му Приключению Белой книги. Так что Звенигор, живущий в непосредственной близости от них, наверняка лучше осведомлен об их повадках. И если уж он занялся драконами, то, надо полагать, выдобрал из жизнеописания Александра Клайгеля все, хоть сколько-нибудь касающееся драконов.

– Ну, и как же твой уважаемый отец уделывал драконов перед завтраком? – небрежно спросил саламандр, и я чуть не подавился.

– Боишься?

Звенигор усмехнулся.

– Не без того. Я, наверное, во всей этой сбруе выгляжу полным идиотом? Нет, я, конечно, в курсе, что у дракона имеются хвост, голова, четыре лапы и брюхо, что он летает и выдыхает огонь, но вот истинные приемы прославленных драконоборцев, без разного рода художественных преувеличений...

– Главное, – авторитетно посоветовал я ему, – не дай ему взлететь. Если он окажется в воздухе, у тебя перед ним не будет ни одного преимущества. Ну и, разумеется, не вздумай соваться к нему в нору: там ему тоже удобнее, чем тебе. Он там дома.

– Да, я думал об этом, – признался Звенигор. – Встречу его у самого входа, чтоб и развернуться ему было негде.

Оба мы замолчали. До меня вдруг дошло, что если одолеет дракон, никакого Приключения не будет. И этого симпатичного, одновременно пылкого и застенчивого принца – тоже.

– Я знаю, что тебе нужно, – заявил я и полез через свой спальник к тючку с поклажей. Я недолго в нем копался и, торжествуя, вынырнул из тени с фляжкой в руке. – Вот! – и сделал флягой замысловатый жест: – Именем Адреналина и собрата его Кортизона благословляю тебя на сей ратный труд!

– Кто такие?

Я ухмыльнулся.

– Можно считать, боги. Коекому известны под именами Фобоса и Деймоса, но я предпочитаю более материалистическое объяснение.

Звенигор рассеянно протянул руку, принял флягу, приложил к губам, сделал глоток и зашелся в судорожном кашле.

Духи земли и неба! Черт его забираи со всем его нечеловеческим метаболизмом! Он настолько антропоморфен, что немудрено было и прошляпить. Только бы он не отравился! Похоже, что саламандры

не очень-то знакомы с ядами средств наслаждения, особенно в части испытанного средства для храбрости.

– Что за дрянь? – вытирая слезы, спросил Звенигор.

– Дрянь?! – вскипел я, убедившись, что ничего более фатального, чем первичный шок знакомства с алкоголем, не произошло. – Да эту «дрянь» мать мне своими руками наливала! Правда, – я скромно потупился, – предполагалось, что я буду использовать это пойло для профилактики простудных заболеваний. Это лучший тримальхиарский бренди! – и отпил сам.

Саламандр засмеялся, его скулы порозовели.

– По силе воздействия, – заметил он, – напоминает огненную пляску. По крайней мере, неплохая ей замена на случай траура. Разрешить?

Я не без колебаний вложил фляжку в протянутую руку.

– Еще глоток, не больше. Передозировка окажет обратное действие. Думаю, довольно неумно

лезть на дракона в классическом состоянии «море по колено».

Я тщательно упрятал флягу, и мы еще немного развлеклись фантазиями на тему дракона, пока наконец Звенигор не поднялся.

– Пора, – сказал он, и я вместе с ним двинулся к выходу.

– Ты только помни, – серьезно сказал я саламандру, пока оба мы еще не появились перед широкой публикой, – если ты позволишь этой рептилии тебя одолеть, ты не только сам погибнешь, физически или в плане репутации. Ты Златоверу ничем не поможешь. И помни, черт тебя возьми, ты – моя Огненная книга. И если ты здесь дашь слабину, то подведешь своего отца и меня. Ну и, разумеется, свою девушку.

Звенигор улыбнулся, снова чуточку натянуто, но, кажется, уже не от страха, а именно так, как это должны были бы увидеть его будущие подданные.

– Только вас двоих, – и надвинул шлем на брови.

* * *

Когда мы выбрались из пещеры и после примерно получаса карабкания по совершенно, с моей точки зрения, невыносимым кручам оказались на месте, ситуация поступила в распоряжение церемониймейстера короля Златовера, бывшего почти копией дядюшки Магнуса. Тот, разумеется, тоже присутствовал, и в его поклоне наследнику брата сегодня было куда больше почтения. То ли оказала свое влияние прилюдность действия, то ли близость Звенигора к власти. Принц не сдержал усмешки, а я вдруг запоздало поежился: все присутствующие, – а толпа зрителей заполнила сверху донизу склоны ущелья, ведущего к норе, – очевидно, относились к происходящему с благоговением, и один я, Арти Клайгель, знал, что Звенигор готовит им политическое хулиганство в особо крупных размерах. Было поздно что-либо менять, но каверзное подсознание подкинуло мне на осмысление проблемку: а что, если Звенигор неправ? Может быть, надень он корону – и ситуация нормализуется? Разве не очевидно, что для всех свободных народов будет лучше, если на месте Златовера окажется молодой король с прекрасным образованием, без расовой ограниченности и предрассудков, не склонный к видовому шовинизму и не лелеющий планы имперской агрессии? И кому тогда какое дело, что отягощает его совесть.

Я встряхнулся. В конце концов, я явился сюда защищать не интересы саламандры как свободного народа, а только ту самую, пресловутую, извечно погрязшую совесть. Только Звенигор может решить, когда будет время для усовершенствования форм правления и международной обстановки, а когда – для обычной сыновьей преданности. И делать выбор он тоже намерен сам. Он сейчас жизнью будет рисковать, чтобы завоевать себе это право на выбор. Нет, Звен, пусть все эти странные создания, на взгляд неотличимые от людей и облаченные в тра-

урные одежды цвета пепла, ожидают, что ты будешь играть по их сценарию, на их потеху. А я не предам.

– И почему это все вы так уверены, что я управлюсь с этим драконом, а не наоборот? – краем рта, почти не разжимая губ, буркнул саламандра. – Я не вижу ни малейших оснований для подобного оптимизма.

Я не успел никак пошутить, когда нечто особенное, происходящее внизу, у самого входа в злое чернеющее отверстие норы, приковало к себе мое внимание. Впрочем, особенным это было лишь для меня одного, Звенигор по тому поводу вообще никак не отреагировал.

Немногочисленная процессия чрезвычайно достопочтенных саламандр миновала плотный строй стражи, без колебаний расступавшийся перед нею, словно все они имели несомненное право находиться здесь. Насколько мне видно было сверху, процессию составляли несколько пожилых мужчин и черноволосая девушка в бархатном плаще глубокого винного цвета. Они остановились на площадке перед входом, расчищенной и тщательно посыпанной песком. Я заметил, что девушка поглядывает в сторону норы с опаской, все же остальные ничуть не обращали внимания на потенциальное присутствие дракона. Высокий вельможа с окладистой бородой что-то сказал девушке, она опустила перед ним на колено, он поднял ее и поцеловал в лоб. Похоже было на то, что они родственники, и что ритуал сознательно разыгрывается напоказ.

Бородатый господин снял с девушки плащ, и я чуть было не ахнул вслух. Девушка была полуодета... и вообще, она оказалась именно той степени пухлости, какая меня привлекает. Некоторое время я, не отрываясь, созерцал аппетитные округлые плечики. Между тем, девушка опустилась на разостланный на песке плащ, составивший с белизной ее кожи поразительной красоты контраст, соблазнительно изогнулась там и замерла, словно закамнела. Скажу честно, я ожидал от саламандры чего угодно, но только не церемониального стриптиза.

– Кто это? – шепотом попытался выяснить я у стоящего рядом Звенигора.

Тот бросил вниз беглый взгляд.

– Приманка.

– Для кого?!

– Доподлинно известно, что для дракона в гастрономическом отношении нет ничего привлекательнее девицы. Право, не знаю, что я буду делать, если он не выползет.

«Будь я драконом, – в веселом отчаянии подумал я, – я бы выползил!».

– Она рискует?

– В той же степени, что и я.

– Она идет на это добровольно?

Звенигор ненадолго, но веско задумался.

– Понятия не имею, – наконец сказал он. – Я и ее-то в первый раз вижу. Скорее всего, какая-нибудь кузина из дальних. Считается, что ей оказана

большая честь. И предполагается, что я должен как-то отметить ее семью.

«Да, – кисло подумал я, – последнее соображение, кажется, и лишает тебя романтического взгляда на кузин. А может быть, тебя способно взволновать только ее ящеричное воплощение?». Впрочем, предстоящее Приключение обещало дать ответ на многие вопросы, и этот я отложил в память.

Однако и мне настало время отойти в сторонку. Диадокси – «стервятники», по меткому определению Звенигора – обступили принца, как бы давая ему последние напутствия, а на самом деле стремясь подчеркнуть свою значимость. Я нашел рядом лежащий плоский камень, уселся и стал наблюдать развитие сюжета с интересом, переходящим в искреннее беспокойство.

Звенигор использовал движущую силу каменной осыпи, чтобы соскользнуть на самое дно ущелья, причем проделал это весьма непринужденно: не только оставшись на ногах, но даже ни разу опасно не покачнувшись. Теперь вокруг него образовалось обширное пустое пространство. Оно и понятно: он стал общепризнанным солистом, а «приманка», широко раскрытыми глазами наблюдавшая за происходящим, была не в счет.

Звенигор встал между девушкой и норой, спиной к зрителям и лицом к наползающей опасности. Будучи к ней ближе всех, он первым услышал то, что через полминуты донеслось и до всех прочих: звяканье металла о камень, тягостные вздохи, време-

нами переходящие в подвывание, невидимое движение большого тела в пустоте. Внимательно следя за другом, я подумал, что тот зря комплексует по поводу своей амуниции. Звенигор не был похож на идиота. Скорее, он сильно смахивал на настоящего героя, и если кто и был в этой обстановке неуместен, так это я сам со всеми своими ехидными мыслями. Но, придирчиво рассматривая обстановку, я вдруг обнаружил нечто совершенно несообразное: у Звенигора не было никакого оружия! Ему совершенно нечем было поразить дракона насмерть! Одна мысль в момент разрослась, заполнив собою весь пожалованный мне природой размер интеллекта: дурака подставили, а я не проследил! Но было поздно. Опасность напоззала, и когда напоззла, всем стало очевидно, насколько она велика.

До сих пор можно было лелеять какие-то надежды, но когда дракон высунул из пещеры долотообразную башку, украшенную по бокам бахромой костяных выростов, оглядел сборище топазовыми глазами с вертикальным кошачьим зрачком и громко, сладострастно принялся, стало ясно, что это старый, а значит опытный дракон. Его броня была медно-красного цвета, позеленевшая от времени на хребте, локтях и коленях, и он заполнял собой всю ширину лаза. Он будто разматывался из клубка, спрятанного где-то в глубине, – так бесконечно долго изливалась из тьмы его могучая шея, мощно были обрисованы костлявые ключицы, угловатые плечи, от которых убегали в глубину компактно сло-

женные на спине крылья. Он успел размотаться где-то до середины груди, когда обратил внимание на принца, стоящего, чуть пригнувшись и по-вратарски напряжив ноги, где-то возле его передней лапы. Я искренне пожалел, что не позволил Звенигору хлебнуть еще раза два. Уползти обратно дракон не мог. Драконы, как и змеи, не умеют пятиться, и для того, чтобы вернуться в пещеру, он должен был сперва полностью выбраться наружу. Он огляделся, медленно поворачивая голову, гигантскую, но на длинной шее казавшуюся совсем небольшой и по-своему грациозной. Враги заполнили все его ущелье, но они вели себя смиренно. Все, кроме одного, стоящего на дороге в агрессивной позе. И ради нападения, и ради защиты дракон должен был двигаться вперед. Он предпочел бы не связываться с таким количеством народа, но убраться подобропоздорову и залечь, обороняя узкий ход, по которому только и можно было добраться до его сокровищ, он не мог. Ему все равно приходилось ползти прямо на этого, чья чешуя смутно напоминала ему что-то неприятное. Что-то, чреватое болью ран, потерями и смертью. Что-то, вызывавшее воспоминания о жгучей ненависти. И голод... уже довольно сильный, раздраженный сочным запахом мяса юной самки совсем рядом. Этот-то голод и выманил его сюда, а теперь усмирять его было поздно.

Чуть настоало же его едва осязаемое присутствие какой-то магической силы, отдаленное, приглушенное и, во всяком случае, исходящее не от стоявшего перед ним. Он огляделся, – сказать по правде, был он подслеповат, – ища источник, и удовлетворенно кивнул: тот был далеко и не представлял непосредственной опасности. Разве что в будущем. А голод был сейчас. Изогнув могучую шею, дракон, пошевелив кадыком, пустил в стоявшего перед ним струю мутно-красного пламени.

Мне впервые довелось увидеть это, и после я уж никогда не забывал. Клубящаяся струя драконьего пламени, жарче коего лишь лава – кровь матери-земли, – ударила в то место, где только что был Звенигор. Огонь потоком изливался из чудовищной пасти, от него в стекло спекся песок и почернели каменные ребра ближайших скал, а издали над этим местом можно было увидеть грибообразный столб черного дыма. Но тут в пламени, против отчетливо видимого его течения, к драконьей голове метнулась ослепительная, словно добела раскаленная ящерица, бывшая гибче угря и легче пера. Ее светящийся ореол увеличивался, и красное драконье пламя выцветало, становясь все жарче, словно сам саламандр, охваченный боевым восторгом, завладел силой этого потока, обуздал его, подчинил себе, изменил его направление и взмыл вверх на самом его гребне. Доля секунды, и огонь, обратившийся вспять, бушевал уже вокруг головы ошалевшего звероящера. «Нос! – чуть не заорал я. – Все верно, чувствительный драконий нос!».

Дракон, чье сокровенное оружие было обращено против него самого, опустил на глаза брониро-

ванные заслонки век. Тем самым он спас уязвимые глаза, но теперь ничего кругом не видел. И его нежный нос... Он уже дымился, а спрятать его под крыло и погасить ящер не мог, крылья были еще плотно прижаты к спине каменным сводом норы, доселе служившей ему надежнейшим из убежищ. Однако боль ожога заставляла его терять рассудок, и он не нашел ничего лучше, чем уткнуть нос в землю, в рыхлый песок под своей левой мышкой, не опаленный еще его жарким дыханием, и теперь в этой униженной позе он был окончательно покорен и повязан.

Несколько мгновений держалась мертвая тишина, потом из месива взрытого песка и щебня на ноги поднялся Звенигор в своем человеческом обличье, оживленный и свежий, будто из сауны. С его кольчуги наземь капал серебристый расплавленный металл. Слуги и стража немедленно подтащили к принцу какое-то громоздкое сооружение из гибко сочлененных металлических пластин, и с их помощью Звенигор неторопливо застегнул на драконе обруч ошейника, к которому крепились конусообразная сеть намордника. Пара колец, соединенных короткой цепью, сковала передние лапы с таким расчетом, чтобы дракон мог кое-как передвигаться, но, боже упаси, не был бы в состоянии пустить когтистые конечности в драку. Затем к ошейнику прикрепили цепи, а к ним – лебедки, объединенными усилиями полусотни саламандр вытянули дракона из норы, как пробку из бутылки, и уволокли пленника куда-то вверх по ущелью.

«Приманка», будучи саламандрой, ничуть не пострадала в этой огненной передряге, задевшей своим краем и ее. Правда, ее шелковое неглиже было почти полностью испепелено, и отец поспешил закутать ее в новый плащ, но ее перемазанное копотью и счастливыми слезами лицо было обращено в сторону Звенигора с выражением отнюдь не равнодушным. Она вполне осознавала, какую важную роль сыграла в его сегодняшнем триумфе. Звенигор сказал ей несколько учтивых слов и поцеловал руку. Если бы теперь он попросил ее вырвать сердце и положить к его ногам, она бы сделала это без малейшего колебания, однако принцу, видимо, было уже не до нее. Найдя меня глазами, он кивнул, словно приглашая подойти поближе.

Честно говоря, это было нелегко. Вокруг Звенигора образовалась бурлящая толпа, и мне пришлось применить Могущество, чтобы проложить себе дорогу.

Звенигор стиснул мою ладонь и заставил встать рядом. Вокруг, сколько хватало глаз, бушевало настоящее цунами восторга. Магнусу никогда не найти лучшего момента, чтобы под шумок подsunуть Звенигору корону.

– Я хочу сделать заявление! – крикнул Звенигор. – Даже два!

Стоявший рядом советник из диадохов вскинул руки над головой, и народ единым движением преклонил колени. Сразу настала мертвая тишина. Да, здорово вышло их Златовер. Молчи, когда говорит король!

– Во-первых, – начал принц, одновременно снимая шлем и вытирая взмокший лоб, оставляя на нем полосу сажи с рукавицы: ни дать, ни взять – под-ручный кузнеца, – я объявляю траур завершенным! Пронесшийся по массам вздох был явно вздохом облегчения, но Магнус, обеспокоившись, что-то торопливо зашептал на ухо принцу.

Тот досадливо отмахнулся и продолжил:

– Во-вторых, король Златовер жив, и пока он жив, клянусь, я не приму корону. Сегодня же я отправляюсь в путь, чтобы с помощью друзей и уда-чи преодолеть лишаяющее его жизни колдовство. Ваша верность законному королю будет мне отра-дой на протяжении всего опасного пути. Ответ-ственным за то, чтобы по возвращении я нашел короля не в худшем состоянии, чем теперь, буде-те вы, дражайший дядюшка Магнус. Нет-нет, не спорьте, столь важное дело я мог бы доверить только вам.

Под шумок, пока одни выясняли у других, что все это значит, и правда ли, что принц не собирается короноваться сегодня же, а диадохи соображали, что их провели, Звенигор ухватил меня за рукав, и мы очень быстро испарились с места действия.

– Это умно! – буквально захлебывался я. – Осо-бенно как ты подставил дядюшку!

– Ну да! Теперь он будет трястись, как бы со Зла-товером не приключилось чего-нибудь похуже, и оберегать его, как зеницу ока. Я же принародно возложил на него ответственность, и имею право спросить лично с него. Теперь костер Златовера не погаснет, я уверен. Кстати, я выяснил, даму зовут Рилька, она мне четвероюродная тетка.

– Да ну ее! Лучше расскажи, как получилось, что ты победил дракона, Звенигор? Ты сразу знал, что будешь перевоплощаться?

– Я же говорил тебе, что лучше всего владею традиционной техникой. И я очень надеялся, что он не ударит лапой.

Он опустил глаза.

– Это было здорово! – вдруг признался он. – Я понятия не имел, что способен выдержать драко-ные пламя, оно ведь плавит даже магические арте-факты, а в них тот еще запас прочности... Я был го-тов ко всему самому худшему... А потом меня про-сто подхватило и понесло берсеркерское безумие. Когда я кинулся под струю, подумал: или взлечу, или концы отдам!

– Это – бренди! – заключил я, назидательно поднимая палец. – Я не премину передать матери твою искреннюю благодарность.

– И с этого дня – свобода! – воскликнул Звени-гор. – И смяться надо побыстрее, пока растерян-ные диадохи не пришли в себя и не придумали, как пресечь мою самодурь.

Мы ударили по рукам.

– Ну, с почином!

Приключение началось.

Конец 1 части.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для
био-библиографического словаря)

А

АРСЕНЬЕВА Надежда Васильевна (1863 -)

Авт. рассказов из народного быта (СПб., 1896); "Сам себя забудь, Бог о тебе вспомнит: рассказ из народ. быта". СПб., 1896; «Тетка Марья (расск. из народ. быта)». СПб., 1896.

Венгеров. Источ.; Арсеньев В.С. Воспоминания. - РГБ ОР. Ф. 369. 375. 18; Указатель заглавий.

АРСЕНЬЕВА Надежда Васильевна (Акимовна) (урожд. Комынина; 1805 ? - 1855), поэтесса, пе-реводчица.

Внучка В.А. Левшина, жена С.Н. Арсеньева, вхо-дивших в масонское окружение Н.И. Новикова. В 1854-м г. написала стих. "Стыдись, о сын неблаго-дарный..." - полемич. ответ на стих. А.С. Хомякова "России". Пер. с англ. "Поучит. слова для детей..." (СПб., 1844) - беллетриз. перелож. одновр. и в про-зе, и в стихах избранных мест из Библии.

Русские писатели (портр.); Слов. рус. писательниц.

АРСЕНЬЕВА Ольга Львовна (урожд. Волкова; 1861 -), писательница.

Повесть "Тетушка" (подпись О.А.); за подписью "Русская женщина" печатала фельетоны в москов-ских изданиях. "В сельской тишине, быть". М., 1906; "Тетушка", пов. М., 1911.

Масанов; РНБ.

АРСЕНЬЕВА С.

«Франц. азбука. Уроки чтения и письма». М., 1886; изд. 2-е, 1890; изд. 3-е, 1900; изд. 4-е, 1905.

Венгеров. Источ.; РНБ.

АРСЕНЬЕВА Софья Дмитриевна, писательница.

Авт. кн.: "Рассказы из русской истории", СПб., 1900; Вып. 1-У111, СПб., 1910. - Рец. в журн. "Ист. вестн.", 1910. № 9. с. 1067; "Рассказы из ли-товской истории", СПб., 1901.; "Ночь на Не-ве", СПб., 1910; "Орлиное гнездо: 1 мая 1703 г." СПб., 1910; "Осада Пскова", ист. рассказ. СПб., 1910; "Путешествие в Европу (1697-1698)" СПб., 1910; "Рассказы из детских лет великого царя". СПб., 1911; «Русская вел. княгиня Елена Ивановна на чужбине (Странички из истории Западной Руси)». СПб., 1907; «Рассказы из истории западных окра-ин России» Изд. 2-е Вып. 1-6. СПб., 1908-16 и др.

Венгеров. Источ.; РНБ.

АРТАМОНОВА М., учитель.

Авт. ст. "Школьная лепта". - "Народное образ.", 1902. Т. 2. С. 29.

АРТАМОНОВА О., дет. писательница.

"Управдом", [стихи для детей] М., 1927; "Театр Петрушки" (в соавт. с Васильевой Е, Гауш Ю), пьесы. М-Л., 1928; в соавторстве с Гауш Ю, Павлов-ким Б. - "Петрушкин театр. Пьесы из репертуара театра Петрушки при Ленингр. гос. театре юных зри-телей". М-Л., 1929.

Старцев; РНБ.

(Продолжение на стр. 49)

Веселый человек из Ишима

16 марта 2003 года, в день 80-летия писателя Валерия Медведева, на его родине – в Ишиме, на доме, где он родился и провел первые годы жизни, была открыта мемориальная доска.

В третьем издании Советского энциклопедического словаря за 1984 год фамилия Медведева упоминается не единожды. Здесь и командир партизанского отряда, и советский партийный деятель, и физико-химик... Есть и литераторы; вот только имени Валерия Владимировича Медведева, детского писателя, автора книги «Баранкин, будь человеком!», переведенной на двадцать языков мира, среди них нет.

О жизни Валерия Медведева до последнего времени было мало что известно. Даже слух о том, что он – уроженец Ишима, долгое время оставался только слухом, пока в какой-то энциклопедии не нашлось тому подтверждение. Тогда сотрудники Ишимского краеведческого музея разыскали московский телефон писателя...

«Я познакомилась с ним года за три до его смерти, – рассказывает старший научный сотрудник музея Надежда Леонидовна Проскуракова, – не раз звонила и по-

долгу разговаривала с ним. Он всегда был очень доброжелателен; отправил нам свои книги с дарственными надписями. У него в гостях побывал наш краевед, живший в Москве. Но сам Валерий Владимирович приехать уже не мог – был тяжело болен.

О годах, проведенных в Ишиме, писатель вспоминать не любил. Слишком тяжелыми они были. В неоконченном и нигде не опубликованном рассказе «Грустная биография веселого человека», подаренном автором музею, Медведев так описывает те дни: «Первое впечатление детства – страшный голод. У Леонида (старшего брата) на почве голода отнимались ноги, и он по дому передвигался при помощи брючных ремней, привязанных к ногам: поднимал ремни руками, и ноги двигались. Я передвигался по квартире с помощью своих ног, но голод дал осложнение на нервную систему».

Из этого же рассказа впервые стало известно, что настоящая фамилия писателя – Маринин. Его отец, Иван Павлович Маринин, оказался в Ишиме в ходе Гражданской войны: заразившись сыпным тифом в декабре 1919 года, он попадает в 18-й ишимский госпиталь; 13 апреля 1920 года женит-

ся на Эмилии Ивановне Шевченко, служившей в том же госпитале сестрой милосердия. В 1921 году у них родится сын Леонид, в 23-м – Валерий (или Валентин, как его звали дома), в 27-м – Владимир.

Жили они на улице Луначарского, 52. Дом сохранился до сих пор, сейчас здесь находится филиал Дома детского творчества.

По словам самого Медведева, из Ишима его увезли «в бессознательном возрасте»; семья переезжала с места на место: Курган, Екатеринбург, Троицк, Челябинск. Именно этот последний город принес им горе. В июне 1937 года по обвинению в участии в контрреволюционной организации был арестован и приговорен к расстрелу Иван Павлович Маринин, а спустя полгода и Эмилия Ивановна. Осиротевшие дети попали в Бийский детский дом.

Через некоторое время Валерия усыновил друг отца, Владимир Иванович Медведев, режиссер Челябинского драматического театра. Так Валерий Иванович Маринин стал Валерием Владимировичем Медведевым.

Мало кому известно, что детский писатель учился на режиссерском факультете ГИТИСа, был артистом: в годы войны он снялся в фильмах «Она защищает Родину»

Валерий Владимирович Медведев
На стр. 48: дом, где родился
В.В. Медведев

с Верой Марецкой в главной роли и «Парень из нашего города». В свободное же время писал веселые песенки, интермедии и комические миниатюры для Леонида Утесова, Клавдии Шульженко и Аркадия Райкина.

Он написал такие книги, как «Свадебный марш», «Капитан Соври-голова», «Фантазии Баранкина». Но мировую известность ему принесла книга «Баранкин, будь человеком!». Только в Японии вышло 11 ее изданий.

Валерий Медведев умер в 1997 году, на семьдесят пятом году жизни от рака желудка. Его вдова, Ирина Всеволодовна, живет в Москве, на улице Усиевича, которую в народе называют ХЛАМ: Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты. Когда-то здесь жила вся артистическая элита Москвы. Сотрудники музея поддерживают с ней постоянную связь. «Мы разговариваем с ней уже около года, – рассказывает Надежда Проскурякова, – и по телефону просто влюблены друг в друга. Мы сняли небольшой фильм о Медведеве и отправили в Москву». «Когда собираются все родственники, – говорила потом Ирина Всеволодовна, – мы включаем фильм, смотрим и все вместе плачем...»

Сын Валерия Владимировича, названный в честь Баранкина Юрием, закончил журфак МГУ и в двухтысячном году защитил кандидатскую диссертацию по произведениям отца.

АРТЕМЬЕВА Е.

“Как Марья грамоте училась: Сценка из рабочей жизни” Л., 1925; «Приключения тетки Арины: С эпилогом из жизни деревни». Л., 1925.
РНБ.

АРТЕМЬЕВА М.

(См. Цебрикова, М.К.)

АРТУРОВА Г.

Авт. кн.: “В стране хризантем. Повесть из японской жизни”. М., 1914.

АРТЮХИНА Александра Васильевна (1889 – 1969), автор воспоминаний.

Член РСДРП. “Так мы впервые праздновали этот день”. - “Огонек”, 1960. № 10. С. 6-7. “В культурно-бытовой поход” М., 1929; “В наступление (к 8 марта 1929 г)” М-Л., 1929; “За крепкие кадры в Советах” М-Л., 1929.

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 3873.

АРХАНГЕЛОВА Вера П.

Сотр. журн. “Р. Паломник” (1902).
Масанов.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ Александра Васильевна, дет. писательница, переводчица.

Авт. кн.: “Две волшебные сказки (для малых детей)”. М., 1884. - Рец. “Женское образ.”, 1885. № 6-7. Составила также несколько популярных книжек для народа: «Наша Отечественная война 1812 г.». М., 1895; «Механик-самоучка Кулибин». М., 1895; «Кто выдумал железную дорогу». М., 1887; «О Соловецком монастыре и преподобных чудотворцах Зосиме и Савватии». М., 1886; «Первая ферма на реке Клейде: Рассказ из жизни австралийских поселенцев». М., 1888; «Печальник земли русской преподобный Сергей и основанная им обитель Троице-Сергиева лавра». М., 1895. Многие из них изданы Обществом по распространению полезных книг и выдержали по три и более изданий. Большинство из ее книжек составлены по зарубежным источникам. Наприм. «Тифф и его друзья» - по ром. Бичер-Стоу «Жизнь южных штатов». М., 1886. Пер. романы Диккенса, сокращая и приноравливая их для детей среднего возраста, и эти переводы тоже неоднократно переиздавались. Пер. с франц. «Снег, или Роковое желание» Par Claretie. М., 1895. Венгеров. Источ.; РНБ.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ А.Д., автор воспоминаний.

Жена преподавателя Вифанской семинарии. “Мои воспоминания о батюшке Варнаве, иеромонахе Гефсиманского скита, утешителе в скорбях и болезнях”. М., “Рус. печатня”, 1912. 48 с. с илл.
ИДРДВ. Т.№.Ч.1. № 850.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ Александра Гавриловна (1851 – 1905), авт. научно-популярных книжек.

Земский врач, основатель земской больницы на ст. Апрелевка. Авт. кн.: “Для чего доктор делают операции и какая от того бывает польза больному”. М., 1898 (неск. переизд.); «К истории развития родовспоможения в земских губерниях» СПб., [1898]; «О 1100 извлечений катаракт». СПб., 1902; «Первая помощь в несчастных случаях и при внезапном заболевании людей. Сост. женщиной-врачом с исправлениями Л.Н.Толстого» М., 1889; «50 случаев высокого камнесечения в земской практике». СПб., 1897. Сотр. в “Вестнике Европы”, 1884, № 2; уч. в педагогич. изд. “На помощь матерям” (1899). О ней: Дрентельн Е.С. Памяти Александры Гавриловны Архангельской. - В кн.: “Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губернии”, 1905. № 6. С. 294-295; Златовратский Н.Н. Воспоминания, с.401. Якобсон С.А. Земский врач А.Г.Архангельская. М., 1958 (портр); его же История земской хирургии в Московской губ. М., 1930 (портр).

Масанов; Венгеров. Источ.; РНБ.

(Продолжение на стр.65)

Уральский берестяной промысел: самодеятельность или традиция?

Необходимо сразу оговориться: речь в данной статье пойдет не о произведениях традиционного народного искусства. В последнее время грани в понимании сути самодеятельного творчества, примитива и традиционного народного искусства становятся все более прозрачными. Это вносит путаницу как в научную терминологию, так и в практическую деятельность мастеров. Подавляющее большинство произведений современных мастеров бересты представляют собой сложное переплетение элементов примитива, самодеятельности и новейших течений «официального» искусства. Однако весь этот симбиоз по какому-то недоразумению принято называть народным искусством, а то и традиционным народным искусством.

В качестве примера можно привести ситуацию, сложившуюся сегодня в художественной обработке бересты на Урале.

Повсюду в уральских городах (подчеркнем, в городах, ибо изготовлением берестяных изделий занимаются в основном городские жители) можно встретить продукцию, которая чаще всего выполняет функции сувенира. Однако говорить о сохранении уральской традиции художественной обработки бересты не приходится. Эти произведения представляют собой яркие образцы самодеятельного творчества. Оно, по мнению специалистов, «рассматривается как резерв профессионального и народного искусства». Их все же следует четко разграничивать, хотя это и родственные понятия.

Илл. 2

Поначалу может показаться, что современные умельцы продолжают традицию художественной обработки дерева (в т.ч. и бересты), существовавшую на

Илл. 1

Илл. 3

Урале в XIX — нач. XX вв. Имеется в виду роспись на бураках, лукошках, прялках, вальках (Нижний Тагил, Нижняя Салда), тиснение на туесах (в селениях по р. Чусовой) и др. Однако ни о какой преемственности традиции речь в данном случае не идет. Налицо характерная для самодельного творчества попытка использовать чужой опыт, чужие традиции. Одним из наиболее популярных источников заимствований является искусство устюжских и шемогодских мастеров XIX — нач. XX вв.

Вот берестяные изделия известного старого мастера И.А. Вепрева, из Великого Устюга (илл. 1). Каждая его вещь несет в себе характерные черты северной традиции обработки бересты. В любом его произведении, будь то туес или шкатулка, можно увидеть родство с другими северными промыслами. Особенно это касается холмогорской резьбы по кости и великоустюжского просечного железа (илл. 2, 3, 4). Сходные композиции, элементы орнамента, формы предметов говорят не только о внешнем сходстве, но и о глубоком, принципиальном родстве. Все эти произведения создали мастера, имеющие одни религиозные установки, нравственные идеалы, практические потребности.

Именно отсутствие глубинных связей с традиционным искусством той или иной территории (в данном случае Урала) и отличает произведения самодельных мастеров. Их творчество не имеет корней, не «врождено» в художественную систему промысла.

В качестве примера можно привести изделия тагильских мастеров Р.И. Мурзина и Т.М. Варламова. Каждое их произведение — сложное переплетение,

вернее, хаотический набор внешних элементов декорировки изделий всех известных центров художественной обработки бересты (по большей части шемогодского, великоустюжского и уральского).

Вот, например, небольшой овальный туес Р.И. Мурзина (илл. 5). Его тулово декорировано широкой полосой прорезной бересты, тисненым орнаментом* и «прошиванием» в виде тонких полосок по краю туеса. Прорезной орнамент включает в себя изображения цветов и трав. Под него подложена для контраста полоса бересты другого цвета**. Все это мы видим и на изделии Р.И. Мурзина. Тиснение на бураках, широко распространенное в селениях по р. Чусовой, в вологодском крае и в Архангельской губернии (илл. 6), также используется тагильским мастером. Сло-

Илл. 4

Илл. 6

Илл. 5

* Геометрический орнамент сегодня окончательно утратил свою смысловую нагрузку. Он выполняется при помощи стоматологических насадок.

** Использование цветных фонов чрезвычайно распространено в искусстве Русского Севера. Они используются, например, в скани, в резьбе по дереву и кости.

вом, говорить о следовании уральским традициям не приходится (илл. 8, 9).

В Н. Тагиле при декорировке изделий чаще всего использовалась роспись (например, на бураках из НТИРМа, илл. 10). Она была тесно связана с декором металлических изделий и включала в себя цветочные и сюжетные композиции (илл. 11). Ничего подобного мы не видим на изделиях Р.И. Мурзина. Он использует элементы самых разных традиций, но только не уральской. У его произведений нет прошлого, они «не помнят родства».

Однако при всех названных недостатках изделия тагильчанина всегда отличаются тонкостью отделки, тщательностью исполнения и декоративностью. Они пригодны для практического использования, однако могут выполнять и функции сувениров.

Подобным образом можно охарактеризовать и работы Т.М. Варламова. Его изделия отличаются более ярко выраженной сюжетностью декора. В изощренном берестяном украшении туесов Т.М. Варламова, напоми-

Илл. 9

нающем северные кружева, можно встретить героев А.С. Пушкина и П.П. Бажова. Однако, как и в случае с творчеством Р.И. Мурзина, мы не находим здесь ни одного традиционного уральского элемента декора, ни функции предмета, свойственной старым произведениям, ни их формы (илл. 12, 13).

Нынешние умельцы игнорируют богатый местный опыт изготовления туесов, лукошек, набирух, обладающих тем качеством, которого часто не хватает современным изделиям, - художественностью.

С проблемой традиции тесно

связан вопрос коллективности. Последнюю следует рассматривать не как создание произведений искусства коллективом единомышленников, а как живую связь прошлого и настоящего, которая так характерна для традиционного народного искусства. Между тем именно коллективности и не существует в современной обработке бересты на Урале. Каждый мастер руководствуется принципом «творю как хочу». Последнее очень свойственно для самостоятельного творчества.

И отношение нынешних мастеров к материалу тоже вызывает нарекания. Складывается впе-

Илл. 8

Илл. 13

чатление, что уральские любители обработки бересты стремятся навязать ей те качества и свойства, которые не характерны для бересты. Можно сказать, что умельцы пытаются не сплести дуэтом с материалом, а силой перекричать его. Исключение можно сделать, пожалуй, лишь для В.А. Бессонова из Нижней Салды. В его творчестве заметно желание использовать опыт

предков, опереться на местные традиции создания берестяных туесов.

Что касается известных уральских художников – Н.Я. и П.В. Камневых и В.Ф. Поспелова, то их не следует считать народными мастерами. Это сложившиеся профессиональные художники, создавшие ряд произведений на уровне самых высоких достижений отечественного и декоратив-

но-прикладного искусства. Эти мастера не имеют никакого отношения к народному творчеству.

Уральская обработка бересты – один из примеров угасания промыслов, в настоящее время превратившихся только в самостоятельное творчество и сувенирное производство.

Илл. 12

Илл. 11

Илл. 10

Наталья ЗВЕРЕВА
Фото Сергея ЛИПИНА

Первый раз за Полярным кругом

Идея путешествия на Полярный Урал возникла ещё в мае этого года в небольшом Башкирском городке Кувандык, когда мы возвращались со сплава по реке Сакмаре и планировали свой активный отдых на лето. В путешествие непродолимо манило не только потому, что хотелось побывать за Полярным кругом, но и в это время года там день – круглые сутки, представляет для нас жителей средней полосы, большой интерес. Имеются все возможности при желании двигаться в любое время суток, отходя от банальных стереотипов. Все это привлекло нас – группу студентов с 4 по 21 июля 2005 года совершить пеший поход 3 к.с. в Заполярье по маршруту: ст. Полярный Урал – р. Сось – пер. Собский(507, н/к) – пер. Геологов(693, 1А) – пер. Динозавр(1059, -

1Б) – г. Рай-Из(1134, 1А) – траверс 1А/пер. Неожиданный(1100) – пер. Черный(844, 1А) – пер. Макар-Рузь(910, 1А) – пре. Западный Паерский-(1250, 1А) – г. Пай-Ер (1472, 1Б) – р. Бабыя Вож – р. Елец – ст. Елецкая.

Наша группа собралась вместе благодаря желанию каждого участника сходить в этот поход. Неуёмная энергия нашего руководителя, проявленная при подборе и формировании группы, принесла свои удивительные результаты. Именно благодаря ему получился замечательный поход.

Как – никак, но собрались. И в 4:00 часа утра мы, ещё сонные, но счастливые в предвкушении неизведанного, в составе 8 человек стояли под центральным табло на вокзале и ожидали, когда объявят наш паровоз.

Да, именно ещё тогда на вокзале, в то утро я представляла Полярный Урал, как один из наиболее сложных в туристском отношении районов. Суровые походные условия зимой и летом, сочетание тундры и альпийского рельефа, снежники, живописные долины рек и озёра.

Путешествия

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Но он другой. Не совсем то, что я ожидала. Никогда раньше не видела и не чувствовала ничего подобного. Ощущения и впечатления очень противоречивые – от полностью отрицательных до безраздельно положительных. Там сильные горы, просторные долины, бесконечные реки, там нет запахов, а ветер по особенному поёт. Впервые мне хотелось останавливаться и слушать тишину. Она там кричит от тоски и одиночества. Увидев всю красоту тайги, прочувствовав энергию гор, рождаются эмоции, много впечатлений. Они разные и сумбурные, очень много лич-

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

посреди величественных просторов. Это очищает от городской суеты, наполняет душу чем-то настоящим, появляются правильные мысли!!!

Заканчивается маршрут. Хочется убежать назад, не хочется домой. Трудно сесть в поезд, а ещё труднее выйти из него, потерять нашу единственную общую реальность. Объяснить это пока не могу. Но всё-таки нет ничего лучше похода, который ещё не пройден. И когда на маршруте думаешь, а в поезде, едущем домой, уже говоришь о будущих походах – это что-то да значит. Здорово, не правда ли?!

А значит – да! новым походам!!!

ного настолько, что даже неловко писать. Постараюсь выразиться понятно. Раньше я никогда не была на Полярном Урале и вообще за Полярным кругом. Но ко всему этому я стремлюсь, в моей жизни это важно, меня непреодолимо манят дальние путешествия в суровые автономные районы.

Столько разных незабываемых ощущений. геркулес для тебя становится деликатесом. Горы, реки, озёра, тайга...и белые ночи, как мы к ним привыкли. Немного непривычно, что нет деревьев, а только изредка встречаются их карликовые аналоги.

И всё-таки так приятно оказаться далеко от цивилизации

Максим ШИШКИН,
Фото автора

Магия - не панацея, - считает магистр ордена "Серый круг"

Как известно, сегодня в столице Урала оккультные услуги предоставляют более 150 организаций и отдельных лиц. По другим, менее скромным подсчетам, на каждые сто обывателей есть один колдун. О том, кто представляет колдовство в народе, прошла встреча екатеринбургских магов. Мошенников не приглашали: как посчитали оккультисты, на подобных собраниях залетным московским и пародирующим их местным гадалкам делать нечего. На этой встрече побывал и ваш покорный слуга...

Записки околдовца

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

События последних лет показали, что «колдовская» братия у нас поделилась на три лагеря: на сектантов, использующих религиозную атрибутику, на колдунов и на мошенников, копирующих и тех, и других. Однако не все так просто. На сложившуюся у нас на Урале ситуацию у местных магов оказался собственный взгляд.

Всю существующую сегодня «окультурную» (от лат. *occulta* – «тайный») братию можно разделить на несколько групп:

1. Колдуны и маги, тайно собирающиеся в свои «кружки», обсуждающие те или иные практики, обменивающиеся опытом, продвигающие друг друга духовно и т.д.

2. Доморожденные любители, по книжкам практикующие колдовство в людях и считающие себя магами. Периодически они где-то чему-то обучаются и даже имеют какие-то регалии, считают, что «решают свои проблемы» и «вливают на ситуации».

3. Другая группа любителей, пишущая те самые книжки, что «о магии». Как говорится, есть спрос – будет и предложение.

4. Мошенники, пользующиеся верой людей в силу колдовства ради наживы. Здесь в ход идет все: религиозная и оккультная атрибутика; все «виды магии», которое придумало человечество за свою историю; знание психологии и игра на человеческих слабостях.

Что же получается: магию – тайную науку со своими законами и с корнями, уходящими в древность, – представляют профаны? По большей части это – горькая правда. Такая ситуация была и раньше, да не было того засилья профанов, которое наблюдается нами сегодня. Однако результат не заставил себя долго ждать. Не стерпели маги – вышли в народ и расставили все по местам: где свои, где чужие...

В стан «своих» попали только те, кто чит традиции и не занимается афишированием своей «окультурной» деятельности. Эти люди живут своей обособленной жизнью, целиком посвященной исследованию загадок природы и человеческого бытия. Кто-то выходит «в народ», показывает чудеса и берет себе учеников; кто-то готовит будущих учеников, выпуская на книжный рынок таинственные «гримуары» (глядишь, и разберется кто в древнем манускрипте); а кто-то в силу того же соблюдения тайны нагнетает страху на людей, убеждая их, что магия – дело темное.

Исходя из всего вышесказанного, можно понять отдельные организации и лица, свято блюдущие тра-

диции и сохраняющие в тайне свои практики.

Можно понять тех, кто зарабатывает себе «авторитет» не подобно «белым магам», круглым «астрологам» и «деревенским» Степановым, а распространяя «тайные знания» в виде библиотек некоторых оккультистов.

Однако остается загадкой поведение отдельных лиц, «мошенников от магии»: детей-«вудуистов», считающих себя «магистрами», алтайских «шаманов», прокладывающих себе «путь» в стране дураков, и московских гадалок Анн, демонстрирующих нам прискорбное невежество в вопросе соблюде-

ния тайны. Ведь ради «поддержания марки» могли бы не только рекламные модули на полстраницы закупать...

Жрецы Вуду свято хранят свои тайны от белых (имеется в виду расовая принадлежность). Разглашение любых знаний этого локального религиозного культа карается смертью.

Шаманы не действуют подобно сектантам, не заманивают людей, не работают с массами и не преследуют коммерческие цели. Путь шамана – в мире духов, а не среди дураков.

Пророки, прорицатели, оракулы и тому подобные провидцы помогают людям, в совершенстве владея тем одним Даром, который у них есть: пифии впадали в транс и вещали, друиды приносили жертвы, скифы раскладывали прутья, а цыгане – карты. Налицо специализация прорицателей на тех способах, которыми они владеют.

Отсюда и то деление «колдунов», то изгнание паршивых овец, которое происходит сегодня в мире «околоокультурном». Не ошибись, человеке, в выборе того, кто тебе поможет. Ведь как бывает: вчера – гадалка Анна, сегодня – курица в жертву, а завтра сидеть тебе у разбитого корыта.

После этого далеко не светского мероприятия мне посчастливилось познакомиться с одним из «тайных вождей» этого оккультного сообщества. На «вожде» была красная мантия с открытым воротом, на лице – черная маска. После того, как меня представили, мы перебросились всего парой фраз, однако у меня сложилось такое впечатление, будто этот человек уже знает обо мне все. Встречу назначили на ближайшие выходные. Оставшиеся дни я спал как на иголках.

...Полки, уставленные книгами по оккультизму...

Икебаны в фигурных кувшинах... Репродукции знаменитых гримуаров... Хрустальный шар, накрытый черным покрывалом, и свечи, свечи... На стене — огромный посох, метра три в длину. Рядом — не совсем обычная метла. «У ведьмы одной отобрал», — ухмыляется хозяин, а в глазах ни смешинки. Я стою, озираясь, минут пять, пораженный первым впечатлением от увиденного. Я — гость в этой сказке, хозяин которой пригласил меня сегодня к себе, чтобы утолить мое неумное любопытство. Зачем, спросите вы? Ха! А вам разве не было бы интересно оказаться в святой святых колдуна, в его жилище?

«Как мне вас величать?» — спросил я в начале нашего знакомства. «Мастер», — ответил он. Я не стал спрашивать, почему он так назвался — в наши дни не редкость встретить человека, представляющегося не тем именем, что было дано ему при рождении, а тут и тем более: колдун все-таки, да еще и глава ордена... простите, Магистр Ордена, если быть точным. Ему можно позволить себе чуточку тщеславия. Однако хозяин пояснил: «Меня хорошо знают под настоящим именем, поэтому я не хочу называть его». Ну что ж. На том и порешили.

— Чаю хотите? — спросил Мастер. — Зеленого. Мате.

— Не откажусь, — не поскромничал я.

Потягивая настоящий мате из калябаса, я откровенно разглядывал эту таинственную особу. Почти год я искал встречи с ним, наводил справки через знакомых и незнакомых людей, заделался детективом, чуть сам не стал колдуном и наконец нашел.

Молодой, но уже третий жизнью муж. Одет в просторный серый балахон со звездой и непонятной эмблемой на груди. Руки уверенно сложены на столе. Взгляд прямой, давящий, долго такой не выдержу...

— Вы когда-нибудь улыбаетесь? — брякнул я первое, что пришло в голову: все заготовленные ранее вопросы куда-то подевались.

— А как же, — ответил хозяин. И улыбнулся. Искренне так улыбнулся и сразу стал «обычным человеком». — Ну давай, спрашивай. Ты ведь поговорить пришел, а не отделение открывать.

Ну да, я ведь пришел предложить ему открыть отделение Ордена в другом городе, представившись от группы заинтересованных лиц... Легенда развеялась, как дымка.

— Давай, — вздохнул я и вошел в образ репорте-

ра. Достал диктофон и блокнот с вопросами. Хорошо, что хоть блокнот взял... — Начнем с терминов. В магазинах продается множество книг по магии и колдовству: по белой, серой, черной. Во всех объясняется, что такое магия, но уж как-то поразному... Как по твоему личному мнению, в чем разница между белой и черной магией?

— «Чёрная Ма-

гия — наука и искусство вызывать изменения в соответствии с волей, используя средства, не признаваемые традиционной наукой, ради достижения собственных целей», — продекларировал Мастер и усмехнулся. Явно цитата откуда-то. — Иначе говоря, Чёрная Магия — это наука и искусство использования некой Силы магом в своих целях. Это путь эгоиста, потому она чёрная, тёмная. Если за цель принимать только причинение вреда окружающим, то это относится к области садизма, нездорового сатанизма и т.п., и такого человека рано или поздно ждёт незавидная участь... Под Белой Магией часто понимают бабы присказки под гадание, извращенные Папюсом-со-товарищи «Ключики Соломона» и т.п. привороты/отвороты, заговоры и гадания на пиковую даму, то есть что-то сугубо доморощенное.

На самом деле всё это не так. Магия сама по себе не имеет цветовой дифференциации. Магия всегда считалась единым тайным искусством. Деление магии на черную и белую — обывательская профанация, основанная на пережитках христианского дуализма (Добро-Зло, Бог-Сатана и т.п.) и на банальной неосведомленности. То же самое можно сказать о «серой», «синей», «красной» и любой подобной «магии»: отговорка «я не злой, я посерединке» — чушь. Цветового деления нет и быть не может. Есть просто магия. Для одного субъекта (или объекта) определенное магическое (да и не только магическое) действие будет добрым, для другого — злым.

— Ну а как же цвет твоей одежды? Он же серый!

— Ну и что? У меня обои тоже серые. Получается, в цвет интерьера оделся. Хочешь, черный одену? Или белый? Это же одежда. Ты ведь рубашки разные носишь...

— Ношу, — согласился я. Эк неудобно как вышло... — То есть ты — не белый и не черный маг. И не по серединке ты. Ты просто маг. Я правильно понял?

— Ну да, — просиял Мастер.

— Или колдун?

— Нет, не колдун.

— Как это? Есть какая-то разница между магией

и колдовством?

— Существует деление магии на Низшую и Высшую. Низшая магия — это колдовство (по-гречески — гоетия), высшая — теургия, общение с Богами, создание Богов.

— И какова тогда цель магии? Создавать Богов?

— Есть два направления в Делах магии. Это внешняя работа, когда маг подчиня-

ет себе и вызывает в свой мир низшие духовные сущности. При этом подобного рода низшие существа или часть их силы может быть заключена в различного рода талисманы или другие предметы, которые впоследствии используются для магической работы. Есть также и внутренняя работа, когда маг путем сложных ритуальных действий «обожевляет себя», чтобы встать вровень с «высшими силами» и получить возможность Богообщения. Отсюда и цель любого мага — развиться до уровня Божества.

— Что-то я не припомню никаких других богов кроме истинного, — ухмыльнулся я, допивая мате.

— У каждого — своя вера, — глубокомысленно покивал Мастер.

— А что это у тебя в рамках? На стенах... — я перевел беседу из опасного руслу в более спокойные воды.

— Вон в той, — показывает, — титульный лист гримуара папы Гонория, в той — «Магии Арбателя», рядом — «Оккультной философии» Агриппы...

— Практиковал ли ты что-нибудь сам из Велико-го, Истинного и т.п. гримуаров?

— Да. Однако некоторые из них вызывают у меня сомнения относительно своей подлинности. Меня несколько расстраивают также очевидные факты, как то: все гримуары имеют средневековое рождение; все они христианизированы; главные цели их использования в обретении сокровищ, невидимости, любви и возвращении украденного. И это — «высшие цели» магии?! К сожалению, именно это и привлекает к ней разных уродов, слабых духом и т.п. дегрантов.

В этом плане гримуары мне интересны как один из источников вдохновения и мудрости Ордена Золотой Зари — последней инстанции, откуда заимствовали все, что ни попало под руку остальные: телемиты (последователи А.Кроули), викканцы (последователи Дж.Гарднера) и им подобные.

С другой стороны, вызывания — полезный опыт, а также где-то необходимый. Я практикую их, но не отношу себя к тем, кто будет слепо следовать инст-

рукциям, не проверив их. И в первую очередь — на подлинность... История гримуаров изобилует такими шутками, а еще более шутниками. Для примера, Жирмутский, описывая историю доктора Фауста и комментируя приписываемые Фаусту книги по магии, вполне серьезно утверждал, что большинство этих книг были написаны монахами, которые

были непрочь заработать деньги на легковереии и ажиотаже. Ты ведь не будешь утверждать, что «Некрономикон» — не подделка?

— А что, подделка? Я видел как-то эту книжку в магазине...

— Поясняю. «Некрономикон» — похожая на художественное произведение колдовская книга по черной магии, идея которого принадлежала американскому оккультисту и писателю романов-ужасов Х.П.Лавкрафту. Лавкрафт написал о книге в своих произведениях и создал культ последователей, поверивших, что книга существует на самом деле и основывается, по крайней мере частично, на фактах. «Некрономикон» родился благодаря плодovitому воображению Лавкрафта в его эссе 1836 года под названием «История "Некрономикона"». Эта фантазия завладела воображением некоторых из читателей Лавкрафта, и в течение ряда лет было распространено поверье, что существовала настоящая книга, озаглавленная «Некрономикон». Продавцы книг получали заявки на это произведение... В конце 1980-х годов по крайней мере две версии «настоящего» «Некрономикона» увидели свет.

— А ты сам что-нибудь пишешь? Ну, статьи, книги... Насколько мне известно, часть материалов, статей с сайта вашей организации взяты из твоего проекта «The encyclopedia of Darkness». Можно поподробнее узнать, что это за проект?

— Это рабочее название моей книги — «Энциклопедия Тьмы». Говорят, оно немного пугает и даже отталкивает, однако полностью соответствует ее содержанию: практическая магия во всех ее аспектах. В данный момент одно издательство изучает книгу на возможность опубликования.

Энциклопедия предназначена для ознакомления под грифом «к сведению» для преволшебнейших членов Ордена, а также является как теоретическим, так и практическим руководством (понимай — учебником) к изучению Магической науки неопитом (учеником). Последний найдет в ней все, что нужно магу, чтобы ориентироваться в современном мире

энергий. Коллеги из «Серого Круга» получают ее после Посвящения.

— То есть этот труд — для внутреннего использования? Почему же тогда ты предполагаешь ее публикацию?

— Да, она писалась для внутреннего использования. Однако практика показывает, что многие, увлекающиеся «магией», а по сути — колдовством, играют с огнем, призывая те силы, в которых ничего не понимают. Задача этой книги теперь состоит еще и в том, чтобы понизить уровень общей неосведомленности и невежества.

— Оказываешь ли ты помощь тем, кто к тебе обращается? Например, мне нужно приворожить кого-то... Возможно ли это?

— В принципе, приворожить можно кого угодно и на любой срок, но есть два аспекта.

Во-первых, магия — не панацея. На самом деле ненависть, любовь и прочие страсти, с которыми люди борются, и все безрезультатно, легко контролируются тогда, когда работает разум. Попробуй взглянуть на свои чувства, на ситуацию в целом с другой стороны. Уверен ли ты, что обладание предметом твоей любви дало бы тебе то, чего ты жаждешь от жизни? Или это обладание уже стало самоцелью? Подумай об этом. Может быть, именно запретность влечет больше всего? Во-вторых, если она будет с тобой, не заест ли тебя совесть за то, каким способом ты это получил?

Я лично такую помощь стараюсь не оказывать. Редко — поручаю кому-нибудь из «Серого Круга». Там неофиты, пускай тренируются.

— А вы проводите обучение?

— Если мы (я и мои коллеги) видим, что неофит «не быдло», что стремится получить какие-то знания не ради пошлых целей, если он развивается, двигается по верной дороге, что достоин дальнейшего продвижения, мы можем помочь ему в этом. Как правило, такой человек проходит обучение в «Сером Круге».

— Как провериться на достойность и возможность обучения?

— Индивидуально, при личной встрече.

— Возможно ли вступить в вашу организацию?

— А зачем?.. — улыбается. — Однажды я услышал такую фразу: «Я хочу быть членом Ордена Золотой Зари». Тогда я задал вопрос этому человеку: «Ты хочешь стать магом, достойным союза с подобной организацией, или «быть членом организации?»

Мы рассматриваем возможности союза с нами тех, кто этого достоин.

— Кстати, как называется ваша организация? Ты несколько раз упоминал «Серый Круг»...

— Ну да, «Серый Круг». При нем есть центр магической защиты, это другая сторона медали. Коллеги там с людьми работают, общаются, помогают в разных ситуациях, зачастую — после общения с разными шарлатанами, сектами. Мы же контролируем деятельность своих коллег: чтобы работали по справедливости, головы людям не дурили, как некоторые...

— Ну да, слышан. Но вы как-то управляете ситуацией?

— Да. Во-первых, для того нами и был создан «Серый Круг», чтобы мы имели возможность поделиться информацией с заинтересованными лицами. Во-вторых, в скором времени мы запустим проект о реальной магии. В этом интернет-проекте будут представлены различные направления оккультизма, участники которых ставят во главу угла реальное положение вещей, а не те сказки, которыми полон мир благодаря старанию некоторых религиозных конфессий и отдельных личностей.

— И последний вопрос: зачем вы это делаете? Ведь магия — наука тайная...

— С 2000 года начался новый период, новый эон — эра Водолея. Он знаменуется тем, что тайные знания «проливаются на землю», становятся явными, но не для всех, а для тех, кто может их выделить, понять и применить. Следовательно, именно сейчас, в начале новой эпохи, нового тысячелетия есть возможность получить правдивые знания в области магии и оккультизма.

...Я покидал жилище Мастера в легкой растерянности и с капелькой грусти оттого, что только что прикоснулся к великой тайне, но так и не постиг ее. И чем дальше я отходил, тем больше вопросов возникало у меня в голове. Возможно, когда-нибудь я получу ответы и на них, — благо, такие возможности теперь появились. Возможно... Ведь чем маг не шутит?

— И последний вопрос: зачем вы это делаете? Ведь магия — наука тайная...
— С 2000 года начался новый период, новый эон — эра Водолея. Он знаменуется тем, что тайные знания «проливаются на землю», становятся явными, но не для всех, а для тех, кто может их выделить, понять и применить. Следовательно, именно сейчас, в начале новой эпохи, нового тысячелетия есть возможность получить правдивые знания в области магии и оккультизма.

...Я покидал жилище Мастера в легкой растерянности и с капелькой грусти оттого, что только что прикоснулся к великой тайне, но так и не постиг ее. И чем дальше я отходил, тем больше вопросов возникало у меня в голове. Возможно, когда-нибудь я получу ответы и на них, — благо, такие возможности теперь появились. Возможно... Ведь чем маг не шутит?

На снимках:

Стр. 58-59. Кадры из фотосессии, проведенной во время Посвящения неофитов в «Сером Круге». Хэллоун, 2004 г.

Стр. 57, 60. Элементы интерьера в жилище Мастера.

Взаимодействие искусственного с живым

история возникновения одной несерьезной байки

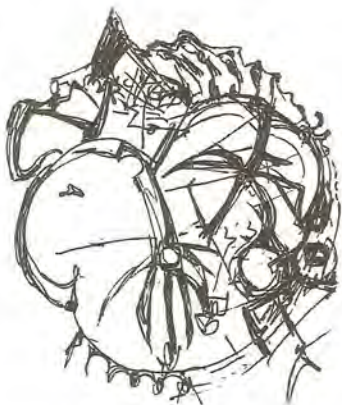
Зеркало человеческой истории обильно посыпано пеплом всевозможных мифов, легенд и сказаний, подчас не столько повествующих о событии, действительно имевшем место, сколько до неузнаваемости меняющих самую его суть. Порой вымысел куда интересней и поучительней исторического события, а порой, наоборот, сказание искажает весь смысл происшедшего, становясь несерьезной глумливой байкой, бродящей по свету в виде басни для детей или анекдота, уместного разве что в компании собутыльников. И за раскатами пьяного хохота или детского улюлюканья очень часто теряется извечный вопрос о том, что же было раньше – яйцо или курица?

Засекин снял очки, потер уставшие глаза и, водрузив свою оптику на прежнее место, принялся, не спеша, приводить верстак в порядок. Закончив с уборкой, он подошел к столу и с удовольствием принялся рассматривать деяние рук своих.

На столе лежал пластиковый шар, размером с апельсин, и двумя гибкими гофрированными щупальцами, раскинутыми по бокам. Засекин развернул настольную лампу так, что яркий свет залил шар и довольно ухмыльнулся – тонкие щупальца медленно поджались ближе к конструкции и снова замерли.

– Давай, давай, не ленись, – сказал шару Засекин и вышел из лаборатории.

Выпив на кухне с уютно урчащим в углу холодильником ква-

су, он вышел на веранду, уселся в удобное плетеное кресло и принялся медленно набивать трубку.

Поселок спал. Вокруг лампы, вырезавшей круг желтого света на полу веранды, с сухим треском кружились ночные бабочки. Задумчиво надкусив черный край близкого леса, что-то пристально и равнодушно разглядывала луна.

Засекин раскурил трубку и, немного помедлив, бросил умершую спичку прямо на дощатый пол веранды. Спустя секунду, из-под диванчика, стоящего в углу веранды, проворно выбралось членистоногое продолговатое существо, хищно подобралось к несчастной спичке и всосало ее внутрь себя, выставив откуда-то гибкий хоботок. Засекин легонько пнул существо ногой, и оно немедленно скрылось под своим диванчиком, бойко простучав по полу стальными крабьими ногами.

Отсюда, из плетеного кресла, его работа в КБ выглядела уже по-

чти нереально. Лишь все его конструкции все еще оставались теми звеньями, по которым он добрался до сегодняшнего дня.

Он начинал с автоматов-ассенизаторов и закончил искусственным сердцем, оказавшемся лучшим из всех, когда-либо созданных человеком. Между двумя этими пунктами были межпланетные роботы-разведчики, увлечение биологией и лучшие в мире протезы ног и рук (в том числе и для животных), почти не уступающие своим природным прототипам. Он написал несколько книг, самой знаменитой и цитируемой из которых была «Кибернетический организм как взаимодействие искусственного с живым». Таков был его путь, который он превратил из тропинки в асфальтовое шоссе. И там же, на этом шоссе, теперь вызывающе торчал указатель «Заслуженный отдых», который Засекин водрузил своими руками – к плохо скрываемой радости коллег и хватких последователей. Но зато теперь здесь, вдали от всего этого мерзкого бедлама, в мастерской-лаборатории, любовно оборудованной им самим, Засекин мог, наконец, заняться тем, что давно уже было задумано, но тщательно скрывалось им от своры «радетелей науки».

Засекин закинул ногу на ногу и окутал луну сизым облаком табачного дыма. Уже два года он пытался создать искусственный организм, способный не только самостоятельно мыслить, но и в буквальном смысле, в зависимости от собственных потребностей,

конструировать самого себя. Маленький шар с парой щупалец на столе в лаборатории был наделен Засекиным именно этими качествами. Он снабдил его память сведениями о множестве живых существ Земли – пусть робот сам выбирает, какой тип скелета ему окажется «по душе», чтобы повторить конструкцию, давным-давно придуманную и воплощенную Природой (а зачем изобретать велосипед?).

Убаюканный сладкими мыслями, Засекин незаметно для самого себя уснул в своем любимом кресле, склонив голову на грудь.

...Трубка стукнулась о дощатый пол, и Засекин открыл глаза. Светало. Струи тумана неумоимо белили стволы сосен, плотную подступающих к дому. Засекин вскочил на ноги.

– Господи! Я забыл закрыть дверь!..

И он кинулся в дом, едва не сбив робота-уборщика, успевшего втянуть в себя высыпавшийся из трубки пепел и никак не могущего понять, является ли мусором сама трубка.

... Дверь в лабораторию была

приоткрыта. Засекин вошел и сразу увидел своего Зигмунда.

Кот Зигмунд был вхож в любые двери на даче Засекина – лаборатория не была исключением. Его давно перестали пугать изделия хозяина из железа и пластика. А чего было их бояться? Нежить она и есть нежить, ни поиграть с ней, ни съесть...

Засекин опустился на колени перед тем, что еще совсем недавно было его любимым котом.

Тело Зигмунда было распластано на светлом линолеуме лаборатории. Все четыре лапы были прибиты к полу парой ножниц, скальпелем и одним гвоздем. Потроха лежали рядом.

– Господи, зачем? Что ему понадобилось искать внутри?..

Засекин подавил слезы – скорбеть сейчас не было времени – и поднялся на дрожащие ноги. Искать робота в лаборатории не имело смысла: он был давно и безнадежно в бегах. Ругая себя и одновременно мысленно одобряя свою предусмотрительность, профессор достал из ящика стола изготовленный специ-

ально на такой случай приборчик, способный указать направление, в котором скрылся спятивший электронный питомец.

Засекин более внимательно осмотрел лабораторию и увидел на лабораторном столе горстку деталей, без сомнений, некогда принадлежавших роботу. Профессор принялся их изучать и вскоре понял, что беглец – так или иначе – себя переделал. То, чего так долго добивался Засекин, свершилось...

Профессор с жалостью взглянул на распятого на полу Зигмунда и какое-то смутное подозрение шевельнулось змеей в его сердце. Он снял очки, чтобы вытереть влажные глаза и подумать, но тут вновь посмотрел на кучку лишних деталей и тихо охнул. Он торопливо включил поисковый прибор и тут же выдохнул с облегчением: робот, модернизируя себя, не добрался до маленького жучка-маячка в своих недрах.

Быстро осмотрев лабораторию, Засекин пришел к заключению, что робот, вместо того, чтобы увеличить свои размеры, наоборот – уменьшил.

Времени было мало, и профессор стал собираться в погоню.

Закидывая за спину небольшой рюкзачок, Засекин еще раз скользнул взглядом по несчастному Зиги. Вероятно, программа самосохранения оказалась чересчур раздутой. Но для чего, все-таки, ему понадобилось так расправляться с животным? Мда...

Солнце еще не поднялось, но в лесу уже было достаточно светло. Засекин торопливо шагал по небольшой тропинке, пока ее направление совпадало с указанием радара. Скоро идти пришлось прямо сквозь лес и хорошо еще, что он был достаточно редким. Слушая позывные маяка через маленький наушник и поглядывая на экран радара, Засекин напряженно думал.

«Пожалуй, это успех, да... Несчастный Зиги... Разделить кота, чтобы понять нюансы конструкции? Маловероятно, хотя... Я

снабдил его память обширнейшим каталогом... Ну, хорошо. Сухжилия он не тронул. Странно. Что на него нашло?.. Он прячется. Да, он пытается спрятаться! Молодец, какой, все-таки... мясник, подонок!..»

Засекин что-то заметил неподалеку и остановился. В кустах лежал какой-то зверь и, похоже, совсем не собирался удирать. Профессор стал приближаться, щуря за линзами очков глаза. Вот так номер...

Под елью, на ковре из опавших иголок лежала лиса. Ей повезло чуть больше, чем Зигмунду. Вся морда у нее была исцарапана, из шрамов все еще сочилась кровь. Пасть была широко открыта, а нижняя челюсть, похоже, свернута. Пара клыков оказались сломанными. Засекин осторожно перевернул лису. Ее брюхо было вспорото, и кровавый след тянулся от него по сухим иголкам, устилающим землю, и терялся дальше в лесу. Профессор поднялся – других ран на теле зверя не было.

– Что же ты творишь, маленький негодяй? – пробормотал он, поправил наушник, соединенный с коробкой радара и пошел, слегка пошатываясь, дальше.

Солнце уже вовсю палило, и тень от деревьев едва спасала Засекина. Поиски продолжались уже семь часов. За это время беглец, судя по показанию радара, трижды менял свое направление, но теперь уже был не так далеко. Лес стоял совсем незнакомый, но, по счастью, все еще достаточно проходимый. Тяжело дыша и обливаясь потом, профессор решил передохнуть и присел на ствол поваленного дерева.

– Чтоб тебя...

Робот был совсем недалеко, но как его ловить, Засекин придумать не мог. Решив пока не думать об этом, он оглядел хмурый темный лес и вдруг вздрогнул от догадки. Профессор побледнел и облизал шершавые сухие губы.

– Господи... – прерывающимся шепотом бормотал он, безумными глазами вновь обводя лес. – Как же я сразу, старый дурак...

Будто нарочно солнце зашло за нехстати подвернувшуюся тучку и лес, и без того выглядевший хмуро, тотчас надвинулся, хищно качнув косматыми верхушками, и Засекин с ужасом понял, что из охотника он сам, похоже, превратился в добычу. Судорожно ощупывая взглядом прелую прошлогоднюю листву и сухие сучья на земле, он продолжал бормотать:

– Все сходится... Он уменьшил диаметр корпуса, чтобы... Подонок... Ну, конечно, он прячется. Как же я допустил! Все верно. Зачем что-то конструировать, когда можно взять готовое...

Писк в наушнике стал нестерпимым, и профессор взглянул, наконец, на экранчик радара. Десять метров! Он подскочил, как ужаленный, и стал пятиться, с ужасом всматриваясь в темень леса.

Словно торопясь не пропустить самое интересное, из тучки выкатилось солнце. И тут же изза дерева, исподлобья глядя на профессора, вышел волк.

– Вот ты где... – хрипло прошептал Засекин и выронил ненужный уже радар. – Не по размеру лиса-то оказалась...

Волк медленно наступал, и на

его расцарапанной морде темнела запекающаяся кровь.

...С большим трудом он поднялся с земли, ощущая так называемую «боль» всем телом – изношенность этого организма дала о себе знать. Вдобавок ко всему, невыносимо першило горло, болела челюсть, и расцарапанное лицо щипало и кровоточило. Он перешагнул через издохшего волка и пошел назад – нужно было приспособливаться к новым условиям существования.

История, повествующая об этом происшествии, искажена до неузнаваемости. Поэтому вопрос, каким образом легенда сумела опередить во времени событие, породившее ее, становится будто бы несущественным. Да и люди, среди которых это сказание бродит еще по свету, слишком далеки от того, чтобы обращать на это внимание.

« – Славная песенка! – сказала лиса. – Да стара я стала – плохо слышу. Сядь ко мне на мордочку да пропой еще разочек.

Колобок прыгнул лисе на нос и запел:

– Я колобок, колобок!..

А лиса его – ам! – и съела».

Шанхайские раритеты

В «Уральском следопыте» № 10 за 2004 г. была опубликована заметка «Монета-клад». В продолжение этой «денежной» темы приведу несколько любопытных эпизодов, связанных с денежными банкнотами из минувшего века в Китае.

Первый случился в оккупированном японцами Шанхае. Центральным банком Китая была экстренно изъята из обращения и уничтожена купюра, выпущенная в 1943 г. Такое событие приключилось с желто-оранжевой банкнотой!

При внимательном ее рассмотрении в граверных ухищрениях обнаружилось дополнение, состоящие из английских букв в различных местах купюры: «U.S. some 1944», т.е. приход США и, следовательно, окончание войны будет в 1944 году. Однако, к великому нашему сожалению, этого не случилось в тот год, а произошло позднее – в 1945 году. Наверное такого раритета – желто-оранжевой банкноты с дополнениями, нет во многих нумизматических коллекциях! В годы войны все деньги у людей шли на выживание, а не на приумножение коллекций.

Обнаружил же «криминальные детали» в купюре один из руководителей Центрального банка Китая. После чего ее, естественно, изъяли из обращения, а герои этой рискованной акции поплатились своими жизнями.

Эпизод второй. Передо мной цветные дубликаты-копии квитанций из архива моих родителей, сохранившиеся с 1941 и 1944 годов: The Moscow Narodny Bank, Limited. Shanghai Branch, или по-русски – Московский Народный банк, Шанхайское отделение. При их сопостав-

лении прослеживается, что китайские доллары – Ch.D. \$, сменялись банкнотами C.R.B. \$ Центрального банка, или F.R.B. \$ Федерального банка (по-китайски произносились «фа пи»).

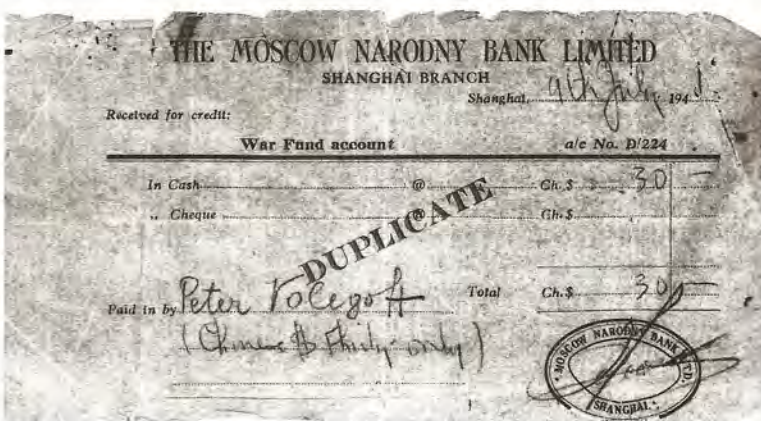
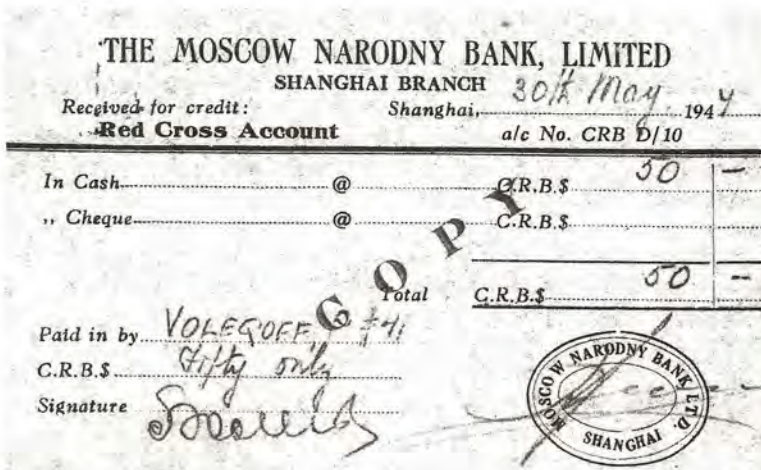
Приглядевшись к чекам более внимательно, можно обнаружить в них и иные различия. Денежные средства советскими подданными и сочувствующими вносились в открытый в Шанхае вскоре после вероломного нападения Германии Московский народный банк. Первоначально счет назывался «Военный фонд» - War Fond Account, затем стал

называться «Фонд Красного Креста» - Red Cross Account.

Первый чек (очень дорогой для меня как память об отце Петре Александровиче и маме Елене Ильиничне), датирован 9 июля 1941 г.

Привожу из семейного архива любопытный текст документа – «Комиссия по самообложению граждан СССР гор. Шанхая в Фонд Исполкома Красного Креста и Красного Полумесяца СССР», подписанный председателем Советского клуба Николаем Степановичем Зефировым. Подданные страны вносили по-

КЛУБ СОБИРАТЕЛЕЙ

РЕКА ВРЕМЕНИ

сильные для себя суммы в Фонд на счет Московского Народного банка в Шанхайское его отделение. Однако богатые архивы этого банка хранят молчание до сих пор, их обнаружение могло бы раскрыть интересные детали о народном патриотизме соотечественников.

Приведу некоторые сведения о «кавэжединце» Н.С. Зефирове.

В «Вестнике Маньчжурии», 1928 г., издаваемом в Харбине, обнаружил начало примечательной статьи Н.С. Зефирова: «Шанхай и его возможности (экономический обзор)». Вполне вероятно, что его экономические выкладки Николая Степановича открыли перспективность Шанхая и всего приморского региона, а веские соображения послужили одной из причин для оттока и массового переселения россиян из Маньчжурии в Шанхай.

Из этого примечательного исследования видно, что процветание Шанхая и его экономики, было предсказано Н.С. Зефировым за многие десятилетия до того времени, как город стал современным Шанхаем. Будущее Шанхая вселяет уверенность, что экономика и в третьем тысячелетии там не замрет, не остановится, не увянет.

По высказываниям современников и товарищей Зефирова по жизни и работе в Шанхае, в предшествующие и военные годы 1941-1945, он сумел наладить помощь своей стране, в том числе в кризисный период кровопролитных сражений под Москвой зимой 1941 г.

Суммы, которые вносились в «Военный фонд», шли на ремонт советских судов, стоящих в английских доках с довоенного времени.

Кстати, последнее место его проживания – Свердловская область, город Кировград. Работал на медеплавильном заводе начальником коммерческого отдела. Арестован 14 июля 1949 г., осужден 4 марта 1950 г. Мера наказания – 25 лет исправительно-трудовых лагерей. Реабилитирован посмертно 24.03.1989 г.

Место в Коми АССР, где Николай Степанович Зефирова похоронен с привязанной к голени биркой, неизвестно. Это братская могила в одном из лагерей Инты. Об этом мне поведал его друг по Шанхаю И.В. Колотозашвили.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ Александра Дмитриевна (урожд. Иванова, в первом браке Сязова; 1883 – 1959), энтомолог.

Авт. книг: «...Карминоносные червецы Средней Азии и некоторые близкие к ним виды». Ташкент, 1935; «Кокциды Средней Азии». Ташкент, 1937; «...Список червецов (Coccidae), собранных в оранжереях ботанических садов гг. Москвы и Ленинграда в феврале 1929 г.» Л., 1930.

Личные архивные фонды, т.3; РНБ (там год рожд. 1885).

АРХАНГЕЛЬСКАЯ Варвара Васильевна (урожд. (?) Авчинникова; 1879 – 1914), писательница.

Авт. кн.: «Зерцало добродетели» [Рассказы]. СПб., 1908; «Проституция и проф. В.М.Тарновский» (публ. лекция). СПб., 1904; «О регламентации проституции (докл. записка, лично представленная кандидатом на степень д-ра Париж. ун-та В.В.Авчинниковой министру вн. д. В.К.фон-Плеве 24 янв. 1904г.» СРБ., 1904. Сotr. в газ. «Русь» (1900-е гг.), писала по женскому и рабочему вопросам. Активная деятельница масонской организации в СПб. Авт. кн. «Вселенское масонство и Обновленное Розенкрейцерство» (доклад). С прилож. послания главы Ордена Алкасета к В.А. и письма П.М.Невежина. СПб., 1911.

Масанов; Венгеров.Источ.; РНБ

АРХАНГЕЛЬСКАЯ Вера Ивановна.

Врач. Авт. кн.: «Курс популярной гигиены». Изд. Панафидина. СПб., 1914.

РНБ.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ Елена.

Авт. кн. рассказов «Жизнь», изданной в Шанхае в 1934 - отз. Резникова Н. \ \ Рубеж. 1934. № 18. С.25.

Алексеев. А.Д.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ И.

(См. Голубева И.М.)

АРХАНГЕЛЬСКАЯ Маргарита Васильевна, дет. писательница, переводчица.

Авт. кн.: «Зимние сказки». М., 1885; «Поход в святую землю: (Ист. рассказ для детей старш. возр.)». М., 1901; «Рождественский подарок: Рассказ для детей из жизни золотоискателей в обработке с нем.» М., 1914; «О чем щебетали ласточки. Зайчик: Два рассказа для детей млад. возр.» М., 1904; Пер. с англ. рассказ Уйда «Нелло и Патраш». М., 1913. «Жив ли он?: Рассказ из детск. жизни» Переделка с нем. М., 1891; «Клад, рассказ.» М., 1890; «На тюленьем промысле: (расск. молодого американца)» М., 1910; «Приключения Мики. Рассказ для детей» (заимств. с англ.) М., 1915; «Приключения русских промышленников (заимств. из соч. Гринингера, с нем)» М., 1887; «Микель-Анджело» очерк, М., 1910; «Дедушка и внучка. Сост. по ром. Диккенса «Лавка древностей» М., 1889; «Иконописец Ступин». М., 1895; «Как Христофор Колумб открыл Америку». М., 1890 и др.

Венгеров.Источ.; Упом. в «Сев. вест.», 1889. № 7.С. 13; РНБ.

АРХИПОВА Е.С.

«Каталог книг библиотеки и Кабинета для чтения Е.С.Архиповой в Феодосии». Феодосия, 1895.

РНБ.

АРХИПОВА –МОРЕВА Н.

(См. Гусева Н.И.)

АРХИПОВА-ХИЛКОВА (псевд.; наст. фам. Архипова) Прасковья Николаевна (1869 –).

Авт. кн. «Быт русского народа в повестях для детей шк. возр. Повесть 1-2» Симбирск, 1898-99; «Ученая клуша, рассказ» Л., 1924; «Максимушка и Журка», рассказ. Л., 1927; «...Детские общественные игры. Сб., сост. по англ. и нем. источн.». М., Л., 1923.

Венгеров. Источ.; РНБ.

(Продолжение на стр.69)

Кроль – лидер уральских кадетов

Кроль был виднейшим общественно-политическим деятелем Екатеринбурга, Пермской губернии да и всего Уральского края на протяжении первых двух десятилетий XX века. Знали его и в общественных кругах столицы, России в целом как одного из членов ЦК Партии народной свободы (Конституционно-демократической). Но составители даже справочной литературы и в том числе энциклопедий почему-то обходят его имя стороной. Приходится использовать редкие заметки, упоминания о нем в периодической печати, воспоминаниях современников. Представляется трудным, в частности, установить место его рождения, семейную среду, даже подлинное отчество.

Известен Кроль как Лев Афанасьевич, но в некоторых документах именуется Яковлевичем, «Ароновичем». Правильное, видимо, все же Афанасьевич, как написано в некрологе.

Кроль родился в 1871 г. в зажиточной семье. За рубежом окончил высшее техническое учебное заведение. По специальности – инженер-механик. К началу 1900-х годов он уже владелец и директор Центральной электростанции, совладелец других предприятий в Екатеринбурге, играет активную роль в финансово-деловых кругах города и Уральского края. Он обратил на себя внимание как предприниматель новой, демократической формации, был известен введением еще в 1902 г. на своей электростанции 8-часового рабочего дня. С самого начала он выступает как либерал-демократ. Со времени оформления на 1-м съезде в 1905 г. партии кадетов стал членом и одним из руководителей ее организаций на Урале, председателем Екатеринбургского комитета. Причем на протяжении всей политической карьеры Кроль был на левом крыле партии, поэтому тесно общался с народниками и социал-демократами, включая большевиков, полемизировал с ними, боролся за влияние и в рабочей, низовой среде. С пониманием воспринял революцию 1905 г. «Нынешняя революция, – считает Кроль, – борьба между кучкой олигархов, захвативших в свои руки власть Государя и все права народа и населения»; «Остановить развитие революции возможности не представляется, так как она исходит от народных масс».

В ходе революции 1905-1907 гг. Кроль уча-

ствовал в событиях, главным образом в Екатеринбурге, и самым деятельным образом, но, естественно, с конституционно-демократических позиций: до издания Николаем II Манифеста 17 октября и дарования многих свобод против Самодержавия, за либерализацию общества, а в дальнейшем – за реформирование страны в этом русле, против разрушительных действий экстремистов.

Нередко он полемизировал с большевистским лидером Я.М. Свердловым. Доводилось им и беседовать. Как правило, это происходило на квартире самого Кроля. Позднее он отмечал, что «за все время своей политической работы я не встречал противника, с которым так трудно было бы бороться, как оратором, Свердловым, стрелявшим большевистскими лозунгами». «Вне трибуны, – продолжал он, – Свердлов сильно терялся. Недостаточная эрудиция в частной беседе сильно сказывалась, чувствовалась необычайная, чисто партийная, узость взглядов». Сам же Кроль как оратор, собеседник снискал авторитет и влияние главным образом среди интеллигенции, мещан, а также части рабочих, не склонных к радикализму, не желающих кровопролития.

Лев Афанасьевич, по характеристике близко знавших его людей, был маленького роста, подвижный, умный с хитрецой, и очень контактный. Попыхивая трубкой, он привлекал внимание не только радикал-демократов, но и степенных, солидных предпринимателей, хотя для некоторых из них казался уж слишком политизированным и левым.

С началом 1-й мировой войны на Урале, как и в стране в целом, происходит перестройка промышленности, растет производство вооружения и боеприпасов. Создаются военно-промышленные комитеты. Таковой был сформирован и в Екатеринбурге. Кроль стал председателем рабочего отдела и членом президиума, участвовал также в работе Уральского заводского совещания.

Но помимо открытого Кроля, был другой Кроль – чрезвычайно закрытый, тайный, Кроль – масон.

Масонские ложи, запрещенные и закрытые Александром I в 1822 г., возродились в России осенью 1906-го, причем сразу приняли черты политической организации, оппозиционной к царю

и его правительству. Доминирующее положение в них занимали кадеты, причем именно левое их крыло, к которому всегда принадлежал Кроль. Известно, что он состоял в петербургской ложе «Малая Медведица», одной из наиболее влиятельных. В этой же ложе, позднее получившей название «Великий Восток народов России», состояли кадет А.М. Колюбакин, бывавший на Урале и встречавшийся с Кролем, А.Ф. Керенский, А.Я. Гальперн.

Л.А.Кроль создал масонскую ложу на Урале. Точное название ее неизвестно, в выявленных источниках она значится просто как Екатеринбургская. Создана не позднее 1914 г. Историк российского масонства писательница Н.Н. Берберова в биографической справке о Кроле отметила, что «мастером» (иначе – «венераблем» – председателем), т.е. главой ложи, он стал именно в этом году.

В рассматриваемое время Кроль – член ЦК партии кадетов, один из лидеров ее организаций на Урале. (Официальный лидер А.М. Спасский был не столь известен). Участвовал в событиях Февральской революции. В марте 1917-го избран председателем Екатеринбургского комитета общественной безопасности. Он вновь в гуще митинговости, популярен как организатор и оратор, оппонент и социалистов, и правых. С появлением в Екатеринбурге Я.М. Свердлова опять имел с ним беседу и убедился, что этот большевик, как и многие его сподвижники-ленинцы, ориентировался на социалистический эксперимент, возможную неудачу рассматривал как издержку мировой пролетар-

ской революции. Такую позицию и отношение к судьбам страны Кроль решительно не разделял. Кадеты стремились избежать революционных потрясений и реформировать Россию, по возможности, по типу западных буржуазно-демократических стран. Позднее выясилось, что доминировавшая в послефевральской России партия кадетов, ее лидеры, в их числе и Кроль, с этими задачами не справились.

В июле 1917 г. Кроля избирают гласным городской Думы от кадетов. Октябрь он не принял и прилагал усилия к ослаблению власти большевиков. Как депутат Всероссийского Учредительного собрания от Пермской губернии он едет в Петроград. Но большевистская власть объявила кадетов «врагами народа», разыскивала ее вождей, в том числе и Кроля. Он скрывается в Петрограде и Москве. Активно участвует в антибольшевистской деятельности, в конспиративном заседании ЦК, в числе немногих кадетов оставался «на позициях использования Учредительного собрания в борьбе с большевизмом». Вошел в состав «Союза возрождения России». Тем не менее подпольщику-кадету удалось связаться с председателем ВЦИКа Я.М. Свердловым, побывать у него на приеме, побеседовать и благополучно уйти.

По поручению и «Союза возрождения», и своего ЦК после восстания в конце мая 1918 г. чехословацкого корпуса и образования в Самаре Комуна (Комитета членов Учредительного собрания), Кроль направляется на восток. Благополучно переходит линию фронта, вероятно, с какими-то «надежными» документами. Ему предстояло консоли-

Центральная электростанция Екатеринбурга, которой, как и рядом других предприятий, владел Л.А.Кроль

дировать политические (и, разумеется, тайные ма- сонские) силы для дальнейшей борьбы с властью большевиков. Через Казань – Самару, наладив контакты с Комучем, но не войдя в него, он 13 июля прибыл в Челябинск, затем в Омск – резиденцию Временного Сибирского правительства. Он активно общается с политическими деятелями Поволжья, Урала и Сибири, руководством чехословацкого корпуса. У него вызревает идея создания Уральского правительства, независимого от Сибирского и Комуча. В конце июля Кроль возвращается в Екатеринбург.

В своем городе, продолжавшем, как и при большевиках, играть, хотя и неофициальную, центральную роль в крае, Кроль налаживает контакты с военными и гражданскими организациями. Он способствует возрождению в крае местных органов самоуправления – городских дум, земских управ; формирует Временное областное правительство Урала, однако от председательствования в нем уклоняется, сагитировав на то кадета же, председателя биржевого комитета П.В. Иванова. За собой оставил посты товарища председателя главноуправляющего (министра) финансов. Попытка включить в состав правительства в качестве военного министра генерала, князя В.В. Голицына, а значит, и иметь в своем распоряжении вооруженные силы в виде сформированной им Уральской дивизии горных стрелков, оказалась безуспешной. Голицын оставался в подчинении правительства Омска, обладавшего своей армией. Под его же влияние фактически все больше подпадало и Уральское правительство, одновременно испытывавшее давление и Комуча. Возможности действовать самостоятельно у правительства Иванова – Кроля были крайне ограниченными и территориально. Не случайно остряки называли его «правительством одного уезда». Декларированная же и реальная направленность его действий была

весьма прогрессивной, демократической, в основном шла в русле дооктябрьского Временного правительства Г.Е. Львова – А.Ф. Керенского.

Кроль деятельно участвовал в работе Уфимского государственного совещания 8-23 сентября, в формировании Директории – Временного Всероссийского правительства во главе с Н.Д. Авксентьевым. Был против вхождения в него крайних левых сил, могущих вступить в контакт с большевиками. Генерал В.Г. Болдырев вспоминал: «Непрерывную атаку вел маленький, все время заряжавший свою трубку кадет Л.А. Кроль. Остроумный и едкий, он много крови испортил сидевшему против Гендельману (М.Я. Гендельман – эсер., – И.П.).»

В соответствии с принятым постановлением Уральское правительство постепенно свертывает свою работу и ликвидируется, как и «Комиссия по изготовлению законопроекта о выборах в областную Думу», созданная с его участием. Будучи еще в Уфе, Кроль, по согласованию с Ивановым, общественными организациями и деловыми кругами, пригласил членов Директории обосноваться в Екатеринбурге и получил от них на то согласие. В городе провели большую подготовительную работу: нашли помещения, кадры служащих. Была создана специальная комиссия по торжественной встрече Директории, однако та в последний момент переехала в Омск. Екатеринбург был назначен и местом работы Съезда членов Всероссийского Учредительного собрания с перспективой возобновления в нем и работы самого разогнанного в Питере собрания. Съезд обосновался в Екатеринбурге. Кроль помогал, но в работе почти целиком эсеровского съезда участия не принял.

Приход в Омске к власти адмирала А.В. Колчака Кроль признал сразу, рассчитывая на консолидацию антибольшевистских сил. По приезде Верховного правителя России в феврале 1919 г. в

Уральский военно-промышленный комитет. Среди его членов – Л.А.Кроль. 1916 г.

Екатеринбург он выступил с речью в его поддержку. Продолжал политическую и общественную деятельность, в частности, в качестве гласного Екатеринбургской городской Думы и уездного земства. В марте 1919 г. его избирали гласным и Пермского губернского земства. Продолжал сотрудничать с социалистами Урала и Сибири. Стал одним из инициаторов объединения всех демократических организаций Екатеринбург и Среднего Урала в единый блок – «Всероссийский демократический союз», в расчете на образование такового в масштабах региона и страны. Был избран в его Центральное организационное бюро. Его прочили и в новый состав Екатеринбургской городской Думы на четырехлетний срок, но выборам состояться было не суждено. С приближением в конце июня к Екатеринбург Красной Армии Кроль эвакуировался в Омск. Его лево-кадетские позиции претили правым силам, части военных, и он чуть было не оказался под арестом, но этой участи избежал.

В конце 1919 г. Кроль уехал во Владивосток, там написал и там же в 1921-м опубликовал свои ценнейшие мемуары («За три года»). В том же году Кроль с семьей эмигрировал, проживал в Париже. Продолжал заниматься политической деятельностью, стал издателем «Свободной России», сотрудничал с П.Н. Милюковым, его «Последними новостями» и т.д. Продолжал и активную масонскую деятельность, состоял в эмигрантских российских ложах «Свободная Россия», «Северная Звезда» и французской – «Права человека». Судя по отрывочным сведениям, в масонском эмигрантском движении он играл видную роль. От имени крупнейшей «материнской» ложи – «Северная Звезда» подписывал документы вместе с Н.Д. Авксентьевым и В.А. Макаковым.

Скончался Кроль в Париже в апреле 1931 г. Его жизненному пути были посвящены некрологи в газете «Последние новости» и «Заре». Под первым из них стоит подпись сподвижника и бывшего лидера кадетов М.Н. Милюкова. В ложе «Северная Звезда» и состоялось траурное заседание.

Л.А. Кроль оставил заметный след в политической, экономической жизни Урала, в истории партии кадетов, масонства, белом движении.

АРЦИМОВИЧ Анна Викторовна.

Авт. кн.: «Задачи и условия народных школ в Швеции: Из путевых заметок о поездке на Стокгольмскую выставку. 1897 г.» (СПб., 1898).

Венгеров.Источ.; РНБ.

АРЦИМОВИЧ Елизавета Викторовна.

Авт. кн.: «Систематический указатель книг для детей и юношества. Ч. 1.» Пг., 1915.; «Указатель книг по истории и общественным вопросам. Сост. Е.В.Арцимович, М.В.Имшенецкая, О.И.Капица и др. СПб., 1909; «Всколыхнулась Русь сермяжная и грудью встала за святое дело» [М., 1915].

РНБ.

АРЦИМОВИЧ Е.

«Лепестки опавших роз. Стихи и басни». Унгвар-Ужгород, 1944.

Тарасенков.

АРЦИМОВИЧ Софья Станиславовна.

Авт. водевиля (1899).

Венгеров.Источ.

АРЦЫБАШЕВА Анна Никитична (урожд. Незванова), переводчица.

Дочь уездн. предв. дворянства. Жена историка Н.С.Арцыбашева. Пер с нем. кн. «О торговле и мореплавании у древних». Казань, 1831. (См. Строев П.М. Биб-ка императ. Об-ва ист. и древн. российских. М., 1845. № 538. С. 193).

Венгеров. Сл.; Слов. рус. писательниц.

АРЦЫБАШЕВА Анна Николаевна (в замуж. Верцелиус; 1814 – 1853), переводчица.

Дочь историка Н.С.Арцыбашева. Пер. с фр. неск. книг религиозного содержания. В «Отеч. Зап.» напечатан ее перевод ст. Робертсона «Колумб» (1835, т.169,170)

Венгеров.Сл.

АРЦЫБАШЕВА Ираида (Ида) Вильгельмовна.

(См. Эвальд, Ида)

АРШАВСКАЯ В.Б.

Сотр. «Бердянского Курьера».

Масанов.

АСЕНКОВА Александра Егоровна (1796 – 1858), авт. воспоминаний.

Актриса Александринского театра; мать актрисы В.Н.Асенковой. «Картины прошедшего. Записки русской артистки». - «Театр. и музык. вестн.», 1957, № 36, 37, 39, 42, 44, 46, 49, 50, 51.

ИДРДВ. Т.2. Ч.2. № 3576.

АСКОЧЕНСКАЯ Татьяна Владимировна (урожд. Никонова)

«Воспоминания бывшей воспитанницы Ивановской школы, что ныне Ивановское девичье училище, татьяны Аскоченской, урожд. Никоновой». СПб., 1872.

Венгеров.Источ.; РНБ.

АСС М.

Уч. в «Женском сб. в пользу Ялтинского попечительства» (1915).

АССЕНГА

Печатала стихи в екатеринб. газ. «Общими силами» (1915).
Голдин.

(Продолжение на стр.79)

По линии фронта

Из дневника агитпохода: «Вечером 10 июня 2005 г. в полном составе убыли из Новосибирска в Санкт-Петербург, а оттуда – в Архангельск, куда прибыли вечером 13 июня. В пути ничего примечательного не произошло. Заболевших нет. Контейнер со шлюпкой уже дожидался нас, 14 июня мы ее разгрузили и перевезли на спасательную станцию ГИМС, в это же день установили оперативное взаимодействие с пограничниками и МЧС. День 15 июня посвятили осмотру местных достопримечательностей и «вооружение» яла. 16 июня о. Феодосий освятил шлюпку и благословил экипаж на богоугодное дело, занимались также закупкой

продовольствия. Завтра, 17 июня, стартуем...»

«Идея собрать в одной экспедиции несколько десятков курсантов морских клубов и студентов морских академий со всей страны и на легендарных военно-морских шлюпках сделать переход по внутренним водным путям примерно по самой восточной линии советско-германского фронта, «прокрутив» при этом с ними интересную и насыщенную программу, родилась у организаторов проекта в сентябре 1999 г. Изюминка проекта состояла в том, что шлюпка юных сибиряков должна будет пройти «сквозняком» от точки старта, из Архангельска, до точки финиша, до Новороссийска,

а к ней, каждый на своем участке, будут присоединяться экипажи КЮМов из городов по маршруту перехода, кто на 100 км, а кто-то и на 500. То есть в каждый момент времени по линии фронта движется целый шлюпочный караван. Идея прошла «обкатку» во время шлюпочных агитпоходов «Сибирь-Волга» летом 2002 г. и «Сибирский Меридиан» летом 2004 г. Во время этих походов, в периоды остановок в крупных населенных пунктах, организовывались встречи с ветеранским и молодежным активом, посещались Мемориалы, организовывались экскурсии. Участниками проекта «Фарватерами Подвига» в течение почти трех месяцев ста-

ли в общей сложности около 400 курсантов клубов юных моряков, студентов речных и морских средних и высших учебных заведений из 23 субъектов федерации, 5 федеральных округов.

«Здорово, друг Володька! Вчера, 11 августа, к вечеру мы пришли в Волгоград. В верхнем бьефе Волгоградского гидроузла нас встретили на своем учебном катере ребята из Волгоградского Детского морского центра им. Героя Советского Союза Вилкова. Не верится, что за спиной четыре тысячи километров пути, что два месяца назад мы стояли на пер-

роне Новосибирского вокзала и ты желал мне удачи. Кажется, что два года, столько всего произошло за это время. А с другой стороны, мы вошли в такой гоночный азарт, что за повседневными делами время летит, как из пушки. Молодец, что прислал мне письмо. Спасибо. Только долгая разлука научает понимать, что телефонный разговор это одно, а письмо – это совсем другое. Ты спрашиваешь, какой обычный порядок дня в походе. Он почти такой же, как у нас в летнем лагере: ранний подъем, разминка, снятие палаток, приборка берега. Затем, убедившись,

что все чисто и костер залит, а экипажное и личное имущество уложено в шлюпку, командир разрешает завтракать. Это, как правило, горячая сытная каша с тушенкой, хлеб и кофе. Перед отплытием – обязательное построение: постановка задачи на день, объявление навигационных особенностей предстоящего участка пути и пр. Идем без остановок весь день, в зависимости от обстановки на веслах или под парусом, меняем обычную бутербродами с чаем прямо на ходу, не приставая к берегу. При хорошем ветре иногда удается проходить до 110-120 км за день. Настоящее веселье начинается, если разыгрывается попутный шторм. Тут уж не зевай, только успевай работать на шкотах, да откровениться на галсах. Ялики на волнах кидает ой-ой! Даже на зарифленных парусах мчимся на 7-8 узлах почти на пороге управляемости, только брызги из-под форитевня! Правда в таких случаях, конечно уж, не до бутербродов с чаем. А командир знай пошевеливает нас забористыми морскими словечками, чтобы, значит, не кисли, да на фалах шибче управлялись, и шлюпка наша знай себе летит на морском просторе к неведомой цели под полным парусом и только чапьющий рядом катер ГИМС дает понять, что мы под присмотром. Когда ветер свежеет настолько, что идти самостоятельно на шлюпке становится небезопасно, он берет нас к борту. Ближе к вечеру начинаем высматривать место для очередного ночлега. Тут своя наука: и чтобы дровишки были, и комарья желательнее поменьше, и чтобы водой свежей можно было запастись. Ставим палатки, плотно ужинаем, прибираемся в шлюпке, пишем дневники. Вечером, перед отбоем, и утром, перед построением, командир по спутнику всегда звонит адмиралу, сообщает что да как. Погода стоит непривычно жаркая для нас, сибиряков. Особенно скучно, когда ветер пропадает и приходится целый день махать веслами. Мне после похода любой тренажерный зал,

наверное, за баловство покажется. Если выбиваемся из графика, то и ночью идем. Офицеры делят ночь пополам, ну а мы, курсанты, дежури́м на веслах по одному, сменяясь каждый час. Офицер при этом наблюдает за обстановкой, чтобы шлюпку не вынесло на фарватер, ну а мы редкими гребками удерживаем ее курсом по течению. За ночь таким манером пройти 25-30, а то и 35 километров. Если отставание от графика очень большое, то обращаемся за помощью к катерам-путейцам или участковым инспекторам ГИМС. Они всегда помогают. Местное население встречает радушно. Деревенские бабульки сердобольно угощают «бедненьких матросиков» простоквашей, щедро одабривают свежей зеленью, пахучим луком и ядреным чесноком, так что цинга от консервной «диеты» нам не грозит. Мы все загорели, как негры, носы пооблупливались уже на три раза. А мозоли на руках от весла да от икотов такие, что картошку на ужин чистить, совершенно не опасаясь порезаться. А какие здесь арбузы! А какие

девушки работают на бахчах! Ох и ах! Но Юлька все равно красивее. Сегодня весь день мы, как обычно, посвятили «большой программе». Мамаев курган – это грандиозно! Панорама обороны Сталинграда – это супер! Отзвонились домой, сходили в баньку, осмотрелись у врача, пополнили продзапас. Завтра по Волго-Донскому каналу уходим на Запад, на Дон. Не скучай, Володька, скоро увидимся.

Твой друг Серега.»

Андрей Федорович Бахвалов, генеральный директор «Сибирского Кадетского Корпуса»: Сущность шлюпочного агитпохода «Фарватерами Подвига» состояла в совершении небольшой группой подростков и студентов (16 чел. + 4 взрослых, в т. ч. медик) длительного, около 80 суток, и дальнего, около 5500 км, похода на мореходных парусно-гребных шлюпках типа ЯЛ-6 по прибрежной зоне Белого и Черного морей и внутренним водным путям (рекам и каналам) европейской части России от Архангельска до Новороссийска примерно по линии

советско-германского фронта. Темп движения экспедиции, отработанный в предыдущих походах, не изменился и здесь: 6-7 дней плавания на веслах и под парусами (по 80-110 километров в сутки) – 1 день стоянки. Кроме «культурной» программы на местах стоянок производился регулярный медицинский контроль участников похода и если нужно – оказывалась профилактическая помощь, а так же пополнялись запасы продовольствия, устраивались сеансы связи с «большой землей».

На перроне Новосибирска-Главного, ровно через 80 дней со дня старта, отославшийся 16-летний морской волк Сергей «правильно» отвечал на назойливые расспросы репортеров и «показательно» утешал материнские причитания. Про себя, однако же, реагировал философски: «А пойду-ка я сдам фотопленки в срочную печать, потом домой: помыться-постираться, оттуда со свеженькими фотками – к Юльке, а вечером позвоню адмиралу, разговор есть...»

Осень

1

- Ну вот и белые комары полетели.
- Где белые комары? – шестилетний Котька с изумлением вытаращил голубые глазенки на отца.
- А вон, посмотри-ка в окно.

Котька прижался лбом к стеклу. Медленно кружась, на черную застывшую землю падали снежинки.

- Папа, это ведь снежинки!
- Для кого снежинки, а для кого белые комары, – глаза отца смеются.

Но не смешно Котьке, маленький он, а вроде что-то и его вдруг хватает за душу и не оторваться от окна – летят снежинки, кружатся. И словно замерло все в ожидании чего-то: не шелохнутся голые черные ветви деревьев, не пролетит пичуга, не пробьется солнечный лучик сквозь хмурое небо. «Не-е, не комары это...»

2

Зима выдалась суровой и снежной, а впрочем, когда она бывала другой в этих краях: морозы, метели, в иную ночь столько снега набахает, что утром и двери из сеней в ограду открыть нельзя.

Белое царство: стоят среди сугробов избы с толстыми снежными крышами, голубоватыми свечами из труб поднимается дым, искрится воздух на солнце от изморози. Тишина.

Из опушки леса, на лыжах, выкатывается мальчуган лет одиннадцати. Отсюда, с горы, уже хорошо видна Зарека: улицы, белые крыши домов, тропинки, протоптанные на замерзшем пруду, и крошечные фигурки рыбаков. «Ну, теперь уже недалеко». Мальчик толкается палками, пригибается, морозный воздух снова обжигает лицо, и лыжи несут его вниз...

Замерзший, с красными заочневшими руками, Котька пьет чай с сушеной малиной, а потом, разомлевший, долго сидит перед очагом и смотрит, как пляшет, фукает резвый огонь на березовых поленьях.

– Ложись, поспи Котя, – говорит ему мать.

– Не-е, я еще посижу, – не выходя из полудремотного состояния, отвечает он, и плывут перед его глазами заснеженные ели, сосны, и, петляя, куда-то ведет его хорошо укатанная лыжня. Ослепителен белый снег, ярко холодное солнце, легко скользят лыжи. И бежит Котька, и хочет узнать, куда же приведет неведомо кем проложенная лыжня. А лес становится все дремучее, таинственнее. Вот сбоку вспорхнула стайка красногрудых жуланов*. Приостановился он, провожая глазами птиц. Только толкнулся палками, а впереди, неторопливо, деловито осматриваясь по сторонам, пересекла лыжню рыжая лиса, оставляя пушистым хвостом росчерки на снегу. И снова останавливается Котька, глядя вслед зверю. Бежит дальше. И как чудо возникает на его пути, выбиваясь из-под наста, ручей. Журчат прозрачные струи, бегут живые и веселые по каменистому дну в обрамлении заледенелых хрустальных берегов. Он освобождает ноги от креплений лыж и припадает к студеной вкусной воде.

Не-е-т, не добежать сегодня, не узнать, где заканчивается лыжня. Котька с сожалением поворачивает назад...

3

Но вот отбурился снежный март, и наступил апрель. Пригревая, стало выше подниматься солнце. Крыши домов украсились гирляндами алмазных сосулек. Звонко, мелодично падала в сугробы сверкающая капля, выбивая в них сказоч-

* Снегирей

ные чертоги, и, присмотревшись, в них можно было увидеть все, что вообразишь себе: диковинных зверей, фантастический лес, странных человечков. А свежесть, легкость, чистота воздуха по утрам будоражили душу, и ликовала она, зная, что кончилась бесконечно длинная и лютая зима.

Шумно неслись с гор говорливые ручьи. И какие ручьи! Иные из них вполне сошли бы за речки. Со всех сторон, со всех улиц, устремлялись они к пруду, закованному в метровую толщу ледяного панциря. Ручьи бежали по льду, промывая в нем глубокие голубые русла, пока где-нибудь не наткались на промоину или прорубь. В их бурных потоках плыли кораблики.

Костя смотрел на проносившуюся мимо флотилию. Вот один кораблик подбросило на пороге, вот второй, третий и они уже на боку, кверху днищем, беспорядочно швыряемые потоком, зарываясь в бурунах, уносились дальше; четвертый проскочил, пятый опасно накренился, но выправился... Весело галдя, сопровождая кораблики, бежали ребяташки. Костя улыбался: давно ли он сам вот так же бежал за ними? Сколько он переделал их: из коры и из дерева, с мачтами и парусами. Сколько раз они терпели крушения, не выдерживая коварства ручьев. Сколько он потерял их, унесенных течением под лед. А сколько было радости, когда его кораблик выигрывал схватку у ручьев. Побегать бы сейчас с ребяташками, да засмеют, скажут: «Вон, парню семнадцать лет, а он все кораблики пускает...»

4

*Ой загу-загу-загулял, загулял,
Па-ар-нишка, па-рень молодой,
В красной руба-а-шоночке, хоро-о-шенький такой...*

Звенела, с надрывом заходила переборами в ночи гитара, и возвращался Костя домой уже поутру, чтобы поспать часок-другой да поспеть к началу смены на завод. А на заводе план, мастера, начальники. Но ничего, работает он, дело в руках спорится, да ведь рабочая жилка в нем от старых мастеровых-уральцев, к тому же коллектив, товарищи-наставники.

Ах, какое лето! Какие ночи! Ах, какие рубашки в клеточку и стильные отутюженные брюки носил Костя. Пиджачок через плечо, гитара в руке, стрижка под полубокс: забубенная головушка – девятнадцать лет.

Мелькнуло, пролетело красное лето, и посыпались, обрываемые холодным ветром, желтые листья берез. А когда закружились в воздухе белые комары: плакала мать, и растягивал мехи гармошки подвыпивший постаревший отец, да залихватски отплясывали развеселые провожающие; и, задумавшись, со стареньким чемоданчиком в руке, среди этого гомона, шел Костя, и смотрел вокруг себя так, словно предчувствовал, что вернется теперь домой не скоро. Смутно было на душе.

– Котька, что голову повесил?! А ну-ка сбцай нам на прощание!

Смолкла гармошка – вздрогнул Костя, стрельнул глазами в дерзкое отцовское лицо и увидел в нем затаенную грусть. Но побежали пальцы по клавишам, кинул Костя кому-то чемоданчик и, бесшабашно тряхнув плечами, бросился в пляс, будто в омут, краем глаза видя, как неистовствуют руки отца, как заулыбалась мать...

Пляши, пляши Костя...

5

Дома были зимы суровы, но здесь они оказались еще свирепее.

В шапке, с завязанными под подбородком клапанами, в шинели, поверх которой тулуп до пят, в валенках, с автоматом на плече Костя размеренно мерял шагами периметр, обходя свой сектор вокруг стартового комплекса.

Длинные два часа: мороз за сорок, небо черно, звезды яркие, луна серебриста. Тишина. Закоченел часовой, стянуло морозом кожу на лице, заползает стужа под шинель, и тулуп не спасает. Много мыслей пронесется в голове у Кости, пока он дождется смены.

Рота заступила в полковые наряды, и «запахал» Костя: через день на ремень, да через два на кухню.

Из дому пишут: «Как служишь, сынок?..» Отвечает он: «Хорошо служу, ни о чем не тужу, скоро в отпуск приеду...» Да и что еще напишешь? Не любитель писать длинные письма Костя, разве только открытку послать к празднику. Служба она и есть служба, не на курорте ведь. Солдат Костя.

Да, полов намылся, картошки начистился, шрапнели (перловой каши) наелся, строевой находился, из автомата настрелялся, по тревогам набегался. В жару и холод, в дождь и снег, не зная, что такое «не хочу и не могу». Закалил Костя, окреп, посуровел лицом. В нечастые свободные минуты возьмет в руки гитару, дрогнут трепетные посеребренные струны, и заслушаются товарищи, думая каждый о своем.

Летом жарко: болота, тайга вокруг части, комары тучами висят в воздухе, а малины в дебрях лесных видимо-невидимо. Крадучись, пролезает сквозь «колючку» Костя, прячет его тайга. Малинки поест. Может не заметит его отсутствия сержант. Но разве проведешь командира? Получи солдат наряд. Чисты в казарме полы, а еще чище будут, когда после отбоя займется ими Костя.

Спят солдаты. Гуляет по полу намыленная щетка. Посмеивается про себя у тумбочки дневальный, наблюдая как орудует шваброй штрафник.

Да, а ведь было и медведя в малиннике встречали. Вкусна, ароматная спелая малина...

И гауптвахты не миновал. Только что за солдат, который на «губе» не сиживал? Вот в отпуск так и не съездит. Горяч, дерзок Костя...

Скрипит под валенками снег. В лунном свете приближаются к часовому три силуэта. Поблескивают штыки, примкнутые к автоматам. Смена...

6

Зиму сменила весна, весну – лето. Мелькали года...

Далеко дом, носит Костю по свету, не живется ему на одном месте. Всюду друзья-приятели. С севера на юг, с запада на восток: с геологами, артелями, егерями – поколесил. Огромна страна. А уж как попал на флот, да замаячили перед ним дальние страны, так, наверно, и вовсе забыл откуда родом он. Ванкувер и Кергелен, Сингапур и Осака, Луанда и... Ах, Костя-Костя, разве весь мир обойдешь? Разве обоймешь необъятное? Смотри-ка, уж не посеребренные струны – посеребренные нити на висках появились...

Над траулером бегут низкие рваные облака, сыплются из них то колючая ледяная крупа, то тяжелые, мокрые хлопья снега. Выглянет на мгновение солнце, обрадует и снова спрячется. Штормит море, угрюмы волны, хоть кажутся медлительны и вялы – сильны, и ветер все крепчает.

Рыбы нет. Отдыхают матросы: кто читает, кто вяжет сети, кто играет в шахматы или карты, кто смотрит кино в столовой команды. Но большая часть спит, ибо не часто они остаются вот так – без дела.

Загрустил Костя, сидит в каюте, перебирает

струны гитары. Всего-то месяц, как вышли они из Сингапура, а кажется вечность прошла. Марина... Вот ведь какое имя у китайки...

– Марина, кто ж тебе такое имя дал?

Белозубая улыбка делает лицо девушки еще краше.

– Много узнавать, скоро состариться будешь. Ань* эго фанши. Так, Костя, сказывать ваши?

– Так-так Марина. А по-русски кто тебя говорить научил?

Снова смеется девушка...

– Покажи мне, Марина, Сингапур.

– Хао** Костя...

Три месяца пролетели как три дня.

– Марина, завтра мы отходим.

Навернулись слезы на черные глаза девушки.

– Когда, Костя, снова Сингапур придешь?

– Не знаю, Марина. Я ведь не на личной яхте.

– Сингапур тепло, а твой Родина сюэ*** много.

– Много, – соглашается он.

Задумалась Марина, взгляд бездонный.

– Костя, мир так устроен зачем? Страны, границы, обычаи – люди разделять. Зачем все так? – печаль в голосе девушки.

«Зачем?.. Что тут ответишь?» Костя гладит Марину по голове.

– Цзайцзянь****, Марина, – они оба понимают, что никогда не быть им вместе.

– До свидания, Костя, – сквозь слезы улыбается она...

Печальные звуки льются из-под пальцев Кости – Марина научила его этой мелодии. Как играла китайка на гитаре!

Висит на переборке перед ним клетка, изваянием замерла в ней небольшая темно-коричневая сова. До берегов Хоккайдо добрых две сотни миль, а вот залетела птица на судно. Поймали ее, сделали клетку.

Тихо звенят гитарные струны, желтые круглые глаза совы неподвижно смотрят на человека. Печаль, задумчивость и мудрость, холод и бесстрастность в этих глазах. То не сова – то Вечность смотрит на Костю. Он откладывает в сторону гитару, берет клетку и выходит на палубу. Дверца клетки открыта, но птица сидит не шелохнувшись. Костя осторожно вытаскивает сову. Взмахнув крыльями, подхваченная ветром, она взмывает в воздух. А клетка уже раскачивается на волнах в кильватере судна...

С зажженными сигнальными огнями, на самом малом ходу, движется траулер. Штиль. Темнь. Туман плотен, как вата. Только бурлящие звуки воды, разрезаемой носом судна, да периодические тревожные гудки нарушают тишину ночи. Костя стоит вперёдсмотрящим на баке. Не видно ни зги – опаснейшая вещь туманы на море. Холоден сырой воздух, прохаживается вперёдсмотрящий по баку, прислушивается к тишине, вглядывается во тьму. Вся вахта впереди и долго еще ему оставаться наедине со своими думами. Но не знает он, что через час, неожиданно, в полукабельтове, прямо по курсу, из тумана, появятся неясные контуры чего-то огромного. Увидев призрачные, чуть различимые огни, почувствует Костя, как что-то обрывается у него в груди и кинется к рынде*, и захлебнется она тревожным звоном.

«Отбой машине! – закричит в рулевой рубке побледневший штурман. – Право на борт!» Лязг, скрежет раздираемого металла, и страшный удар потрясет траулер. Разожмутся пальцы вперёдсмотрящего, выпустят темляк рынды, и безмолвный мрак покроет его сознание.

Только спустя неделю очнется Костя. А еще через месяц он впервые поднимется с койки и подойдет к окну больничной палаты.

Кружит метет пурга, вздымается ввысь заснеженные горы острова Итуруп.

Давно ушел траулер в порт Находка. Разворота плавбаза ему носовую часть, но выдержало судно – осталось на плаву. Из экипажа, кроме вперёдсмотрящего, серьезно никто не пострадал. А ему еще долгие месяцы придется провести на Итурупе.

Кружит, метет пурга, стоит у окна Костя и кажется ему, что белый, густой, как молоко, туман обволакивает все вокруг...

* Судовой колокол.

* На русский манер (кит.)

** Хорошо (кит.)

*** Снег (кит.)

**** Прощай (кит.)

7

Обветшал дом, покосился, стоит полузасыпанный снегом, маячками светят в ночи два оконца. Сидит у очага, глядя на огонь, старушка. Муж был – давно похоронила. Сын есть. Да где он?

Печальна одинокая старость.

Узкая тропинка протоптана в сугробах. Мороз лют. Небо черно. Звезды холодны. Тонок серп месяца – новолуние. Тишина.

Одинокий путник, с выдавшим виды чемоданчиком, идет по тропинке. Легкое демисезонное пальто на нем совсем не для такой погоды. Замерз он, но чем ближе свет в окнах, тем медленнее становится его шаг. Вот он останавливается и долго смотрит на них. Морозный воздух перехватывает дыхание, закуржавели брови, волосы, шапка, а человек словно прирос к месту.

Уже прогорели дрова, но еще пылают жаром угли. Сидит старушка, и что-то беззвучно шепчут ее губы. Но, чу! Скрипнули ворота, тявкнула собачонка, кто-то проходит по сеним, дверь открывается, в клубах морозного воздуха, на пороге – замирает

человек. «Кто же это так поздно?» – старушка смотрит на вошедшего.

– Здравствуй, мама, – Костя ставит на пол чемоданчик и, медленно стягивая шапку, низко опускает седую голову. Кошка, свернувшаяся на лавке, открывает глаза и смотрит на него немигающим взглядом. Он вешает шапку на гвоздь и задевает струны старенькой гитары, висящей в углу. Чистый печальный звук плывет по избе и затухает. Зеленые кошачьи глаза широко открываются...

– Напой меня, мама, чаем с малиной...

Костя. Ее Костя. Сынок... Растерялась, засуетилась старушка...

Мать смотрит на белую голову сына, на большие огрубевшие руки, держащие старую, с потускневшим когда-то золотистым ободком чашку, из которой он пил еще в детстве, и нет-нет да скатится слезинка по морщинистой щеке. Велика радость ее, но так же велика и грусть – это ее сын, совсем седой. Руки старушки теребят концы платка, для нее он все тот же маленький Костя.

– Костя, ты, наверно, давно не катайся на лыжах? – ласково спрашивает она. Расплескался чай из чашки.

– Давно, мама, – дрогнувшие руки ставят чашку на стол. – Уж теперь покатаюсь...

Чуть теплятся в очаге остывшие угли...

8

Растет перед домом береза. Дом старый, но подведены снизу три новых венца, вместо сгнивших, добротным тесом покрыта крыша, свежее побелена печная труба, заменено полотно ворот, крепки хозяйственные пристройки, чисто подметена ограда.

Старик сидит возле окна. Падают на черную мерзлую землю снежинки. Падают и уже не тают. С березы, солнечными зайчиками, бесшумно скользнули на стылую землю последние желтые листья. Когда-то голубые, выцветшие глаза старика проводили падение листьев.

Что-то лепечет маленький внук, играя на полу деревянной лодочкой, вырезанной дедушкой.

Старик закрывает глаза.

...тихо звенят посеребренные гитарные струны, бежит на лыжах Котька, властно манят его таинственный лес и неведомо кем проложенная лыжня...

А за окном все кружатся, летят белые комары...

* * *

В литавры били, в барабаны
И с треском простыни в клочки
Так рвали яростно, что краны
Все открывались. Потолки
Промокли, не сдержав насмешек
Грохочущих в колокола.
Их было много. Мир был грешен,
Познавший впрок добра и зла.
Потом все стихло. Шелест слабый
Уж не тревожил больше кровь...
Но вот опять разверзлись хляби.
Пошло, поехало. И вновь –
И в барабаны, и в литавры,
И простыней над ухом – хрясь!
И ночь черна была, как мавры,
Земля сверкала и тряслась.

* * *

Подоспело снова лето,
И пылает среди листвы
Огонечек горлицы
В темной зелени травы.
Росы, утренние росы!
В каждой капельке сквозной
На полянках, по покосам
Разнотравьем пышет зной.

* * *

Мелкие листья – жимолость,
Жилистый куст лесной.
Ягода синю вымылась,
Синю-голубизной.
Сладость твоя с горчинкою
Терпкой – особый вкус.
Вот и бредешь тропинкою,
Жилистый ищешь куст.
Жимолость, где ты спряталась?
Вьется низинкой гать.
Слева не видно. Справа ли,
Что ли, тебя искать?
Вот они – листья мелкие!
Вот этот куст лесной!
Сосен качанье мерное,
Солнце над головой.
Много ли надо, мало ли?
Горсть бы хотя одну.
Я превращаю сладкую
Горечь в голубизну.

* * *

Всех раньше встали грибники.
Экипировка – по сезону:
Резиновые сапоги,
Рюкзак, ветровка с капюшоном.
Сегодня осень. В дымке – даль.
Земля беременна простором.
И леса синяя вуаль
Виднеется за косогором.
Ручей сверкает под горой.
Осока. Таволга. Мосточек.
И дятел в кузнице лесной
Опробовал свой молоточек.
А вот и лес – стоит, дремуч,
На моховой своей постели,
И солнца самый первый луч
Запутался в верхушке ели.

Летний дождь

Быстро как скороговорку,
Прострочил раскаты гром.
Дождь прошлепал по пригорку
Босоногим пацаном.
И подставив солнцу спину
На серебряном лугу,
Он, как удочку, закинул
В речку радугу-дугу.

Осень

Вообще-то, я волнуюсь очень,
А может, это незаметно.
В меня взяла влюбилась осень,
Я вхож в ее апартаменты.
Дверь открываю осторожно,
Бочком протискиваюсь тихо,
Негромко спрашиваю:
– Можно?
Простите, листья на ботинках...
У вас такой ковер роскошный
И в плюше мха диван и кресла,
В зрачках озер, как свет оконниц,
Мне вас увидеть интересно.
Я как-то к вам привязан кровно,
Хотя напоминать нелепо
О том, что вянут ваши кроны.
А было, знаете ли, лето...

Подари мне

Подари мне с грозами весну,
Чтоб метались ветры по долинам,
Послегрозовую тишину
Подари мне.
Подари мне лета зной густой
И фонтанов искренние ливни,
Сердца азиатского настой
Подари мне.
Подари осенний звездопад
В мешанине метеорных линий,
И тепло души своей, как сад,
Подари мне.
Снегопады будут надо мной
И вершины гор в прозрачной сини.
Станешь путеводною звездой
Только ты мне.

На почве заморозки. Изморозь
Покрыла травы и кусты.
И серебрится даже изгородь
У огородной черноты.
Черемуха совсем заброшена
Природой, осенью самой.
И ничего в том нет хорошего,
Что пахнет в воздухе зимой.
Ручью осталось лишь поблескивать,
Не разливаясь больше вирирь,
И остается что-то плоское
И превращаешься в пустырь.
А у болотца чахнут сосенки –
В вечнозеленой кутерьме,
И потому тропинка осени
Протягивается к зиме.

Строительство зимы

Идет строительство зимы.
И превращают груды сора
В посеребренные холмы,
И покрывают льдом озера.
Уже совсем пропала связь
У облаков с громоотводом,
Уже проселочную грязь
Зацементировали твердо.
Совсем не слышен гром телег.
И вот однажды кто-то смелый
Рассыпал крупный белый снег,
Нарочно выйдя в третью смену.
И на снегу его пимы
Скрипели мягко, не сердито.
Так шло строительство зимы –
Без инвестиций и кредитов.

АСТАЛЬЦЕВА Елизавета Николаевна, драматическая писательница и переводчица.

Авт. Кн.: "Новый дворник, или укротитель бурных страстей". Фарс в 1 действ. М., 1886; "Наследство Тупинеля". Ком. в 3 д. Пер. с франц. (совм. с А.Крюковским). М., 1891; "Следы минувшей ошибки". Драма в 4 действ. Пер. с фр. СПб., 1875; "За наследство" Драма в 3 д. Леональда-Кано и Мазас. Пер. Е. Ас...вой. М., 1889; "Восторженная натура" Ком. в 1 д. - В сб. пьес "Для сцены". Т.У11. СПб., 1886.

Масанов. Венгеров.Источ.

АСТАПОВА Т., автор воспоминаний.

"Когда Марина была юной: Воспоминания о гимназических годах М.Цветаевой". Предисл. А.И.Цветаевой. - Юность, 1984. № 8. С.95-98, портр.

ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 9193 а.

АСТАФЬЕВА Е.

"Дети на солнце (книжка-картинка)" М., 1930; "Индия (книжка-картинка)" М., 1931.

Старцев.

АСТАФЬЕВА К.Н.

"Краткое руководство кройки по упрощенной системе" СПб., 1911.

АСТАХОВА Анна Михайловна (1886 - 1971), фольклорист, литературовед.

Особый интерес представляют исследования А., посвящ. былинам, судьбам устно-поэтич. наследия и советскому фольклору. Собрала свыше 10 тыс. народн. поэтич. произведений. Авт. кн.: "Былины Севера" Т.1-2. М.-Л., 1938-51; "Русский былинный эпос на Севере", Петрозаводск, 1948; "Илья Муромец" М.-Л., 1958 и др.

КЛЭ; Личные архивные фонды, т.3.

АСТАШЕВА Евдокия Александровна

Ред.-изд. журн. "Артист и Сцена" (1913).
Венгеров.Источ.

АСТОРИ Е.

Авт. сб стихотв. "Диссонансы", Варшава, 1911. Отзыв Брюсова: "Рус. мысль", 1911. № 7, с. 24.

АСТРАКОВА Татьяна Алексеевна (псевд. Белевская; 1814 - 1892), прозаик.

Выйдя замуж за магистра математики Н.И.Астракова, вошла в круг его друзей А.И.Герцена, Н.П.Огарева, Т.Н.Грановского, М.С.Щепкина. Н.А.Герцен стала близкой ее подружкой, с которой она переписывалась. Главный труд А. - ее воспоминания о кружке Герцена и людях 40-х годов. В воспоминаниях нашли отражение ум, характер и острая наблюдательность А. Частично воспоминания вошли в кн.: Пассек Т.П. Из дальних лет. М., 1963, т. 2, а несколько тетрадей, переданных автором Пассек, видимо погибли. А. была поборницей жен. равноправия и образования (ст. "Потребность воспитания и образования детей в нашем отечестве...", 1862). В "Рус. вед" печатала цикл очерков-повестей в духе натуральной школы. Оставила также воспоминания о худ. В.А.Тропинине, ученицей которого была в 30-е годы.

Русские писатели; Слов. рус. писательниц; ИДРДВ. Т.2. Ч.1. № 1297.

(Продолжение на стр.81)

«Всхлипы» НТМК

(результаты поиска)

Вроде бы ушел в прошлое тот период, когда многие предприятия в различных регионах России из-за нехватки наличности прибегали к выпуску своих собственных денежных суррогатов. Тем интереснее восстанавливать, порой по крупичкам, историю создания и обращения различных экзотических «валют».

Исследуя выпуск денежных суррогатов предприятиями Свердловской области, нельзя было пройти мимо такого гиганта уральской металлургии как Нижнетагильский металлургический комбинат (НТМК). Весной 1998 года появилась информация, что комбинатом осуществлена эмиссия собственных денег, получивших среди металлургов Нижнего Тагила грустное наименование – «всхлипы». Первичный поиск дал довольно скудные результаты: работникам НТМК в день зарплаты выдавали какие-то чеки номиналом 200 рублей (приличная сумма по тем временам – около 35 USD, ведь это происходило сразу после дефолта, а до дефолта еще полгода...). Местные чеки можно было отоварить лишь в заводских магазинах и ларьках, ассортимент которых, в основном, составляли крупы да макароны. А если появлялись мясные продукты, то люди вновь выстаивались в уже забытую очередь.

Попытки получить «всхлипы» в коллекцию через знакомых тагильчан не удалось. Срок жизни суррогатов составил лишь несколько месяцев, работники НТМК расставаться с ними не желали, а август 1998 года многих надолго заставил думать о более насущных темах.

И только совсем недавно удалось приоткрыть эту страницу истории НТМК.

«Всхлипами» металлурги окрестили торговые чеки – слипы, изготовленные на трехслойной бумажной основе с копировальным покрытием. По-

рядок приобретения товаров и использование услуг с их помощью был введен с 1 января 1998 года. Цель – погашение задолженности перед работниками комбината по заработной плате за ноябрь 1996 года, сентябрь – ноябрь 1997 года.

В счет погашения задолженности осуществлялось: - приобретение продовольственных товаров и товаров народного потребления в магазинах: № 1 (автоцех), № 4 (обжимной цех 1), № 7 (Центральный), № 8 (крупносортный цех), № 13 (мартековский цех 1), № 16 («Елисей» - Гальяно-Горбуновский массив);

Клуб собирателей

РЕКА ВРЕМЕНИ

- приобретение лекарств через консультативно-диагностический центр «Никомед» и пользование его услугами;

- пользование услугами отдела услуг управления сбыта.

Работники НТМК реализовывали свое право на приобретение товаров и пользование услугами с помощью пластиковой карточки «Тагилбанк», используемой при получении заработной платы, а также пропуска.

Каждому работнику комбината под подпись выдавались слипы в пределах суммы задолженности по заработной плате (первоначально не свыше 10 слипов).

При оформлении оплаты покупки продавец магазина, проверив пропуск и убедившись, что покупатель является работником ОАО «НТМК», с помощью импринтера делал на слипе оттиск символов, имеющихся на пластиковой карточке «Тагилбанк», штампа торгового предприятия и фиксировал стоимость покупки. Клиент расписывался на слипе. Один экземпляр слипа передавался владельцу карточки, второй и третий оставались у продавца. В конце смены продавцы группировали и направляли третьи экземпляры слипов в Управление информационно-вычислительной техники (УИВТ).

В УИВТе была создана база данных по задолженности по заработной плате каждого работника. По мере поступления третьих экземпляров слипов операторы УИВТа корректировали сумму задолженности и одновременно заносили сведения о количестве использованных слипов каждым работником. Информация об остатке суммы задолженности по каждому работнику передавалась ежедневно в группу расчета заработной платы расчетной конторы.

Выдачу слипов осуществляли «работники по труду структурных подразделений», которые по мере обращения трудящихся готовили общую заявку по подразделению, выверяли в группе расчета заработной платы остаток задолженности по каждому работнику, и выдавали слипы под подпись в пределах остатка.

Согласитесь, довольно сложная схема.

Кроме того, в целях предотвращения случаев передачи слипов посторонним лицам в УИВТе велся учет номеров выданных слипов пофамильно.

Напомню, что на один слип допускалось приобретение товаров на сумму не свыше 200 рублей. А в случае приобретения дорогостоящих товаров (стоимостью более 1 тысячи рублей) работнику комбината выдавалось специальное разовое удостоверение.

При расчете с НТМК работник был обязан вернуть неиспользованные чеки. Может быть, по этой причине с большими трудностями мне удалось найти всего лишь единичные экземпляры.

Вот такая история «всхлипов»: и настоящих, и бумажных...

АТАЛЬСКАЯ-БЕРНИЦКАЯ Наталья Алексеевна, драматическая писательница.

«Атаман», драма. Таганрог, 1911; «Сказка неразделенной любви: Эюд». Венгеров.Источ.

АТИНА.

(См. Лухманова Н.А.)

АУЭРБАХ Анастасия Федоровна (урожд. Берхгольц; псевд. Тетка Настасья; - 1891), дет. писательница 60-х гг.

Сестра писательницы Ю.Ф.Ауэрбах, мать горн. инж. А.А.Ауэрбаха. (См. Дзюбинский Л. А.А.Ауэрбах. Выдающийся горный инженер России. Красноурьинск, 2004). Авт. сб. рассказов-миниатюр «Первое чтение для крестьянских детей, составленное Теткой Настасьей» (М., 1861, 1864). Рец. - «Рус. слово», 1862. № 1.

Масанов. Венгеров. Сл.

АУЭРБАХ Юлия Федоровна (урожд. фон Берхгольц; 1827 - 1871), прозаик.

Сестра А.Ф.Ауэрбах. Была начальницей Тульской женской гимназии. На ниве народного просвещения А. и ее муж познакомились с Л.Н.Толстым, общались с ним в 50-60-х гг. (См. Дзюбинский Л. А.А.Ауэрбах. Выдающийся горный инженер России. Красноурьинск, 2004. С. 31-50). В повести А. «Простой случай», рассказах из народной жизни «По дороге» и «Преступница» дан идеализированный образ русской женщины с драм. судьбой. Работала над романом, но не закончила его. Некролог А. написал Н.И.Стороженко \ \ СПб. вед. 1871. № 300.

Русские писатели; Венгеров. Сл.

АФАНАСЬЕВА. А.

Авт. неск. стихотв. в «Галатее» (1839).
Слов. рус. писательниц.

АФАНАСЬЕВА Авдотья.

Сотр. Лит. приб. к «Рус. инвалиду» (1830-е гг.).
Венгеров.Источ.

АФАНАСЬЕВА Е., переводчица.

Пер. с нем. «Социальное значение потребительских ассоциаций» (СПб., 1870) - Аф-ва, Е.
Слов. рус. писательниц; Масанов.

АФАНАСЬЕВА Л.

Авт. кн.: «Из писем туриста» (Киев, 1899).
Венгеров.Источ.

АФАНАСЬЕВА Любовь Константиновна (урожд. Зенкович; 1890 - 1969), авт. словарей и адаптированных книг для глухих детей; сурдопедагог Владимирской спецшколы.

Личные архивные фонды, т.3.

АФАНАСЬЕВА-УРАЛЬСКАЯ Мария.

Написала «Сказку о свободной» (СПб., 1907).
Венгеров.Источ.

АХЛЕБИНИНА (Ахлебина ?) Мария Николаевна (1834 -).

Сотр. журн. «Модный магазин» (1862).
Масанов (Ахлебина); Слов. рус. писательниц.

(Продолжение в следующем номере.)

Арсен Борисович Титов, родился в 1948 году, закончил исторический факультет Уральского государственного университета. С 1998 года проживает в Екатеринбурге, возглавляет Екатеринбургское отделение Союза российских писателей. Он автор восьми отдельных изданий прозы, публиковался в «толстых» журналах Москвы и других регионов России, лауреат Всероссийской премии имени Д.Н.Мамина-Сибиряка и четырех региональных премий.

Морпех Паша

новелла

И Камрань, военно-морскую базу во Вьетнаме, мы оставляли, как тараканы грязный стол при внезапно включенном свете. И у берегов Сомали мы в лежку лежали на большой океанской волне. И по самолетам Моше Даяна долбили ракетами с Асуанской плотины. Это все Кузнецов знал и без Паши.

А Вадька Дедулов, афганец и чеченец, майор, сказал прямо:

– Да кагебешник он, твой Паша, потому что шибко обаятельный!

Кузнецов знал и то, что кагебешнику, то есть ныне феесбешнику, с него взять было нечего – государственных тайн он не имел, золота из экспедиций не привозил, а тот материал, что привозил, был уникален только лишь для археологической науки да и то только в свете научной теории самого Кузнецова. Но Павша впрямь был обаятельным и даже чуть больше, чем обаятельным. Он знал все и даже чуть больше, чем все. С Вадькой Дедуловым они в

самых подробностях обсосали Лашкаргахские окрестности, где Вадька полтора года кушал дыни с изюмом, за что имеет Красную Звезду и нервные припадки после контузии. С матроной Эн, кузнецовской пассией, Паша забрел в такие кущи какой-то там разновидности йоги, что Кузнецов спросил, не в Индии ли вместо Афгана был Паша. На это Паша с присущим ему обаянием ответил, что был и там и там. Кузнецов снова спросил, как же, де, он, морпех, оказался в Лашкаргахе. Для тех, кто не сможет найти этот город на карте, следует пояснить, что этот город находится на юго-западе Афганистана недалеко от Кандагара, в пустыне. Кстати, и о том, как наши летчики бежали в тысяча девятьсот девяносто шестом году из кандагарского плена на захваченном самолете, Паша тоже рассказал в подробностях, так как тот аэродром превосходно помнил.

Ну, так вот, на вопрос, как Паша, будучи морпехом, оказался в Лашкаргахе, Паша ответил:

– Ты в армии служил?
 – Два года после университета командовал взводом на Курилах! – сказал Кузнецов.
 – И у вас там был порядок в части? – спросил Паша.

– Когда кета шла! – сказал Кузнецов.

– Ну вот видишь! – сказал Паша.

И Кузнецов понял, что Паша знает и про то, что в период браконьерского лова лосося в гарнизонах Дальневосточного округа наступает полный порядок, остальное же время обычно, как и везде в армии, характеризуется словом «бардак», которое давно уже считается синонимом слову «норма». К сему Кузнецов оценил несколько вполне профессиональных суждений Паши и по его, кузнецовской, теме. А Вадька Дедулов сказал, что сам в Афгане видел морячков с Тихоокеанского флота.

Потому, игнорируя все прочие мелочи, навряд ли тех, что местный губернатор принимает свои решения не иначе как только с согласия местной мафии, о чем Паша, конечно, знал во всех тонкостях, приходится сказать – знания Паши вызвали в археоложке, то есть археологической лаборатории, удивление.

Собственно, и само появление Паши было тоже удивительным. Вбежал он в археоложку загорелый, седоусый, красивый, сунул с головы черную вязаную шапочку в карман черной дорогой куртки, протянул крепкую открытую ладонь:

– Володя, привет! – и через паузу: – Не узнаешь? Правда не узнаешь? Я Паша. Помнишь мы с Андреем Смирновым и телевиденьем к тебе на раскоп приезжали?

Кузнецов, как всякий молчаливый человек сказал прямо:

– Андрея помню, а вас нет!

– Да у тебя раскоп был в... – назвал Паша точнейшее место и время пребывания Кузнецова со своей экспедицией лет пять назад и через паузу прибавил: – Мы с Андреем тебе коньяк привезли, а ты спирт выставил!

– Коньяк с Андреем помню, а вас нет! – снова сказал Кузнецов

– Ну фрагмент стены у тебя тогда хорошо вырисовался. Все кричали: научное открытие, научное открытие! – а ты никого на километр к ней не подпускал, кричал, что все к черту обвалит, и тогда ты лично всех лопатой перебеешь и под этой стеной закопаешь для будущих археологов!

– И это помню, а вас нет! – удивился Кузнецов своему беспамятству, а потом спохватился:

– Да ладно, проходите, садитесь, гостем будете!

А через неделю ежедневного общения, когда Паша обнял всю археоложку, Кузнецов деликатно спросил его, кто же он все-таки по роду занятий.

– Ну да! – улыбнулся Паша. – Вы все думаете, я феесбешник. А я простой отставной морпех, подполковник, сейчас курирую от министерства обо-

роны кое-какие местные производства. И, кстати, – он обвел взором лабораторию, – могу за бесценно достать сюда новейшую оргтехнику в любом количестве и наборе. У меня на таможне работает бывший сослуживец.

Кузнецов слышал, что таможня задерживает и потом распродает совершенно качественный товар, документы которого оформлены неправильно. Но деньги в лаборатории были только на зарплату и он, как молчаливый человек, опять об этом сказал прямо.

– Володя! – вскричал Паша. – Я ведь не век здесь буду! Командировка закончится, и я уеду к себе в Москву. Не надо упускать такой случай! – Паша сорвался из лаборатории и вернулся через час с бумагой: – Вот!

Кузнецов поглядел в бумагу и впечатлился. За копейные деньги Паша мог превратить археоложку в нечто похожее на американский центр космических исследований.

– Н-да! – сказал он и криво усмехнулся на свое безденежье: – Ты, Паша, романтик!

– Конечно, романтик! – обиделся Паша в том смысле, что связался с бестолковыми людьми.

Кузнецову стало стыдно. Стыд тотчас перерос в обиду на университет, не финансирующий лабораторию, на самого себя, не умеющего найти деньги помимо университетских. Стыд перерос в обиду и на Пашу, заставившему Кузнецова испытать свою ничтожность в этом плане. И в подавление этого сложного чувства Кузнецов вынул из сейфа остаток своей зарплаты.

– Ну вот! – посветлел Паша. – Я прибавлю – и хоть компьютер у тебя будет!

Он ушел и на следующий день пришел смущенный:

– Подождешь два дня? Отправил он в все в продажу. Я ему: да ты чо! – А он: ну достали меня! Через два дня будет.

– Конечно, подожду! – снова испытал стыд Кузнецов.

– Через два дня точно будет! – заверил Паша и вдруг как бы даже озарился, как бы даже осветил неким сиянием археоложку: – А постой-ка, Володя! – и схватил с пояса мобильник, которого у Кузнецова тоже не было. Схватил, потыкал в него пальцем и спросил кого-то, назвав Санькой, будет ли тот Санька сейчас на месте, ибо Паша сейчас к нему прикатит.

И Паша укатил. И прикатил он на другой день с вестью, что Санька, Александр Иванович и родной брат Паши, богатейший человек, в качестве безвозмездной помощи отстегивает археоложке пятьдесят тысяч, правда, не баксов, то есть не долларов, а всего лишь наших пятьдесят тысяч рублей, так сказать, деревянных.

– Я ему говорю, отстегивай баксов. А он стал жадный. Я ему столько всего сделал. Он у меня в долгу по уши. Но, нет, говорит, пусть пока деревян-

ным твоя археология обрадуется! Давай, Володя, банковский счет. Он тебе перегонит. Я с него не слезу! – сказал Паша.

Кузнецов подумал, не разыгрывает ли его Паша, и стал отнекиваться, мол, да ладно, спасибо, не надо, проживем и так, заработаем сами, вот и новый договор на раскопки готовится.

– Да давай счет! – слегка рассердился Паша. – Давай скорее, пока этот жлоб не передумал. У них, у жлобов, это запросто! Давай!

И Паша опять укатил. И опять прикатил во всем сиянии.

– Пусть-ка не переведет! Я ему устрою встречу героев из Камрани. Ты знаешь, как нас встречали из Камрани? Ночью загнали в какой-то док типа галльон и хоть бы одного поганого прапорщика береговой службы выделили! Хочешь, выгружайся на берег своими силами, хочешь, сразу топись. Никому никакого дела нет, – в возбужденном сиянии кружил по археоложке Паша и прибавлял, что брата своего поделить денежкой он заставит.

Кузнецов занял до зарплаты, и всей археоложкой по такому поводу превосходно взгудели. Как в России положено, не хватило. Кузнецов занял еще, а потом выложил последние Вадька Дедулов. А потом Кузнецов с Пашей пошли в забегаловку на угол.

– Пусть только, Жлобина, не переведет! Он в казино каждый вечер по пятерке проигрывает, по пяти тысяч баксов! А тут какие-то деревянные! Переведет! Он мне во как обязан! – говорил Паша.

И опять Кузнецову было стыдно за свое вот такое убожество, за свою законченную бездарность, когда кто-то себе позволяет каждый день проигрывать полтора-два тысяч рублей, а он не может обеспечить свою археоложку даже самым минимумом, из-за чего она походит на избу приказного дьяка какого-нибудь там семнадцатого века.

В забегаловке они сели с водкой за столик, и к ним вскоре от соседнего столика пришла с бутылкой шампанского красивая и явно очень сильная молодая женщина. И только она села к ним за столик, как появился грязный, едва не в струпьях, мальчонка.

– Дайте на хлебушек, пожалуйста! – стал клянчить он.

– Пойти, пойти! – сказал Паша, а Кузнецов молча отвел глаза.

Соседка же, эта молодая красивая и явно сильная женщина, уцепила мальчонку за рукав.

– Ты, правда, есть хочешь или клянчишь деньги для кого-то? – строго спросила она и, когда тот подтвердил, что просит на хлеб, купила ему ворох бутербродов и колу. А потом показала на Кузнецова: – Я за вами минут десять смотрю. Из вас вот он настоящий мужик!

Паша на секунду вспыхнул. Но тут же взял себя в руки.

– Этот? – потрепал он Кузнецова по плечу. – Этот – да.

Молодая женщина потянулась к нему со стаканом:

– Будь всегда мужиком!

– Буду, буду! – хотел буркнуть Кузнецов и вдруг вспомнил, что в это время у него было назначено свидание с матроной Эн, его пассией. – Паша! – вскричал Кузнецов и удрал к себе в археоложку в надежде, что матрона Эн его там еще ждет.

Матрона Эн его уже не ждала. Кузнецов отыскал ее по телефону, объяснил причину своего невнимания, был тотчас прощен, и свидание их состоялось. Паша уже пришел в следующий полдень, пришел несколько утомленный и озабоченный, как обычно приходят на работу мужчины, желающие намекнуть на проведение ночи не в своей постели.

– И что? – спросил Кузнецов.

– Переночевал, – сказал Паша. – Оказалась мастером спорта по плаванию! – а потом сказал, что звонил брату и на таможду: – Завтра все будет о кей! Таможня в качестве неустойки коньяк ставит!

К концу рабочего дня он отвел Кузнецова в сторону:

– Послушай, Володя. Сейчас ко мне она придет. Хочу ее в кабаке сводить – все-таки у нее переночевал. Давай вместе пойдем. Она просила. Говорит про тебя, мужик.

– Паша, – сказал Кузнецов. – Ты, наверно, не представляешь зарплату научных работников! Да и сейчас ко мне придет моя Эн.

– Ну так вообще класс! – воскликнул Паша. – О деньгах не беспокойся. Я сегодня получил. Только вот о чем тебя попрошу. Нужно, чтобы в ресторане заплатил ты, как настоящий мужик. Ей будет вообще в кайф! – Паша протянул Кузнецову приличную пачку тысячных.

– Да ведь мне с тобой никогда не расплатиться! – испугался Кузнецов.

И Паше пришлось не мало потрудиться, применить все свое обаяние, чтобы доказать Кузнецову совершеннейшую невинность его затеи.

– Не переживай. На самом деле деньги мои. Я сегодня получил зарплату. Заплатишь, сколько нужно, а остальные отдашь мне. Я вас с Эн приглашаю! – говорит Паша.

Наконец Кузнецов сдался. Он подумал, что в условиях, когда Паша ради него уговорил жлоба брата кинуть ему, Кузнецову, такие деньги, на которые если и не удастся оборудовать в археоложке нечто вроде американского центра космических исследований, то вполне удастся купить приличный компьютер со всеми нужными причудами, он, Кузнецов, не имеет права отказать Паше в его просьбе.

И в ресторане, когда гарсон принес счет на какую-то там сумму тысяч с мелочью, Кузнецов неторопко полез в карман. Однако Паша подлинно оказался морпехом. Он вдруг неуловимым движением выложил на тарелочку со счетом всю сумму.

– А мы с Володей договорились: сегодня я плачу, а в следующий раз он! – сказал Паша со всем своим обаянием.

– Конечно, конечно! – в растерянности замямлил Кузнецов.

В гардеробе он пытался незаметно от женщин всучить Паше деньги обратно, но Паша, сделав страшные глаза, сказал, что потом.

– Ну, в самом деле потом ты заплатишь, Володя! – сказал Паша.

А этого «потом» не случилось. К всеобщему удивлению, Паша больше к Кузнецову не пришел. И никаких денег от жлоба Пашиного брата, конечно, Кузнецов не дождался, как ничего не получил с таможди. Кстати, и с матроной Эн у Кузнецова со временем разладилось. Может быть, она думала о Кузнецове, как о богатом человеке, а потом увидела, что это не так. А может быть, наоборот, стала думать о нем, как об этом болтателе по ресторанам, казино и черт те знает еще чего.

Через год позвонил Андрей Смирнов с телевизора и спросил, давно ли Кузнецов видел Пашу.

– Исчез год назад так же неожиданно, как и появился! – сказал Кузнецов.

– А как вы с ним познакомились? – спросил Андрей Смирнов, выслушал и в сердцах сказал: – Надо же как во всех подробностях запомнил! Я ему как-то рассказывал про тебя и показал ту пленку! Ну все запомнил! – и еще потом спросил, не брал ли Паша у Кузнецова деньги.

– Нет! – отчего-то соврал Кузнецов.

– А у меня взял пять тысяч долларов! – сказал Андрей Смирнов.

– Да не может быть! Он же морпех, подполковник! – вскричал Кузнецов, по своему опыту знающий, что при всем бардаке в армии денежные долги – это святое.

– Кто морпех, кто подполковник? – спросил Андрей Смирнов.

Кузнецов сразу посмотрел на Вадьку Дедулова, распаковывающего коробки с компьютерной техникой.

– Паша подполковник? – спросил Андрей Смирнов. – Да он же уволенный из органов следователь-лейтенантишка. Я о нем уже все справки навел. Он обыкновенный мошенник и объявлен в розыск!

Кузнецов снова посмотрел на Вадьку Дедулова. Это ведь он, прозорливец, увидел в Паше кагебешника, то есть нынче феесбешника, и под предлогом, что Паша таким нестандартным образом извинился и за брата, жлоба, и за таможенника, ну, и за всю феесбешную службу заодно, наконец-то уговорил Кузнецова хоть сколько-то вывести археоложку из семнадцатого века.

– Н-да! Офросиньца девка бела, волосьем богата, да нос-то кокореват! – после некоторого молчания сказал словами того же семнадцатого века Кузнецов.

– И что? – спросил Вадька.

– Запакуйвай. Повезем обратно! – сказал Кузнецов.

Саянская сказка – Окинское плоскогорье

Познакомившись с жемчужиной Восточной Сибири – Тункинской долиной, о которой мы уже писали, путник покидает ее по новой дороге в Восточный Саян, ведущей в верховья р. Иркутта и в долину р. Оки, в небольшой районный центр пос. Орлик. Сначала долина Иркутта широкая, справа поднимаются Тункинские Гольцы, которые по характеру гор ранее часто назывались местными Альпами. Слева по пути поднимается громада Мунку-Сардыка, высочайшей горы Восточной Сибири, поднимающейся без нескольких метров на высоту почти четырех километров. На склонах его сохранились небольшие ледники, много снежников, привлекающих во множестве иркутских горных туристов и сноубордистов. Да! Сами эти горы подобны Альпам!

У устья Белого Иркутта все меняется: долина превращается в узкую теснину, а днище долины Белого Иркутта покрыто глыбовыми развалами, свидетельствующими о сильных и быстрых паводках при таянии снежников. Здесь вход в новый и особенный мир, проникнуть в который можно двумя путями. Первый и старинный – это конная тропа, поднимающаяся по междуречному мысу – стрелке между долинами Иркутта и Белого Иркутта. Именно по этой тропе проник в верховья р. Оки Петр Алексеевич Кропоткин, описавший первым эти места в запоминающемся научном очерке. Кто знает, может быть открывшийся ему при преодолении подъема мир оказался одной из побудительных причин его будущей научной и общественной деятельности.

Этой тропой долго пользовались, наряду с местными жителями, водные туристы, стремившиеся к верховьям р. Оки, чтобы совершить по ней запоминающееся на всю жизнь путешествие. Иные к нему готовились от отпуска до отпуска, выверяя до грамма

поклажу, готовя по особым рецептам калорийные продукты.

Теперь стало проще, хорошая дорога ведет в верховья долин Иркутта и Оки и далее мы ее и используем. Дорога ведет нас по долине Иркутта, все более сужающейся. На крутых ее скальных бортах из подвешенных высоко над руслом Иркутта долин вырываются небольшие водотоки и падают в него живописными каскадами. За небольшим поворотом, где дорога проходит на добрую сотню метров над Иркуттом, прямо к дороге падает со скал водопадная струя. Здесь живет бурхан – местный бог и здесь положено бурханить. Иные отдаются этому порыву с видимым удовольствием, и ниша у бурхана завалена пустыми бутылками... А место, вообще говоря, живописное, и запоминание его красот вовсе не требует обращения бурхану. А он делает свое дело: выше по течению долина Иркутта становится ущельем со скальными склонами и многочисленными осыпями. Для прокладки дороги потребовалось стиснуть русло Иркутта, и сейчас человек и река ведут здесь вечную борьбу. Река зимою дает некоторую возможность человеку отдохнуть, а летом вода в ней буквально кипит на сплошных перекатах и стремнинах.

Но вот высота бортов долины начинает понижаться, но это в основном за счет сильного падения русла реки. У устья Сусэра Иркутт несколько успокаивается, а дорога сворачивает влево, еще несколько сот метров и перед вами открывается иной мир: это не стиснутое скалами пространство долины Иркутта, а широкий простор горных тундр и лугов на высоте 1900 м и более – это Окинское плоскогорье Восточного Саяна. Господство плосковерхих пространств и куполоподобных широких гольцов с некрутыми склонами, придает Окинскому плоскогорью облик междугор-

ного понижения, обрамленного пиками и острыми гребнями Мунку-Сардыка на юге, Тункинских Гольцов на востоке и Китойских гольцов на севере. Но такая внешность Окинское плоскогорья весьма обманчива: высоты его плосковерхих вершин-гольцов составляют в среднем 2100 – 2400 м и могут достигать 2800 м и в этом по высоте Окинское плоскогорье лишь слабо углублено в окружающие альпийские высоты окружающих его хребтов, и основная его поверхность имеет высоту 1900 – 2100 м. В этом отношении многие путешественники и исследователи, и, в первую очередь, Сергей Владимирович Обручев, называли Окинское плоскогорье Восточного Саяна малым или сибирским Тибетом, и встречающиеся на пути стада пасущихся яков вполне могут убедить вас в справедливости этого сравнения.

Что такое Окинское плоскогорье в географическом смысле? Это окруженное альпийскими хребтами пространство пологоволнистых вершинных поверхностей с многочисленными ледниковыми озерами, над которыми возвышаются куполоподобные вершины. Это мир горных тундр и лугов, гольцов с каменными россыпями и редкоствольной лиственничной тайгой. На этой поверхности начинают свой бег к Ангаре многие ее левые притоки – Иркут и Китой, Ока и Урик, Белая. Они начинаются на плоских вершинах или вытекают из ледниковых озер. Это часть Отечества, населенная русскими, бурятами и саянскими тюрками – сойотами, которые еще 100 лет назад использовали в своем хозяйстве не только коров, лошадей и яков, но и северных оленей. Это район, поставляющий на рынки камнесамоцветного сырья великолепный зеленый нефрит, который в тонких срезах иногда просвечивает. У меня есть пластинка такого нефрита, в котором на просвет запечатлена тропическая буря: гнущиеся под ветром деревья, водные вихри и все секущий сплошной ливень.

Что к этому еще можно сказать об Окинском плоскогорье? Чистые и бурные реки, источники горячих минеральных вод (термы), молодые вулканы, лавовые плато и долинные лавовые потоки, многочисленные следы древнего оледенения и водопады. И журавли, гуляющие по окинским лугам.

Но вернемся к нашему путешествию. Поднявшись по долине Суэра на Окинское плоскогорье, путник вновь оказывается перед выбором: дорога направо ведет к верховьям Иркута и далее к золотым рудникам в верховьях реки Китоя. Дорога прямо – это путь по долине реки Оки в центр плоскогорья, в пос. Орлик и далее по долине Оки до хребта Кропоткина, поднимающегося стеной и ограничивающего Окинское плоскогорье с северо-запада. Выберем сначала первый путь и посетим верховья Иркута, на высоте 1952 м вытекающего из озера Ильчир. Долина Иркута здесь просторна, насыщена крупными ледниковыми озерами – и кругом сплошные луга, летовки. И не скажешь даже, что ниже по течению Иркут становится буйным и вырабатывает узкую долину-щель между Окинским плоскогорьем и Тункинскими Гольцами. В верховьях Иркута в ледниковую эпоху существовал,

видимо, крупный ледоём, в который стекали ледники с соседних гольцов. Ледовая масса здесь накапливалась, как бы перераспределялась, спускалась языками в долины Китоя и Иркута. А после таяния ледников человеку здесь открылся завораживающий душу простор.

Другой путь – вниз по долине Оки – знакомит нас с иными достопримечательностями Окинское плоскогорья. Ока тоже вытекает из крупного ледникового озера, располагающегося на плосковершинной

поверхности между небольшими куполовидными гольцами, выступающими до высоты 2400 м. Река быстро врзается в вершинную поверхность плоскогорья и оформляет широкую долину, на бортах которой местами видны вырезанные в них в ступени-прилавки – это следы ледниковых долин-трогов. Долина Оки делит плоскогорье на две различные части: на юго-западе господствуют широкие вершинные поверхности – нередко это остатки лавовых плато; на северо-восток над плоскими вершинными поверхностями до высот 2900 м возвышаются изолированные гольцевые массивы. В долине располагаются небольшие деревни (Сорок, центральное поселение сойотов, и др.) отдельные усадьбы-зимовья, в которых люди живут постоянно. Часто зимовье располагается в устье боковой пади, в которой содержится скот на вольном выпасе. Иные хозяева и не знают сколько у них скота пасется в «их» падах. Крупный рогатый скот – главное богатство этого края, основа существования его жителей.

А дорога приводит в районный центр Орлик и этот поселок оставляет у путешественника сложное и двойственное впечатление. Одна из главных улиц поселка названа именем Обручева. Не Карла Маркса, не Розы Люксембург, а именно Сергея Владимировича Обручева – известного геолога и путешественника, много лет и плодотворно изучавшего природу Восточного Саяна.

Другая достопримечательность поселка – во дворе-огороде сейсмической станции «Орлик» растет дерево – лиственница со странной формы кроной. Это тоже дерево-бурхан, видимо, вместе с приборами сейсмической станции наблюдающий за эхом подземных бурь – ощутимые землетрясения в районе Окинского плоскогорья являются обычным явлением.

Вместе с хорошей дорогой в Окинский край пришли цивилизация и «цивилизация». Первая – это возможность поездки в Иркутск или Улан-Удэ на автомобиле, сбыта продукции скотоводства. А вторая? Из бросающихся ее следствий особенно умиляет возможность закусить выпитое бананом...

И потому не задерживайтесь в Орлике и продолжайте свой путь вниз по долине Оки вплоть до устья реки Жомболока, где вас ожидает встреча с новыми чудесами природы Окинского плоскогорья. Главное из них – базальтовый поток, заполняющий днище долины Жомболока на протяжении нескольких десятков километров. Он начинается в горах, окружающих с запада Окинское плоскогорье, и протягивается по долине Жомболока до его устья. Боковая ветвь базальтового потока уходит на северо-запад, перегораживает в виде лавовой плотины долину, где располагается ряд плотинных озер. В вершине базальтового потока располагаются три свежего облика вулканических конуса с кратерами – это вулканы Кропоткина, Перетолчина и Старый, конусы которых созданы как будто вчера. Это результаты одноактных вулканических извержений. Сам базальтовый поток в его верхней части лишен растительности, с окружа-

ющих его вершин на его поверхности хорошо видны линии и валы течения, небольшие, похожие на печи горнитосы, созданные над продухами, по которым вулканические газы прорывались в атмосферу из еще не остывшего базальтового потока. Поверхность его практически лишена растительности, что позволяет увидеть в деталях все особенности движения базальтовой лавы по долине Жомболока. Это очень молодое образование, может быть возникшее на глазах человека.

В низовьях Жомболока заполняющий его долину базальтовый поток зарос лесом, но местами он оголен и позволяет увидеть запечатленные в камне все особенности перемещения глыбовой лавы. На окраинах его хорошо видны напорные лавовые валы, рассекающие их трещины – это, словом, первозданный хаос. Русло Жомболока несет по нему или около него, образуя многочисленные каскады, сливы и стремнины – это царство бушующей воды.

Особенно интересна ситуация в районе низовьев Жомболока, где его русло раздваивается. Одна его протока покидает поверхность базальтового потока и спокойно вливается в Оку. Другой, левый поток прорезает базальты и невдалеке от устья падает с поверхности вулканического потока живописным водопадом высотой более 10 м. Ниже река течет в ущелье с отвесными стенками.

Но Природа, видимо, решила что этого мало и рядом с Жомболокским водопадом располагается

точно такой же в приустьевой части реки Сайлаг. А рядом в подошве хребта Кропоткина видны нагромождения валов – это конечные морены древних ледников.

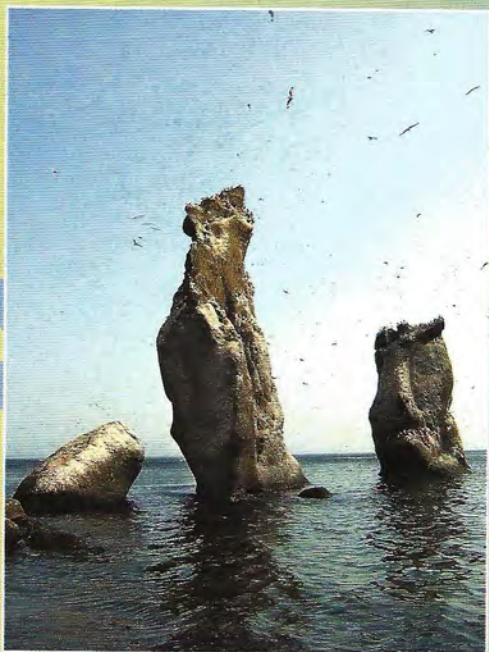
Жомболокский водопад оказался одной из побудительных причин для изучения природы Восточного Саяна. В начале шестидесятых годов XIX века в Иркутске, а затем и в столицах распространились слухи, что вот-де в Саяне есть водопад по реке Оке, ничем не уступающий Ниагарскому и даже его превосходящий. Для проверки этого Сибирский отдел Русского Географического общества и снарядил экспедицию П.А.Кропоткина. Ее финансирование и по современным меркам было смешным, да еще Петр Алексеевич сэкономленные суммы вернул в кассу отдела. Экспедиция состояла из самого Кропоткина и сопровождающих его тункинских казаков; результатом путешествия было первое и великолепное описание природы Восточного Саяна в геолого-географическом отношении. Читая его, завидуешь автору, который путешествовал верхом на коне, много видел и, где это необходимо, мог остановиться и детализировать наблюдения. Сейчас же быстро перемещаешься на автомобиле и все откладываешь на потом и это «потом» чаще уходит в вечность. А над северо-западной окраиной Окинского плоскогорья на высоту более 3000 м рвутся в небеса пики хребта Кропоткина – лучшего памятника великому исследователю Природы и Человека.

А на лугах окинских гуляют журавли.

ЧИТАЙТЕ В НОЯБРЕ:

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Уральцы активно осваивают мир; «наших» можно встретить в Новой Зеландии и в Тибете, в Аргентине и в ОАЭ. Но и на просторах России-матушки есть места, куда доселе не ступала нога екатеринбуржца. Одним из таких мест является полуостров Терпения и мыс с тем же названием, находящиеся на острове Сахалин, - восточном форпосте державы.

Своими впечатлениями о путешествии по Южному Сахалину делится Сергей Александрович Новопашин, преподаватель УрГПУ, автор статей и книг, посвященных Уралу.

АЗАЛИТА

«Осень Артиста – гончего пса» Н. Г. Смирнова удивительно красивый и атмосферный рассказ, весь пропитанный добрым, немного грустным осенним настроением. Его гуманизм в каждой строчке текста, а таинственность изображенного в рассказе леса придает интригующей остроты. Это даже не рассказ, а добрая сказка о животных и их взаимоотношениях.

Хочешь двигаться – ищи попутчика!

Свердловский областной
клинический психо-
неврологический госпиталь
для ветеранов войн

**ХИМТЕХ
СТРОЙ**